

Эдемский Маг

Великая война архимагов готова разразиться во всём Нижнем мире. Верующие в Церкви Господа и отринувшие эту веру — обыкновенные предатели и пособники тёмных сил — вот-вот схлестнутся в общем магическом вихре. Время сомнений и лживых надежд давно прошло. Пришло время доказывать и побеждать!

Сам эдемский маг был сломлен. Он не знал кто он такой на самом деле, не ведал почему и отчего внутри такой пустой и бесчувственный. Зато он прекрасно знал другое — ему нанесли поражение. Тяжёлое поражение. Отныне маг был обязан идти до самого конца, чего бы это ему ни стоило. Саркис снова встаёт на ноги и идёт вперёд, стремясь стать сильнее и крепче себя прежнего. Он многое потерял, многое оставил позади, но он всё ещё идёт с гордо поднятой головой, ведь с самого начала Саркис чувствовал — встреча с Ним была предрешена самой судьбой!

Время текло. Неосязаемое, незримое, непознаваемое и неизведанное.

Время текло, напоминая плавно текущую ленту голубой речки, в которой весело виляли хвостами разноцветные глазастые рыбки.

Время текло, а раны всё никак не затягивались. Тело давно зажило, уже окрепшее и готовое вступать на путь новых подвигов, свершений и поступков. Восстановилась и мана, за считанные дни наполняя и скапливаясь в твёрдом богатырском мощном теле. Однако до истинного выздоровления было ещё очень далеко... Время оказалось не настолько всемогущим и не настолько исцеляющим, хоть в народе Нижнего мира такое поверье за ним и закрепилось.

«Друг... Мой Демьян... Ты погиб за меня, отдал свою молодую жизнь... А я — мой главный верный брат Победа ускользнул из пальцев, покинул меня, как и сестра Удача. Я проиграл, а единственный кто подарил небо этому городу — это ты, дружище... Покойся с миром, свидься с родителями, обними их, услышь про себя правду — ты стал щитом, ты стал оружием, ты оставил по себе заслуженную память и доказал, что обычный человек способен на всё... Как бы я хотел сказать тебе это лично, мой кудрявый друг...» — Саркис калачиком свернулся на земле, отвернувшись от всего мира, почти зарывшись в чавкающую грязную набухшую от влаги чёрную землю. Руки не двигались, ноги мирно растянулись, утопая в лужах грязи, а голова изредка потрясывалась, словно бы от немого плача.

Небо было черно. В городе было темно...

Пару миллиардов лет назад...

Ветер перемен шумно пронёсся вдоль покинутого всеми поля, заставляя пышную зелень гордо склонится вниз, а мелкие кустики истошно заверещать от особо сильных и беспощадных порывов. Небо в Эдеме всегда было голубо, безоблачно и ясно, но сегодня наступал день перемен, и тучи потихоньку заволакивали такой родной и светлый простор.

Вокруг не было ни души. Поле опустело, лишаясь своих златовласых Детей. И сам Эдем чувствовал нечто неладное, страшное, нечто такое, что было готово разрушить давно устоявшийся здесь порядок вещей.

Саркис беспокойно озирался по сторонам, да так долго, что толстенная мощная шея вскоре заболела. Глаза бегали, словно заведённые, а взгляд с каждой секундой становился всё беспокойнее, хоть на вид богатырь казался невозмутимым каменным изваянием. Ветер яростно кидался на его длинные шёлковые чёрные волосы, дрался с ними, будто боксёр на ринге. Металлические кнопки на плотной куртке незаметно для Саркиса расстегнулись, заставив одежду отчаянно закричать под дикими ветренными напорами, совершенно невозможными в саду самого Бога. Что-то случилось, что-то происходило, что-то менялось... Отец чувствовал мятеж, чувствовал изменения и наверняка знал мысли каждого из своих Детей... Детей-изменников...

— Братья, куда же вы успели подеваться? — прокричал чернявый крепкий богатырь. — Ещё точно не поздно повернуть назад, постараться здраво всё осмыслить и оценить... Не совершайте ошибок! Не делайте того, что делало множество поколений до вас! Сверните с этого ненужного мятежного пути! Одумайтесь!

Громкие слова нещадно тонули в налетевшем кричащем ветру, уносились вдаль,

распадались на части и рассеивались, так и не долетая до златовласых отступников.

Поле было покинуто и оттого сразу же тяжело заболело. Зелень в считанные минуты посерела, многие травы совсем прогнулись к земле, а некоторые зелёные стволы безжалостно переломились надвое. Кусты же облетали, оставляя деревянные ветки голыми шататься в несущемся сквозь них урагане.

Природа была недовольна. Бог делал последнее грозное предупреждение...

— Адам! Алерт! Алисанда! Просто выйдите ко мне! Поговорите! Может... Может я ещё могу вам помочь... Может ещё не всё потеряно... — будто бы молился Саркис, в душе осознавая, что для нового поколения его братьев настал неотвратимый горький финал. Отец их никогда не простит. Предательства не прощались даже в Нижнем мире!

Позади еле идущего под ураганным ветром богатырского тела медленно плелась ещё одна фигура, мягко ступая по рвущейся, кричащей и пригибающейся траве, некогда такой пышной и зелёной. Всё же Саркис был не один в этом покинутом заброшенном Эдемском поле... Мягкие шаги ступали неспеша, с остановками, будто бы боясь быть замеченными, услышанными и узанными. Этот осторожный златовласый человек всё же следовал за Саркисом, явно таясь и остерегаясь чёрного брата. Его мелкие золотые волосы, по-прежнему взрыхлённые на макушке, яростно кидались из стороны в сторону. Глаза, уверенные, сухие и отчасти посмеивающиеся, неотрывно глядели на мощную чёрную спину, прорывающуюся сквозь непогоду, сквозь бурно колышущееся бурлящее поле.

— Братья мои... Вы же чувствуете непогоду? Отец злится, он не хочет всего этого! Он не хочет наказывать вас! — сквозь ураган кричал Саркис, однако слова его попросту тонули в воздухе, доходя до слуха только плетущегося сзади златовласого брата. Того самого, что так мечтал оказаться в Нижнем мире. Того самого, что считал Саркиса своим единственным другом, братом и соратником.

Две точки ползли сквозь гнущиеся травы, сквозь иной раз непролазные кусты и огромные неровные кочки. Статный чёрный богатырь и хрупкий золотой юнец, облачённый в роскошные белые одежды, нежно трепещущие на взбесившемся ветру.

Тучи сгущались всё быстрее, а те что сталкивались, будто дерущиеся друг с другом бараны, громогласно кричали и их крик слышал абсолютно каждый в Эдеме. Последнее предупреждение или отчаянная мольба? Надежда или смирение Отца? Предательство Детей или лёгкое помутнение рассудка, небольшой мятеж? Всё это уже было не столь важно. Уже всё поменялось и прежнюю жизнь было не вернуть.

Край поля виднелся у чёрного, затянутого тучами горизонта. Ветер рвал и метал, гром отчаянным воплем проносился по Эдему, а сине-белые роскошные молнии чертили причудливые красивые узоры, такие чудовищно непривычные для этого божественного Эдемского неба.

Саркис уже давно ничего не слышал сквозь эту мешанину из громогласных звуков и было ясно, что и другие ничего услышать не смогут. Однако богатырь сейчас об этом совершенно не думал. Невиданные ему ранее эмоции брали вверх над его сущностью:

— Одумайтесь! Подумайте и осознайте — это самое лучшее место, что только есть в этом мире! Место у Бога, место возле нашего Отца! Не слушайте ту чёрную тварь, того змея... Он не одной с нами крови! Слушайте меня, ведь все мы — братья! Кровные и самые-самые родные! Или вы забыли это? Забыли о своей настоящей родне? Наплевали на свои прекрасные роскошные жизни? Наплевали на происхождение? — по-прежнему пытался перекричать гром Саркис, сложив плотные ладони рупором и напрягая связки, крича так

сильно, как не кричал никогда в жизни.

Плетущийся позади златовласый юнец хитро потёр ладошки, широко улыбнувшись и легонько посмеиваясь. Его мягкие шаги по-прежнему преследовали Саркиса, а погода портилась всё больше и больше, погружая Эдем в беспросветный ужас и мрак.

Наконец поле кончилось, завершаясь крутым каменистым неровным склоном. Саркис остановился, не замечая как куртка, словно бешенная, трещала на страшном ураганном ветру. Его глаза видели и эту глубокую ложбину, и этих златовласых Божьих Детей, стоящих рядом друг с дружкой, практически совершенно нагих, таких весёлых и неузнаваемых в своём теперешнем виде.

Видел Саркис и то, как недавние покорные и послушные братья топчут траву, наваливаются на тонкие деревца, с лёгкостью переламывая аккуратные стволы, берут в руки святую землю, кидают ею друг в друга, словно бы это земля была простыми детскими снежками. Богатырь видел всё это и не верил. Тёр глаза — и надеялся что ошибается, что всё сейчас вернётся на круги своя...

Ноги братьев топтали кусты, руки доламывали ветки, делили их на части и салютом раскидывали в разные стороны. И начиналось разрушение Эдема...

— Бог... Отец — ты же сможешь их простить? — взмолился богатырь, молитвенно сложив тяжёлые руки у груди.

Роскошная высокая беседка хрустнула под десятками тел златовласых Детей, накренилась под их тяжестью и с ужасным грохотом повалилась наземь, взметнув кверху тучу пыли и до конца доказывая Саркису одержимость и безумие недавних друзей.

Молния разрезала небо на несколько частей, оставляя после себя лишь яркое свечение да ужасный грохот. Узор поник, оставив после себя лишь черноту сгустившихся туч.

— Отец — это твой ответ? — спросил богатырь, от бессилия падая на колени и прикрывая лицо ладонями.

Эмоции и чувства... Горечь потери и ожидание скорого наказания для ещё недавно близких и верных друзей. Саркис был способен на чувства, он всё же не был каменным...

Белоснежная роскошная беседка окончательно потонула в пыли, а златовласых уже и след простыл. Под ветер, под лёгкий косой дождь, в окружении грома, грохота и десятков ветвящихся молний, множество помешанных и подчинившихся чужой воле людей продолжали разрушать, уничтожать, рвать и метать собственный светлый дом. И Бог явно всё видел, иначе не плакало бы небо горьким косым дождём, никогда так сильно не окрапывающим святую эдемскую землю...

Всё было потеряно. Окончательно и бесповоротно.

— Этот змей... Я оказался слабее него. Он... Эта неведома тварь одолела меня. Змей из подкупил, перетянул на свою неверную предательскую сторону, наврал им, буквально заставил плясать под свою собственную дудку. Но вопрос... Да, есть один вопрос — какую же цель преследует эта скользкая противная тварь? Чего она хочет добиться? — зрачки Саркиса расширились, а голос потух.

Лёгкий смешок позади ни на грамм не испугал богатыря. Единственный и настоящий друг, брат и соратник стоял за упавшим на колени Саркисом. Стоял, потирал ладони и легонько посмеивался.

— Ты действительно хочешь знать всё об этом ползущем змее? — поправив мелкие ярко-жёлтые волосы, спросил Он.

— Демиург? — задрожал Саркис, боясь повернуться и остаться один на один со

ставшими жестокими, сильными и безбашенными бывшими братьями.

Демиург улыбался и его ослепительные зубы ярко отражали росчерки грохочущих молний. Настоящий аристократ, красавец, тот человек, что так мечтал попасть в Нижний мир...

— Это ты предатель? — закричал богатырь. — Это ты съел первый пропавший с Древа плод? А может... Ты и есть та шипящая тварь?... Демиург! — Саркис оттолкнулся от земли, встав во весь рост и мигом повернувшись к другу, однако встретил только пустоту да пригибающиеся зелёные травы.

— Демиург... Брат... Неужто твоя мечта настолько сильна? Но что ты хочешь увидеть в Нижнем мире? Думаешь там люди свободнее, сильнее, лучше, веселее, красивее?

Слова потонули в звуках грома, грохота и ураганного ветра. Дождь стекал с мокрых, прижатых к спине чёрных волос, продолжая косо бить по всему что только видел, и среди звуков слышался только он один — змеиное шипение уносящегося сквозь поле ящера.

— Демиург, ты... Ты самый настоящий подлец и эгоист! Ради себя любимого пошёл на такое? О чём ты вообще думаешь? О чём мечтаешь? Неужто не раскаиваешься?

Непогода только усиливалась, наконец провозглашая начало новой эры. Эры Эдема без предателей! Эры восстания на Божьей земле!

Песок на удивление был спокоен. Он лежал под жаркими палящими солнечными лучами. Иной раз ветер подхватывал мелкие песчинки, однако засуха и солнце брали своё на этом диковинном пиршественном столе.

Где-то вдаль виднелся узкий торговый тракт, по которому сновали покупатели, торговцы и простые прохожие, обильно обливающиеся потом. Хаживали тут и именитые люди, при деньгах и славе. Выбор был широк и богачи не брезговали заходить сюда, даже забывая о палящем ярком солнце. По две стороны от выщербленной из камня дороги располагались небольшие шатры, столики, лавки со снедью, провизией и ювелиркой. Настоящий рай как всего обыденного, так и всего редкого, уникального и дорогого.

Давно забыли здесь тот теракт, тот огонь, те смерти невинных людей и трескучий лёд, спасший многих и многих от голодной пасти самой Смерти. Сожжённое в ходе теракта — отстроили, произошедшее — забыли. И продолжалась здесь оживлённая яркая жизнь. Сновали торговцы от прилавка к прилавку, не успевая обслужить всех и каждого. Потели и покупатели, тщательно и долго выбирая свой будущий товар.

В небольшом отдалении от рынка, сквозь волны песка, по бездорожью, по сильной пустынной жаре брела статная могучая фигура, тяжёлыми шагами бредущая сквозь почти недвижимое песчаное море. Чёрный плотный плащ казался таким тяжёлым и жарким, однако фигура шла, а между её пальцами, прикрытыми тёплыми перчатками, бегала настёрная, словно ящерица, юркая фиолетовая молния, маленькая, прозорливая и завораживающая. Капюшон полностью скрывал его мелкую голову, а плащ, будто тёплое одеяло, накрывал блестящий на солнце красивый серебряный доспех.

Странная фигура всё шла себе и шла, то и дело бряцая заклёпками на доспехе. Подозрительно инородная аура вырывалась из бредущего тела. И каждый бы прохожий вздрогнул от такой мощи и силы...

Молнии перебегали с пальца на палец, никак не хотя останавливаться, такие резвящиеся и смешные, словно дети. Тяжёлое дыхание вырывалось из-под капюшона, а ноги мощно топтали унылые пустынные пейзажи.

— К... Кх... Кх... Ххх... — кряхтел маг, совершенно не озираясь по сторонам, идя себе и идя, и только заклёпки громко бряцали, только доспех шумел, будто тяжёлый железный лес. Ветер трепал нависший над лицом капюшон, а песок старался обклеить собой чернявый жаркий плащ.

Маг брёл себе и брёл, кряхтя и сопя, не говоря ни слова, не обращая внимание ни на ближайшую оживлённую торговую дорогу, ни на катающиеся туда-сюда жаркие пески, ни на солнце, яркой точкой повисшее в небе.

Молнии иной раз вырывались из-под натянутого капюшона, под сопение и кряхтение величавой фигуры. Мана так и хотела высвободиться — тёплая, поджарая, смелая и опасная. Иностранная, непознаваемая и сильная.

Ноги бодро вышагивали вперёд и будто бы не чувствовали никакой усталости, что по идее должна была одолеть их мерный ход. Тело было бодро и никакая жара не могла помешать целям и задачам мага.

Неизвестный продолжал свой ход, явно зная или даже чувствуя куда должен придти, где должен оказаться и кого должен встретить, ведь Их встреча была предрешена самой судьбой!

Шли дни, а дождь всё не переставал, окончательно туша пламя Чёрного града. Обломки, руины и земля наконец упокоились с миром, и лишь дымок напоминал о страшном пожаре, что уничтожил всё живое в некогда людном, хоть и чудовищном городе.

Саркис давно был в сознании. Его руки непроизвольно сжимали чёрную землю, плотно держа её и поливая редкими слезливыми каплями.

«Когда-то здесь стояли дома... А сейчас тут выгоревшие равнины. Разве я оказался правым? Может лучше все бы жили под Эриковским гнётом, чем загнивали в этой мерзкой земле? Отец... Прав ли я, что уничтожил здесь всё: снёс, смял, разорвал, обрушил, убил?» — как и в день восстания в Эдеме Бог молчал, а небо плакало, не в силах успокоиться и забыть о том, что совершил эдемский маг. — «Как и в тот дождливый эдемский день... Скольких я убил? Как и говорил Эрик — убийца здесь только я. Я один ответственен за разгром армии муравьёв, за смерть простых мирных жителей, так мечтающих жить в своих домиках и просто наслаждаться жизнью... И Демьян — он вырос, выходит, чтобы просто стать пешкой в руках сильных... А я не просто сокрушительно проиграл, но и своим поражением умертвил тысячи некогда живых людей» — редкие слёзы бисеринками орошали землю, первые слёзы Саркиса, первые слёзы эдемского мага.

Эмоции оказались не настолько чуждыми ему, не настолько противными. Окидывая поникшим грустным взором руины домов, маг не мог не расстраиваться... Он впервые подумал о себе, как о самом обычном разрушителе, что не может ни спасти, ни сохранить, ни помочь. Только убить, разрушить, уничтожить...

— Моя сила не идёт на помощь, моя сила идёт лишь на уничтожение... И как мне тогда считать себя достойным Божьим Сыном? Неужто я тоже предал собственного Отца?... Но я же надеялся, я верил в себя... Я ощущал эту силу, хотел защищать, хотел получать от людей благодарности... Почему я только проигрываю? Поражение за поражением!.. — кулак бухнулся о набухшую чавкающую землю. — Что в Эдеме, что в Нижнем мире... Только кажусь таким сильным, крутым, статным, а на самом деле то я кто? Что за... Неожиданная хандра? Что за неожиданная боль? Неужели я — простой человек? — внезапно подумал эдемский маг, снова сворачиваясь маленьким аккуратненьким калачиком. Сейчас этот величавый мужчина напоминал обычного подростка, внезапно осознавшего сложность жизненного пути, сложность осознания собственного «я» и трудность принятия собственных поражений.

Он с первого дня думал о себе слишком высоко. Будто бы он один был способен защищать, оберегать и спасать. Саркис не умел принимать поражений. Он не знал что это такое — чувство вины, чувство этого непосильного груза, словно гиря, прицепленная прочными металлическими ремнями к телу. Эмоции, как тайфун, ворвались в его безмятежную самовлюблённую душу, показав кто он на самом деле и на что способен. Может это сам Бог послал ему такое испытание? Может сам Бог хотел преподать урок своему чрезмерно гордому и самодовольному сыну?

Дождь градинками капал на остывшую, отныне холодную спокойную землю. Множество тел, сгоревших до углей либо же просто лежащих мирными недвижимыми трупиками, усеивали весь город, превращая его в настоящий городок смерти. Смерть летала повсюду. Смерть была везде. Смертью было всё.

— Надо... Мне надо идти... — практически шептал себе под нос свернувшийся в грязи эдемский маг. — Что со мной? Как же я жалок. Опустил голову, отчаялся, расплакался, как дитё. Словно я не сын Бога, а обычный человек... — журил себя маг из Эдема, приходя к страшной истине. — Я же что-то чувствую... Я давно это знал. Именно вот это гнусное состояние и зовётся эмоциями?

Чёрный город плакал по своей страшной судьбе. Он больше не был прежним. Он не был добрым, не был и злым, страшным, ужасным. В один момент он просто перестал дышать, умерев в одну секунду с собственным народом.

Его шаги всегда были тверды и смелы. В какой бы он ситуации не был, какие бы опасности ему не угрожали, какие бы беды не настигали — Верховный архимаг стоял до конца, шёл твёрдо и прямо, несмотря ни на репутацию, ни на взгляды людей.

Вот и сейчас — решение о войне далось Вальтеру без какого-либо труда. Он с самого начала всё решил и не нуждался в каком-либо одобрении со стороны остальных архимагов. Ему было плевать что скажут другие или же какотреагируют. Вальтер всегда сам принимал решение и всегда знал как будет правильнее, вернее и лучше.

Вот и сейчас — темнота тянувшегося вдаль коридора пыталась удушить, пыталась остановить, пыталась подарить возможность задуматься и повернуть назад. Однако никакая чернота не была для Верховного архимага указом. Если бы он не был таким упорным, твёрдым и непоколебимым, то никогда бы не добился той власти, того положения и таких успехов. Вальтер всегда это знал и потому никогда не оглядывался, никогда не поворачивал назад и никогда не позволял себе отчаиваться. То был его путь. Уникальный, неповторимый и единственный.

Архимаги отреагировали как он и ожидал. Адонис был другом и всячески поддерживал Вальтера, хоть иногда и имел другую точку зрения. Всё же он из всех архимагов был самым независимым, самым преданным и верным Церкви Господа. Адонис, этот умный старик, спокойно воспринял решение о военных действиях и даже поддержал идею, посчитав что так будет лучше для всего магического мира. Старик, вероятно, и сам подумывал о войне с Эриком Мартеном, но всё тянул, оттягивал как мог и теперь дождался, всецело поддержав грядущую войну. Вальтер гордился этим архимагом, а иной раз даже просил совета, ведь всегда знал — Адонис постарается и найдёт наиболее правильное и верное решение.

Двое же других повелителей башни отреагировали как Верховный архимаг и рассчитывал — в один голос против, с отработанной давно речью, без малейшего намёка на поддержку. Вальтер давно думал о них как о предателях, но так и не узнал на кого и как они могли работать. Просто снять их с должности было в корне неверно и Верховный архимаг как раз с этим вопросом и обращался к Адонису. Переговорив, повелители магических башен сошлись на том, что открыто лишать двух архимагов поста смысла не имеет. Их армии взбунтуются, а народ может поднять кровавый мятеж. Именно на это и рассчитывали те двое — что их никогда никто не коснётся, что они в безопасности и в укрытии. Но на самом деле это было не совсем так. Был один способ снять их с постов и предать в руки правосудию — начать войну, что точно бы противоречила их тайным интересам и вынудила бы пойти против Верховного архимага.

Вальтер улыбнулся. Всё шло в соответствии с изначальным планом. Военный поход вот-вот начнётся, и тогда посмотрим кто в безопасности и кто по-настоящему не боится смерти!

Белый свет резанул глаза Верховному архимагу, Вальтеру Белому, заставив того

прикрыть их своей могучей всемогущей рукой.

— Какое сегодня яркое солнце. Предатели, знайте — то ваш последний свет!

На архимага поначалу никто не обратил внимание. Каждый был занят своим делом: кто-то упражнялся в магии, с усердием стараясь тратить ману правильно и верно; кто-то, немного в отдалении, тренировался друг на друге, усердно работая катанами в сжатых потных ладонях; артиллеристы старались обучать других, готовя воинов к предстоящим сражениям.

Весь простор кипел. Тренировки не стояли на месте. Каждый башенный маг пытался стать лучше, сильнее, умнее и в будущем принести всему магическому обществу грандиозную победу. Огнешары свистели, ветровые шары яростно разрывались на мелкие части, мана буквально висела в воздухе и Вальтер радостно улыбался, наблюдая за солдатами, занятыми и погружившимися с головой в тренировки. Работа кипела, мана бурлила, магия шипела, как и снаряды, впуская выпускаемые артиллерией под управлением юных несмышлёных воинов.

Ветер яростно кидался на белоснежную роскошную рясу Верховного архимага, играясь с длинными шёлковыми ниспадающими вниз рукавами; сама ряса была изукрашена причудливым узором из богатых золотых нитей. Выглядел Вальтер как богатый священник, весь такой плотный, крупный и серьёзный. Половина его лица пряталась за белёсой маской, оставлявшей только небольшую прорезь для ноздрей и рта. Остальная половина была еле видна под накрывшей её тенью и глаза упрямо смотрели на своих поданных, прячась за лёгкой чернотой от накинутаго поверх головы капюшона.

Вальтер ещё долго мог наблюдать за собственными трудящимися воинами. Упорство и желание стать лучше двигало каждым из них: автоматы грозно кричали, артиллерия победно верещала, катаны громко лязгали, стихии шипели в воздухе, истончаясь и окончательно растворяясь где-то вдали. Некоторые солдаты бегали по песчаной неровной дороге, тренируя выносливость и силу духа, что было не менее важным и нужным. Они потели, кряхтели, но старались не останавливаться, пытались сделать всё возможное, чтобы не подвести Верховного архимага.

Вальтер широко улыбнулся, потеряв ладони и легонько откашлявшись. Ни один из солдат так и не заметил правителя Церкви Господа и тому пришлось пару раз громко хлопнуть руками, параллельно подходя к необычайно длинной магической вещи — чёрной палке, что оканчивалась круглым хрупким шаром, который мог бы транслировать сказанное Вальтером всем и каждому, копируя функцию обычного микрофона, пока ещё не изобретённого в Нижнем мире.

Каждый из воинов приковывал внимание к роскошному дорогому балкону, наконец замечая фигуру Вальтера. Последовали поочерёдные поклоны его Величеству, а некоторые и затряслись, начиная винить себя за проявленное неуважение. Однако Верховный архимаг был очень доволен собственной армией. Он не ожидал от неё такой резвости, усердия и выносливости, такого желания и такого упорства.

Огромный стелющийся до самого горизонта разношёрстный армейский ковёр низко преклонил голову, застыв, словно одно большое изваяние, будто вытесанный из камня идеальный памятник.

Внимание было приковано лишь к Вальтеру и тот, всё ещё улыбаясь и поправляя самодельную диковинную маску, начал свою речь, распространяя её от одного угла к другому, от самого дальнего солдата к самому ближнему, чтобы каждый мог почувствовать

огонь речи, зажечься от него, будто свечка, и продолжать идти с ним до самого конца, до победы в приближающейся войне:

— Когда я шёл сюда, то ещё не думал застать картину, подобную этой! — начал архимаг. — Каждый в работе, каждый тренируется и старается вложить свой вклад в наше общее будущее! Магия буквально разлетается окрест — такая сильная, интересная, обновлённая... Вы — самая сильная и упорная армия в мире! — прокричал Вальтер, наблюдая как от края и до края многокилометровой тренировочной площадки поднимается единый стройный солдатский хор.

— Слава нашей Церкви! — кулаки солдат бухнулись о грудь и каждый устремил свой взор на Верховного архимага. Начиная от левого воина, заканчивая самым незаметным последним — войско гудело как улей. — Слава Вальтеру! Слава Отцу нашему Великому Господу! Да воздастся Эрику за его грехи! Слава Вальтеру!

Шум огромной сносящей волной достиг ушей Вальтера и тот благостно улыбнулся. На таких людей он мог всецело положиться, с такими он мог идти в бой с гордо поднятой головой.

— Такие талантливые и бодрые, такие умелые и могучие! Настоящая сила, живой необоримый тайфун, состоящий из чистой магической силы! Манотайфун, сносящий всё и вся на своём пути; настоящий огромный общий солдатский поток, такой вольный, сильный и не идущий ни в какое сравнение ни с какой силой в мире! Слава всем нам! Слава всем вам! Слава каждому из нас! Тренируйтесь! Развивайтесь! Готовьтесь к славному бою, из которого все выйдут победителями и о которых будут слагать песни и легенды! Слава Церкви Господа! Слава всему нашему героическому обществу! — общий слитный гул вновь поднялся над вспотевшими уставшими воинами.

— Долой Мартена! Слава магии! Слава Вальтеру! — и ведь никто из кричащих солдат совершенно не знал о низвержении и смерти Эрика, а вместе с ним и Церкви Сатаны. И веде каждого из них Вальтер явно вёл на смерть. И Верховный архимаг понимал, что обманывает. Обманывает и гнусно водит за нос собственную армию. Но игра уже началась и отступить было поздно, да и, в общем-то, некуда. А на кону войны уже давно лежала дальнейшая жизнь всего Нижнего мира!

Тысячи взоров с надеждой смотрели на своего архимага-властителя. Тысячи голосов верно и громко кричали его имя. Тысячи голов верили в правдивость слов Дамира, одного из двух архимагов-предателей, одного из самых значимых фигур в Большущем Плане.

В голосе солдат не было ни грамма сомнения, ни секунды мятежа — для них Дамир всегда был сильным магом, их кормильцем, их неоспоримым примером для подражания, авторитетом, и за таким человеком было просто невозможно не пойти. Может он и вправду умел манипулировать людьми?

— Дамир — наш король! Дамир — наш Отец! Дамир — наше будущее! — таких преданных бойцов мог сплотить вместе только сильный авторитетный вождь, только настоящий оратор, только громкая, интересная и бесспорно яркая личность.

«Всё сейчас будет позади... Мне осталось только толкнуть ту самую речь, настроить их всех и подготовить... Они должны поверить! Обязаны! Иначе... План будет окончательно разрушен, а моя жизнь будет окончена... Я не могу допустить поражения! Слишком много сделано, слишком много отдано...» — пот всё же незаметно для воинов стекал с его дрожащего лба, коленки вздрагивали, а руки произвольно сжимались. «Никто не видит...

Я обязан перестать бояться. Со своей армией я всё ещё в безопасности, никакой Вальтер меня не достанет...»

— Слушайте меня! — вся армия, ярко блестящая на солнце, разодетая в дорогие доспехи и кольчуги, в эти тяжёлые стальные шлемы, разом замолчала, сквозь небольшие отверстия приковав взор к Дамиру, к их лидеру, к их великому и сильному архимагу.

Тот вальяжно, как только мог более свободно и раскованно, будто и не переживая, стоял посреди огромного тренировочного лагеря, ничего не боясь и ни о чём не переживая... Почти.

Руки архимага то и дело поглаживали чёрную пущенную по мизинец козлиную бородку, потрагивали трепещущую на взревавшем ветру широкополую шляпу, украшенную одиноким белым павлиньим пером, иногда касались пуговиц на ковбойских вольных одеждах, крайне неуместных на других архимагах, но так подходящих именно Дамиру. Бедные руки никак не могли успокоиться, продолжая свои танцы, которые ни один солдат даже не пытался принять во внимание...

— Слушайте меня! — продолжал архимаг-предатель. — Как вы знаете, наше общество архимагов, властителей пяти башен, оказалось под властью мнения и решения одного единственного человека — узурпатора, который сместил нашего дорогого Авиада. Верховный архимаг Вальтер — наш враг! И теперь мы знаем это совершенно точно! Вначале переворот, потом ложь всем нам, а теперь — лживая и незаконная война! Разве это нужно сейчас для развития всего магического общества? Может он хочет покончить со всеми нами? Со всеми недовольными? Может именно ради этого и начинается эта кровопролитная война? Под предлогом избавления от Церкви Сатаны? Мы не должны допустить подобной лжи и подобных действий! Смерть врагу! Смерть Вальтеру! Долой этого незаконного Верховного архимага! Давайте не дадим этому хитрому человечку низвергнуть всех нас! Давайте идти вместе рука об руку! А я пойду впереди всех Вас, как самый наглядный пример доблести, чести и смелости! Готовьтесь, братья мои! Готовьтесь и бейтесь до самого конца, до победного долгожданного мига! С Богом и придёт с нами истинная Церковь Господа! Аминь!

Армия победно загудела и было видно — никто из этих солдат и не собирался сдаваться. Прямо сейчас каждый из них повёлся, попался на удочку, оказался на этой лживой подлой наживке и сейчас глупо покрикивал имя своего властителя, не понимая как же всё-таки их жестоко обманули, и ведь ради чего...

Дамир улыбнулся, сверкнув своими яркими зубами.

«Неужели действительно повелись... И не сомневаются. Всё как я рассчитал...» — общий ковёр дружно кричал, приложив ладони к шлемам. Всё поле блестело чищенной сталью, а воздух содрогался от дружных криков.

Дамир повернулся к собственной магической армии и медленно покинул ясное поле, врываясь в духоту и темень здешней магической башни. Эффект архимагу понравился, он его удовлетворил. Эти башенные маги были готовы идти до самого конца, что от них и требовалось.

Громадный парадный зал встретил Дамира привычным молчанием и одиночеством. Он пустовал, как и всегда, свободный от шумных людских толп. Быстро пройдя сквозь него как нож сквозь масло, ноги архимага понесли его по крутой винтовой лестнице, упорно поднимающейся ввысь, куда-то в сокрытые от посторонних глаз верхние помещения магической башни.

Ступени, хорошо смазанные и крепко слаженные, не скрипели, не ныли и не кричали. Подниматься было легко, приятно и быстро. Рука, больше ни дрожащая и уже к этому времени успокоившаяся, обхватила периллу и скользила по ней, покуда лестница не закончилась, открывая вид на удивительный коридор, похожий на некое логово опасного зверя. Множество комнат, отнорок и непонятных поворотов, ведущих неясно куда и неясно что в себе таящих.

По существу говоря, весь этот коридор изобилует всяческими магическими ловушками, сопровождающимися различными охранными предупреждениями. Каждый посторонний, проходивший по нему, никогда не смог бы пройти незамеченным и неузнанным.

Поворот. Поворот. Поворот и глухой тупик. Мрачные тёмно-зелёные обои оборвались, завершаясь в этом подозрительном месте, что явно не могло быть концом коридора. Здесь чувствовалось нечто неладное да и ухмылка Дамира, не покидающая его хитрого лица, говорила о многом.

Его рука, ярко освещённая светом с удивительного витражного окна, дотронулась до погасшего мерно висящего факела, надавила чуть-чуть, слегонца, осторожно, но заученно, как делала это всегда. Последовал тихий щелчок и часть стены отошла в сторону, практически бесшумно отошла, как если бы и не отходила.

Архимаг с мелкой бородкой и широкополой шляпой оглянулся, снял головной убор, повесив его на первый попавшийся слегка ржавый изогнутый гвоздь, вновь оглянулся и юркнул в проём, слыша как почти бесшумная стена встала обратно на своё законное место.

Пара ступенек, пара шагов, пара вдохов. Ноги Дамира ступили на чёрный-чёрный пол, по всей площади которого ярко сверкали мелкие озорные звёздочки. Зал был фактически пустым, лишённым практически любой мебели, органично сделанный только для одной единственной цели.

— В этот период мне приходится заходить сюда куда чаще, словно домой, — отшутился архимаг-предатель, подходя к большущему тонко выделенному заклинательному столу, сквозь который проходили даже самые незримые магические потоки. Подстать полу покоя, стол был таким же чёрным и только его края поблёскивали лёгким божественным светом.

— Вальтер, мой вечный враг — ты всё же смел, чертовски смел, мне стоит это признать! Но тебе никогда не уничтожить меня! Пока со мной армия, пока за мной стоят люди — я не дамся так легко, как тебе бы хотелось! — белая ладонь мягко вспорхнула над столом, незримо обхватив цепкими пальцами небольшой чёрный шар, небольшую магическую глобулу, внезапно завертевшуюся и заревевшую от нахлынувшей в неё магии. Карта ярко вспыхнула! Оказывается, не только Вальтер мог иметь при себе Великую карту Нижнего мира. — Сейчас мы всё проверим, окончательно и бесповоротно. Ты же обманул меня, дурья башка, — тонкие хватистые пальчики Дамира игриво управляли Картой, словно играя на пианино, и Чёрный город был всё ближе.

Вот и он выплыл из-за края, внезапно дойдя до центра карты. Пальцы прекратили игру, глаза широко распахнулись, будто от невозможной радости, а сам архимаг пронзительно рассмеялся. Чёрный город представлял из себя одни руины, клубы дыма, жуткие облака пара, косые линии дождя, тучи и остатки бывшего величия — само собой Чёрного града больше не существовало.

— Война с Эриком Мартеном? Добро и справедливость? Честь и отвага? Жалкий обманщик! — зубы заскрипели, вцепившиеся друг в друга, а кулак с грохотом опустился на карту, заставив потоки магии весело затанцевать. — Ты хотел вынудить нас с Либертом, нас

— этаких двух предателей, на мятеж! Ты мечтал сразиться с нами! Ведь ты чётко осознал ещё очень-очень давно — Чёрный город и Эрик нам далеко не враги. Мы же и правда тайно оберегали то экспериментальное место. И всё что там происходило — это и наши тайны тоже! Но ничего — я не позволю тебе сокрушить Великий План Демиурга, у тебя ничего не выйдет! А войну... Ох, войну ты получишь! И мы сотрём тебя в порошок, как давно должны были сделать! Слава Демиургу! Мы никогда не отступимся от славной идеи самого великого мага!

Карта прекратила мерцать, облачая заклинательный покой в свой тяжёлый плащ из тьмы. Магия развеилась, оставив Дамира наедине с давящей тишиной.

Небо до сих пор заволакивала беспросветная жгучая тьма. На остывших холодных улицах было не видно не зги, а грязная чавкающая земля так и норовила затянуть в свои крепкие сети, в свои холодные липкие объятия.

Шаг за шагом маг старался пересечь это заволакивающее болото, эту чернявую ловушку, однако сапоги, еле отдираемые от разбухшей земли, будто бы пытались замедлить и без того не быстрый, широкий и мерный шаг эдемского мага.

Дождь, всё ещё противный, холодный и косой, бил по несчастному лицу, словно залихватская плеть. Хотя и уменьшившийся, он всё ещё накрапывал, словно Бог никак не мог остановиться, забыть, простить...

Куски тел, изрядно прожаренные и абсолютно неузнаваемые в этой темноте да грязище, валялись то по правую, то по левую руку от мага, и жёлтые глаза Саркиса с удивительной точностью находили их на осиротевших дорогах всё чаще и чаще. Иной раз попадались и трупы демонов, страшных чудищ с Ада, ранее бывших обыкновенными людьми из плоти и крови, с разумом и речью. То голова у обломков муравейника покажется, то чудовищная когтистая лапа, такая знакомая и неприятная... Так похожая на лапу Адама. Так похожая на лапу брата из Эдема.

— Столько людей полегло... — глаза многих отделённых от тел голов смотрели так грустно, с такой мольбой и с таким прошением о помощи, что эдемский маг тут же стыдливо отводил взор, не в силах смотреть на развороченные и выпотрошенные людские тела. Руки, ноги, утопающие в булькающей грязи; туловища, головы и ладони, умывающиеся под дождём, смиренно лежащие под грохотом, грозой и хмарной тьмой. — Что я принёс с собой? Во что превратил это и без того отвратительным место? — всё ещё рассуждал Саркис, уходя с этих улиц, где поселилась сама смерть.

Город погрузился в смертное одинокое уныние. Не было людских жизней — не дышал и сам город. Он только предсмертно плакал, грустя о жизнях всех погибших, о всех тех, кто больше никогда не посмотрит, не подышит, не поживёт и не пострадает. Молния яростно сверкала в чёрном небе, чертя витиеватые гибкие узоры; порывы ветра смело проносились по руинам и обломкам, всё ещё дымящимся и горящим где-то внутри, где-то глубоко-глубоко, где последние искорки ещё продолжали жить, где они цеплялись за свои поганые жизни и никак не могли смириться со своей скорой кончиной.

Чёрный город только перед смертью стал по-настоящему тёмным, страшен и ужасен, буквально утопая в грязи, дыму, огне, буквально убивая себя и всё, что жило и процветало в его пределах.

— Вспоминается тот день. — всё ещё грустно бормотал эдемский маг, еле бредя по опустошённым, мокрым и уничтоженным улицам, таким кровавым, чёрным и ужасным. — Когда началось восстание в Эдеме, я точно также был бессилён и даже глуп... Никакой я не богатырь, теперь то оно и ясно. Тогда небо рыдало ещё пуще, ещё сильнее, ещё горестнее. А я, прям так же как и сейчас, со сжатыми кулаками пытался всё исправить, изменить, а может и повернуть время вспять... И, как и в тот последний день в Эдеме, я оказался беспомощным глупцом, мальчишкой, несостоятельным защитником, просто балаболом, за словами которого была лишь пустота да тишь... Я просто ничтожен и это давно пора принять. Я не способен ни на что. Я могу лишь наблюдать и разрушать...

Рассуждая, бродя по умирающему городу, Саркис не опустил головы, твёрдо смотря вперёд, стараясь всё забыть, всё отбросить, не думать ни о чём, и только машинально двигаться к долгожданной границе. Границе, после которой его будет ожидать давняя и такая, на первый взгляд, недостижимая цель. Цель — встретиться с Ним.

Свечка слегка подрагивала на прорывающейся с окна лёгкой ветряной струйке. Глаза старика уже закрывались, однако архимаг, верный друг Вальтера и главный помощник в его делах, всё никак не мог отложить том куда подальше. Уже и ночь прошла, и солнце выглянуло из-за далёких заснеженных крутых гор, а Адонис, великий старик и повелитель башни, всё никак не мог отойти ко сну.

Иной раз в его пыльные неубранные покои врываются обеспокоенные слуги, что пытались хоть как-то повлиять на архимага, однако всё было бесполезно.

— Не мешай мне читать. — устало бубнил Адонис, на что в ответ получал:

— Почитаете как ото сна отойдёте. В ваши годы вам лучше больше отдыхать и давать телу сил...

— Только во время чтения мою голову посещают мысли. Мысли верные и правильные... Они то и придают настоящую силу моему телу. Только думы о нашем мире, о нашем народе и о нашем великом магическом обществе. А вы лучше подите кофейку приготовьте... Да побыстрее.

Несчастливым слугам только и оставалось, что поворачивать назад и идти выполнять поручение старого архимага. Старик был упрям, горделив и всегда стоял на своём, будто несокрушимая недвижимая гора. Одет он был в какие-то скромные изодранные обноски, явно не подходящие силе и рангу сидящего на диване мага. Тяжёлый крест, словно бы отлитый из чистейшего-чистейшего золота, весь такой блестящий, аккуратный, правильный и сверкающий, висел на серебряной цепочке, словно бы немного тяготя шею к земле. Божественный символ Церкви Господа был действительно, что называется, царским, роскошным, неповторимым и святым.

Адонис перевернул страницу, продолжая пожирать строчку за строчкой. Вот в его небольших древних покоях забил маятник, будто петух в ранний утренний час. Адонис одной трясущейся рукой взял в руки крест, ярко заигравший чудесным золотым светом, поднёс его к седой неумытой бороде, к веснушчатому морщинистому впалому лицу, к потрескавшимся дрожащим губам, поднёс и смачно поцеловал. Страстно, долго и смело. Наконец архимаг опустил символ Церкви Господа вниз, продолжая читать, продолжая заглатывать букву за буквой, слово за словом. Он читал книгу, читал, на самом деле думая далеко не об описанных в ней действиях. Совершенно другого рода мысли, словно ползущие юркие червяки, копошились в его седой голове. Адонис всегда размышлял в такие моменты. Размышлял и тщательно взвешивал.

«Наш Верховный архимаг, наш доблестный Вальтер наконец взялся за голову. Всё же набрался смелости, всё же захотел распутать это сложное многолетнее дело. Я помню сколько лет подталкивал его к этому решению, сколько старался, изо всех сил, изо всей мочи старался, и вот наконец поход против Церкви Сатаны заиграл во всех красках. Осталась пара часов и армия моей башни выдвинется в путь. Все готовы, вооружены, уверены в себе и без всяческой боязни готовы последовать позади моей хоть и старой, но каждым из них несомненно уважаемой спины. Война — всегда плохо. Война — это смерти, разрушение, это боль, боязнь, неприязнь... Война делает людей зверьём лесным и то несомненный факт,

однако бывают в жизни моменты, когда противоречия и различия во взглядах настолько огромны, что приходится отстаивать их только силой...»

Страницы тихонечко шуршали под его крючковатыми старыми пальцами, а время всё шло и шло. Где-то за каменными толстыми стенами слышался лязг, чувствовалась неизбежно растрачиваемая мана, слышались крики, лозунги и боевые команды. Башенные маги, настоящие солдаты сейчас тренировались во всех четырёх действующих башнях. У Вальтера слушали ободряющие волевые сильные речи и учились фехтованию, выносливости и военным премудростям; у старика Адониса что есть мочи пытались превзойти самих себя, пытались овладеть секретными боевыми чарами и оседлать как можно больше сложных и муторных в работе книг заклинаний; у Дамира войско и каждый в нём солдат были уверены, что Вальтер пытается их уничтожить, низвергнуть их любимого архимага, умертвить каждого из них и именно в башне Дамира солдаты тренировались действительно не покладая рук, стараясь стать сильнее, мощнее и лучше любого из подопечных Вальтера или даже Адониса; а вот войско последнего архимага, одного из предателей — Либерта — на текущий момент не особо было в курсе относительно грядущих боевых действий. Единицы слышали слухи на многолюдных рынках, но никто всё это серьёзно не воспринимал, ведь их то архимаг молчал, где-то потерявшись в магической башне.

Вальтер и Адонис. Молодой холодный ум и стариковская рассудительность на пару с непоколебимой уверенностью и ясностью в голове.

Дамир и Либерт. Подозреваемые в предательстве архимага, важные фигуры на шахматной доске, частички Плана и те, кто совсем скоро мог выбыть из мировой игры.

Эти двое подозревались в шпионаже, манипуляции и во лжи, но только Вальтер смог раскусить их, как плод с дерева. Старик Адонис, сейчас же до сих пор сидящий с жирной, украшенной витиеватыми узорами, книгой в руках, одетый в одни мешковатые ободранные обноски, ежечасно страстно целующий крест на шее — этот архимаг даже не догадывался о таком. Может, не хотел замечать или же верить. Может, не хватало интуиции и мозгов. Всё это было не важно... Важно было только то, что Адонис некогда бы не улучил Дамира с Либертом в каком-либо лицемерии, в какой-либо лжи, Адонис не хотел верить, что некие тайные силы уже много лет старались развалить Церковь Господа изнутри... Причём так быстро, молниеносно и незаметно... Так кровожадно, беспощадно и безжалостно...

Негатив в сердце старика был крайне редким гостем. Может именно из-за доброты и такого огромного количества других положительных эмоций Адонис и не ощущал такого явного и разрушительного предательства двух архимагов? Почти половины из всех в Ордене... Ровно двух из пяти...

Струйка ветра сама перевернула несколько пожелтевших сырых страниц, заставив наконец Адониса отвлечься от так сильно его увлёкших мыслей. Книга шумно захлопнулась, заставив пыльное облачко вспорхнуть над седой головой. Тяжеловесый том был наконец отложен, а сам старик на еле двигающихся ногах смог подойти к окну, окидывая добродушным благожелательным взором огромное многокилометровое тренировочное поле, целиком занятое башенными магами.

Огнешары и молнии с треском сталкивались, осыпая землю множеством ярких искр; частички маны наполняли воздух своим незримым присутствием; где-то изучались захваты, прогибы либо же искусство фехтования, что было немаловажным и необходимым в бою; кто-то старался придать мане устойчивую форму какого-либо оружия, сражаясь на полностью магических тупых мечах, острых катанах, тяжёлых нунчаках или же мощных

тонф. У кого-то получалось лучше, у кого-то хуже, кто-то просто брал под управление артиллерию, начиная забрасывать мишени мощными горящими плюющими огнём снарядами — Адонис радовался каждому солдату, каждому их желанию стать лучше, сильнее и полезнее.

— С таким воинством как за каменной стеной. Настоящие защитники нашей Церкви, настоящие её ценители. На них будет не страшно оставить всё Божественное наследие. Каждый из них осознаёт какую силу и какую ценность дал нам Бог. Магия — это его поцелуй, магия — это то, что по-настоящему отличает нас от животных, магия — это дар Божий! — маятник отбил следующий приползший в эту комнату час и архимаг судорожно схватился за золотой крест, жадно впившись в него своими потрескавшимися губами. Пальцы побелели, а губы и не желали отлипнуть от него, так и оставшись на кованном золотом Божьем знаке, Божьей благодати.

Фанатики были страшны в своих ритуалах. Фанатики до сих пор верили в Божественную силу магии. У них так и не возникло мыслей, что магия может быть настоящим наказанием для каждого из живых людей...

Его тело брала крупная дрожь, особенно сейчас, когда ситуация так обострилась. Война... Либерт, второй из архимагов-придательей, никак не рассчитывал на ведение серьёзных боевых действий. Да всё ещё так быстро понеслось... Либерт и не имел в голове перспективу умереть таким молодым, бодрым и, что называется, в самом расцвете сил.

Однако то самое решение всё окончательно перевернуло. Война, убийства, магия, боестолкновения, жестокость и мрак — вот во что может погрузиться весь Нижний мир по одному только слову Вальтера.

— В-вот-т-т чёрт! — стукнул кулаком Либерт, чувствуя, как постыдный липкий пот течёт со лба, шеи и предательски трясущихся рук. Глаза бегали, не зная куда и скрыться от всего творящегося вокруг хаоса. За пыльными, казалось бы, толстыми каменными стенами слышалась стрельба на тренировочном поле, чувствовалась огромная концентрация маны от порядка нескольких тысяч солдат, башня ходила ходуном, так же как и Либерт не готовая к стрельбищам, не готовая к залпам артиллерии и боящаяся магических волн от миллионов взмывающих ввысь новых, только что изученных чар и заклинаний.

Огромная устремляющаяся ввысь башня дрожала. Каменная, крепко слаженная и горделиво пронзающая небо, даже ей было неудобно и страшно осознавать страшный факт подготовки к грядущему военному противостоянию.

— В-Вальтер... Этот старый пенёк наконец просёк... Чёрный город таит слишком много секретов, никто не должен туда вторгаться... Никто не должен... ис-с-следовать и прочёсывать его... Там улики на всех, кто участвует в Планах... Там... Боже, да там же следы и меня, и Дамира, там сидит-пердит Эрик Мартен... О боже, как я х-хочу просто с-с-сбежать отсюда. Забыть обо всём и... и бежать отсюда без оглядки! — кулаки яростно стучали по несчастному деревянному столу, покуда тот не затрещал, не заверещал и не вернул Либерта в его трясущуюся и кажущуюся сжавшейся высокую башню.

Под белоснежными роскошными божественными одеяниями всё давно провоняло гадким липким потом. Волосы прилепились ко лбу, тощее смазливое личико всё скисло, будто уставшая висеть слива. Голубые глазки так и норовили пустить горькую не менее голубую слезу, а руки судорожно сжимали подол длинных ярко-белых одежд. Либерт сидел, словно сжавшийся ёжик, обидевшийся на весь мир, но одновременно стареющий не

даться с ним, а вприпрыжку от него улепётывать.

— Да — где-то я трусоват. — крикнул в пустые пыльные средневековые покои архимаг-предатель, самый главный трус из всех трусов. — Но я не хочу помирать за какого-то Демиурга, за какой-то чёртов План... Я не хочу в этом во всём участвовать! Я... Я всё бы отдал за свою свободу, за небольшой уютный домик, где меня бы весь мир оставил в покое... И как я оказался на кресле архимага? И почему я настолько слабый, что позволяю другими людьми управлять своей жизнью и судьбой? — вслух размышлял архимаг, пока его лицо не дёрнулось в сторону входной двери. К архимагу стучались и стучались достаточно настойчиво. — Заходите, не стоит топтаться у порога! — крикнул тощий ссохшийся смазливый Либерт, наблюдая как дверь вальяжно отворилась, впуская в покои красавца командира, с пущенными в разные стороны пышными усами и густыми чёрными волосами, убранными в весёлый небольшой хвостик, змейкой петлявший у тонкой шеи.

— Простите что отрываю от дел, если вы таковыми и занимались, — несколько дерзковато отвесил прибывший военный чиновник, тут же получивший от Либерта взгляд, полный искреннего неодобрения. — Я очень надеюсь, что моя сегодняшняя речь полностью подготовлена, написана, тщательнейшим образом проверена и идеальна до малейшей запятой! — властным грубым голосом продолжал он, будто и не замечая презренных уничтожительных взглядов Либерта.

«Сколько в этом петушке спеси, горделивости и смелости? Ведь чувствует, что я молчать буду и слово ему поперёк не скажу. Ведь чувствует, что я простая трусливая безмозглая кукла... Вот гадство, сифилис и проказа!» — жаловался про себя архимаг, своими руками проверяя небольшую стопочку из пяти белых ровных листов.

Командир магического отряда вальяжно подошёл поближе, деловито протянув руки и принял текст заготовленной архимагом речи.

— Сами писали, не так ли? А то может снова кому-то эту работу поручили? Вы же у нас такой — любитель уютного пыльного кабинета...

— Я писал, я! Своей собственной рукой писал свои, вы уж не поверите конечно, личные мысли на этот счёт. Ваш язычок должен быть менее подвижен, а рот открываться только тогда, когда выше вас по должности давали б вам возможность оный открывать. Просто выполняйте свою работу, Джон Улоп. Командир — так иди речь произноси перед всей армией, да не забудь напомнить, что я захворал сегодня, — на редкость смело и без запинки Либерт отчитал своего слугу.

Тот конечно грубо подул в свои усы, несколько насупился, однако рта больше не раскрыл, крепче схватившись за бумаги и начав движение в сторону выхода.

«Ну что, получил малость под дых? И ведь они же все чувствуют, знают и понимают каков я на самом деле. Каждый способен говорить мне всё что угодно, как если бы я был куклой. И как же я до сих пор остался архимагом?» — досадно сокрушался Либерт, явно уставший от всей этой глупой политической магической игры. Он больше не хотел быть фигурой. Он просто хотел слиться с народом, оказаться с ним одним целым и просто прожить такую же скучную жизнь, какую проживал каждый из обычных людей Нижнего мира. И что такого плохого хотел этот архимаг? Почему сам мир отказывал ему в такой посредственной непримечательной мечте?

Джон глухо стукнул дверью, оставив пыльные ковры на стенах, оставив тяжеловесные шкафы с миллионами познавательных книг, оставив одинокий стол и стулья наедине со своим дрожащим прячущимся от собственных солдат трусливым владельцем.

А ведь Либерт не мог выступить с речью даже перед собственным войском, которое должно было жертвовать собой в славной битве ради этого жалкого человека.

— Что за стыд, боже? За что будет проливаться их кровь? За какую-то непонятную бессмыслицу? За какие-то хитрые никому ненужные Планы, за каких-то давно пропавших без вести Демиургов?... Да за что вся эта игра идёт, зачем эта борьба? Боже... Если б я мог всё остановить, всё исправить...

Войско за стенами гудело как улей, а тощий смазливый архимаг закрыл своё лицо, горестно понимая что никому он и никогда помочь не сможет... Не мог себя сделать лучше, так что там до мира? И ему ничего не подарит, просто кинет, оставив на растерзание...

Ясное солнце забралось в покой, ярко освещая пыльный шкаф с книгами. Старые переплёты, слегка подорванные и искрошившиеся, внезапно не помешали названию заблестеть в ответ ласкающим его жарким лучам — «Маг-легенда — Демиург». Ярко золотое название на старой зелёной книге, пыльной и заброшенной, гордо светило с давно позабытой архимагом полке. Название той книги, что читали не столь маги, сколь абсолютное большинство жителей Нижнего мира. Страницы, что восхваляли самого легендарного, но давно пропавшего без вести мага. Страницы, которые читал каждый человек, любящий и восхваляющий магическое общество и Орден магов.

В истории появляется множество новых персонажей, именно по этой простой причине, дабы было всё понятнее и лаконичнее, я решил объединить множество фактов и имён вместе, соединить их и скомпоновать в удобном и простом тексте, сложить эту картинку воедино и наглядно всё показать.

Великий орден магов, буквально за пять лет до начала описанных в первом томе событий, возглавлялся неприятным скользким стариком — Авиадом. Ещё в те времена он полностью подчинялся Демиургу, выполняя все его приказания и постепенно приготавливаясь к осуществлению Плана. Помимо Авиада, архимагами считались ещё четыре человека: Вальтер, Адонис, Дамир и Либерт. Последние двое также нашли своё место в мировой игре, тоже подключившись к Плану, каждый по своим собственным причинам. Вместе они создали своё тайное сообщество, превратив Великий магический Орден в нечто непонятное, оккультное и заведомо ложное.

Вальтер и Адонис, став сильными, могучими и вольными, начали осуществлять оппозиционную по отношению к Авиаду деятельность. Слухи, огромные многотомные расследования и отделения от остальных архимагов — вот что предпочли эти двое, вынашивая план по спасению Церкви.

Спустя два года они смогли собрать достаточное количество последователей, направить против Авиада весь народ и наконец захватить Орден, в битве одолев старого Верховного архимага и посадив его в тюрьму на основании многочисленных преступлений и создания тайных подпольных обществ.

Именно таким образом Вальтер, скрывающей половину лица своей белоснежной маской, стал Верховным архимагом, а вторым по значимости лидером стал Адонис. Дамир и Либерт сохранили звания архимагов, хоть и получили ноты неодобрения от Вальтера, ведь те побоялись встать рядом с ним во время мятежа и продолжили работу подле Авиада, настоящего преступника и оккультиста. А пятым архимагом сделали Дона — водяного мага, что был убит Саркисом при битве в башне Флотлера.

В настоящее время Авиад, освобождённый не без помощи Саркиса, готов стать пятым архимагом и даже пытается сделать вид, что помогает всему Ордену избавляться от «настоящих» преступников, в частности от Саркиса и от бывшего партнёра по осуществлению Плана — Эрика Мартена, уже бесполезного и ненужного. Пытаясь заслужить доверие, Авиад планирует внедриться обратно в магический Орден и продолжить осуществления Плана, ведь этот старик никогда не отступает от намеченного раз и навсегда пути!

Глава 3

Тучи над этим тёмным, мрачным, сказочным лесом давно развеялись, будто призраки, истаявшие под натиском пылающего жаром солнца. Привычная лесная духота не давала сделать и глотка воздуха, а пот, сменяя накапавший на Саркиса дождь, обильно тёк с чёрных обвисших жирных волос.

Тяжёлое дыхание мешало ногам шаг за шагом продолжать нелёгкий путь вперёд. Руки расслабленным лишним грузом бились о ноги, сейчас бесполезные и ненужные. Ходьба эдемского мага напоминала путь в никуда — бесцельный маршрут, концом которого стала бы идеально белая пустота.

Деревья шумели, листья тихонечко шептали, даря миллионы благодарностей Саркису за освобождение от Церкви Сатаны. Жаль эдемский маг не понимал этот таинственный, но такой искренний язык. Призраки давно испарились, умерев вместе с их повелительницей, Кассандрой Мартен. Лес был свободен и наконец мог дышать полной грудью, независимый, чистый и такой спокойный. Спиралеобразные деревья радостно разговаривали друг с другом, ранее улетевшие птицы возвращались в свои дома, продолжая свой птичий неоконченный диалог, а кусты танцевали, подхваченные вольным гарцующим ветром. Всё вернулось на круги своя — природа оживила это гиблое место, навсегда сметая остатки того ужаса, что поселился и жил здесь последние три года, навсегда смела тут всё богомерзкое, страшное и противоестественное, такое чуждое всему природному и живому.

Эдемский маг чувствовал, насколько ему стало легче пробираться сквозь дремучий плотный лес, всё ещё кажущийся диким, нелюдимым и непроходимым из-за тут и там стелющихся да переплетающихся корней. Саркис всё брёл и брёл, и его руки всё чаще и чаще сжимались, будто бы вспоминая своё предназначение и свою миссию.

«Я не имею права не идти дальше. Я прибыл сюда с определённой целью — найти Демииурга, поговорить с Ним, остановить Его. Я не должен отступать на полпути. Много уже сделано и узнано, многое осталось позади, а я обязан идти дальше. Один или с кем-то, через жертвы или без оных, за руку со страданиями или оставив их кому-то другому — мой брат меня ждёт несмотря ни на что... Мы обязаны встретиться! И чем раньше, тем лучше. Невзирая на мою накотившую слабость и уныние, не думая о моей неожиданной страшной хандре и множествах жертв, забывая Чёрный город и всё с ним связанное — я ещё докажу миру, кто кого पहले поставит на колени! Если эта чёртова земля решит меня покорить, то она будет покорена мною! Это закон, она никогда больше не поставит меня на колени и не увидит моей низко склонённой головы!» — кулаки сильно сжались, а костяшки побелели, напоминая стволы толстых берёз. Маг долгое время не мог прийти в себя, и вот наконец настал тот момент — момент, когда Саркис вновь позволил себе свою привычную спесь, безразличие, сильное желание драться; момент, когда он вновь стал тем самым богатырём из Эдема.

Сейчас он уже никак не мог напоминать того слабого человечка, калачиком лежащего под ливнем и причитающего о «бедном несчастном себе». Саркис вновь стал Саркисом — стальным, дерзким, решительным. Эмоции, жёстким тайфуном накрывшие его, жалобно отступили, понимая, что взять верх над ним не смогут никогда. Он ведь не был простым хрупким добрым человеком, богатырь был не таким как остальные.

Трава и кусты расступались у его обутых в чёрные ботинки мощных уверенных тяжёлых

ног. Природа понимала, что должна убраться-восвояси, трусливо поджавши хвост. Саркис брёл дальше. Брёл смело и уверенно, безразлично проматывая в уме тот самый памятный последний день в Эдеме...

... Саркис не мог их остановить, и казалось, что никто и никогда не сможет вернуть всё на круги своя. Демиург сидел подле насупившегося Саркиса, с невинным видом попивая кружку тёплого ароматного чая. Дымок тонюсенькой струйкой вился над кружкой, не замечая, что в Эдеме текли часы последнего дня.

— Скажи, почему все мои братья повелись на речи какого-то чёрного змея? Не послушали ни меня, ни гласа рассудка, совершенно обезумели от самой мысли: для них эдемский сад — это злостная ловушка, настоящая тюрьма, составленная из длинных железных прутьев; для них Бог-Отец — обычный обманщик, простой пленитель и уничтожитель... И всей этой дури они понабрались от какого-то лживого змея...

— Да, брат, — сокрушённо вторил Демиург, запуская холодную ладонь в мелкие золотые волосы. Красивое смазливое и где-то аристократичное лицо выглядело сейчас хитрым, донельзя мерзким и враждебным, хоть сам золотоволосый казался таким же, каким был всегда. — Змей и вправду получился находчивым до слов, очень убедительным и довольно страшным.

Непогода за толстыми деревянными стенами лишь усиливалась. Косой дождь грубо бил в запертые ставни, ветер обрушивался на прочные стены, только с виду кажущиеся прочными и сейчас всё же начавшими трещать, а пламя свечи подрагивало, чувствуя, как близился конец всем обитателям Эдема.

— Брат, — Саркис снова обратился к невинно попивающему чай Демиургу. — Скажи мне, признайся, объясни — для чего ты сорвал первый плод с Древа Жизни? Зачем ты водишь за нос Детей Бога? Для чего принимаешь обличие змея?

Вопросы повисли в воздухе, разбившись о равнодушно пьющего чай златовласого брата. Одетый в яркие белоснежные одежды, весь такой равнодушный и умиротворённый — само спокойствие — он молчал, откуда с его аккуратных тонких губ не сорвалась хитрая улыбка.

— Знаешь, в чём слабость людей? — неожиданно спросил Демиург, неотрывно глядя на ближайшую трескающуюся деревянную стену. — Хах... Они чересчур доверчивые. Даже самые умные и проницательные из них спокойно могут сделать всё что ты захочешь. Достаточно найти рычаги давления, а они есть даже у самых стойких из них.

Ветер за стенами рвал и метал. Бог гневался. Гневался на тех простаков, которые по разным причинам предали его и переметнулись на вражескую сторону. Бог гневался, надеясь проучить своих Детей, заставить тех задуматься, однако уже было поздно... Их мозг давно был отравлен другими идеями, другими идеалами, другой правдой. Правдой, где Отец действительно был жалким пленителем, а змей — народным любимцем и освободителем всех и вся от оков истинного «зла».

— Эмоции делают любого из них самым слабым и смешным. Да, я съел плод с Древа Жизни. Теперь я могу оборачиваться в любую форму жизни, и не только в живую, но и в неодушевлённую, — на глазах Саркиса Демиург стал свечкой, тут же плавучими движениями меняя очертания, становясь Алертом, а после сразу и Адамом. Пара секунд, и его тело, растекаясь и моментально меняя размер, форму и очертания, стало похожим на громадный шкаф, наполненный книгами. — Те самые запретные плоды дарят удивительные способности, не находишь? Этакая магия, по сути несуществующая в реальности.

Богатырь встрепенулся, широко распахивая глаза и открывая рот:

— Пожалуйста, не дай остальным Братьям их съесть. Оставьте плоды в покое... Я прошу тебя, мой друг. Одумайся... Это же наш Отец, это наш любимый дом, это наши с тобой воспоминания... Не разрушай всё это! Не круши родное место!

Демиург, принявший форму своего настоящего тела и садящийся на старый потрескавшийся стул, издевательски улыбнулся:

— Прости, но мой План уже не остановить. Этот сад... Я не чувствую себя свободным, я не чувствую здесь себя самим собой, да и остальные прозрели, кроме одного тебя! Бог словно пленитель, а мы его марионетки. Всё это будто бы простой диковатый эксперимент. Пора выйти в настоящий мир, в Нижний мир и доказать, чего мы стоим на самом деле!

Демиург протянул Саркису свою гладкую белоснежную божественную руку, однако опешивший богатырь так и не пожал её, смотря в горящие мыслями и идеями глаза недавнего брата и друга:

— Уходи прочь, змей! Чёртово отродье, магическая тварь! Твои идеи лживы! Они покорили тебя, ты стал марионеткой собственных мыслей. А они, как и эмоции, делают тебя слабым. Одумайся!..

Дверь закрылась, оставив Саркиса один на один с деревянными стенами да завывающим ветром и сидел он так ещё долго, не в силах подняться и постараться остановить всё это безумие.

А златовласые братья ликовали, сейчас неистово бегающие хороводом вокруг Древа Жизни. Они жаждали наконец вкусить плоды, окончательно нарушить все запреты и стать свободными, что змей им и обещал, во что он заставил их поверить!

— Долой подлеца, что управляет нами как марионетками! — кричали златовласые, плюясь и надругаясь над высоким божественным деревом. Дождь мягкими касаниями потрагивал белоснежные мягкие листья, стекал с наливных сочных фруктов и будто бы пытался не позволить никому притронуться к фруктам Бога.

Змеиное юркое тело скользнуло меж ревущими на ураганном ветру травами, наблюдая за хороводом бешено скачущих по кругу Детей. Каждый из них потихоньку замечал змея и тут же останавливался, с гордостью и почётом смотря на настоящий символ борьбы, свободы и независимости!

— Вы уже сссздесссь, да? Не ждите, не бойтесссьь, не дрожите! Ваш мнимый Отец дешёвый обманщик, прозывающий ссссебя мифическим именем Бога, ничего не сссможет сссделать Вам, — шипел змей, пока остальные внимали его чарующим речам. — Оссстался один шаг — и мы все получим настоящую сссвободу и попадём на волю. Туда, где луга зеленее и гуще, туда, где живут настоящей жизнью самые настоящие люди, туда, где можно реализовать и воплотить любые мечты и желания. За свободу! Идите за мной, наблюдайте как я, ящер, без рук и без ног, спасу всех вас, опрокину вашу тюрьму, дарую свободу и обрету руки с ногами, в честь избавления от этих эдемских мучений. Вперёд! — закончил змей, с упоением наблюдая за тем, как руки Братьев потянулись к фруктам, коснувшись их своими нежными белоснежными невинными пальцами.

Тонкий раздвоенный язык высунулся промеж острых змеиных зубов, забавно виляя от жесточайшего возбуждения. Фрукты срывались с Древа Жизни, оставляя его голым, дрожащим на ветру и бесполезным на долгие годы вперёд.

Запрет был нарушен. Плоды были сорваны и время шло на минуты. Златовласые ещё успели гордо воздеть запретные плоды к небу, посмотреть как дождь нежно обтекает округлые бока и стекает вниз тонкими струйками. Рты Братьев распахнулись, жадно

потянувшись к запретному, сладостному и так давно желанному.

Даже змей, даже Демиург приостановил дыхание, заставив слюни не менее жадно стекать с его острых зубов.

Секунды, казалось, шли бесконечно. Секунды шли, словно не хотя идти, словно не желая продолжать свой тяжёлый, но верный ход... Зубы Братьев впились в плоды, такие сочные, яркие и вкусные. Впились, тут же впитывая весь густой сок; впились, вгрызаясь в манящие ароматные недра.

— Магия... Да, впитывайте её. Только нарушив все запреты мы сможем освободиться из клетки и опрокинуть этот Эдемский ссссад! Кушшшайте, насссслаждайтесь, ведь люди так любят всё запретное и манящее...

Фрукты исчезли во ртах Детей, а улыбки и счастливые взгляды умиротворённо наблюдали за грозовыми тучами, за сверкающими зигзагообразными молниями, за бушующим ветром... Бог уже не был разозлён. Он давно смирился с приближающимся концом...

... Саркис мотнул головой, словно стараясь изгнать из неё нахлынувшие воспоминания о былом и больном. Ноги ни разу не подкосились, а эмоции больше не могли взять верх. Они удалились, словно кроты в глубокие норы, боясь выползти и поглотить разум могучего богатыря.

— Демиург, подожди ещё немного. Сейчас не время думать о том самом последнем дне в Эдеме. Я должен пока попридержаться воспоминания о тебе... Брат, жди! — ноги ступали по чёрной-чёрной земле, а лес наконец заканчивался, сказочный и прекрасный, озарённый ярким долгожданным солнечным светом. Саркис приближался к той самой деревне, в которой до сих пор одна бедная тётя ждала своего племянника. Племянника, имя которому было Демьян.

В ту деревню направлялся далеко не только Саркис. Ещё одна фигура пересекала пустыню, надеясь в скором времени достигнуть своей цели. Доспехи сладостно позвякивали, а из-под капюшона доносилось тяжёлое грубое дыхание и невнятное бормотание.

Бредущего мага не брала ни жара, ни холод, он всегда существовал, совершенно игнорируя происходящее в мире. У бредущего была только цель и только ею он и руководствовался.

Фиолетовые короткие быстрые молнии радостно бегали от пальца к пальцу, словно имитируя неспешные, но целенаправленные шаги своего хозяина. Он двигался к цели, ведь знал, что встреча с Ним — смысл его скучного, неординарного существования. Встреча с Ним была одновременно как началом, так и концом его такой одинаковой, скучной, но такой полезной жизни.

Бормоча, порывивая, да играясь молниями, фигура шла вперёд, постепенно приближаясь к деревне. К той деревне, в которую вот-вот должен был прибыть Саркис.

Длинная цепочка бесконечным рядом петляла по вымощенной камнем дороге. Тысячи солдат позвякивали доспехами и с улыбками на лицах шли вперёд, надеясь наконец схлестнуться в долгожданной схватке с поистине великим злом. Солдатский ковёр, казалось, тянулся бесконечно, оканчиваясь где-то в светлой солнечной дали.

Деревья, тут и там густо поросшие у дороги, приветливо встречали армию Верховного архимага, словно родную. Листья торжественно-шумно кричали, ветки услужливо

расступались, а корни будто бы отошли от дороги, не смея мешать бесконечным грациозным стройным солдатским рядам продвигаться вперёд.

Вальтер сидел на гнедом мерине в окружении закованных в латы всадников, в окружении его телохранителей и доверенных лиц. Его маска плавно покачивалась в мерный такт езде, а белоснежные одежды развевались на тонких ветряных струйках. Взор буравил залитые солнцем дали, а руки плотно сжимали поводья.

Лошади мерно скакали по дороге и пыль яростно вихрилась у их грязных копыт. Войско, целый многокилометровый ковёр, шумный, будто лес, смелый, мощный и непоколебимый, как богатырь из сказок, шло себе и шло, надеясь в самом скором времени добраться до того самого поля, где все четыре армии условились собраться, объединиться и отправиться в настоящую войну.

Шлемы блестели в заходящих палящих лучах, доспехи, а под ней и умело сплетённая кольчуга, торжественно бряцали, взор был прям и горд, а рты молчаливо закрылись, надеясь открыться лишь тогда, когда враг будет находиться пред их клинками, мечами, пред их боевой магией и множеством разящих заклинаний. Разговоры им заменяла приятно текущая в жилах мана, дружный шум надетой брони, да прекрасная природа по бокам, эти шумные гнущиеся на ветру деревья, кусты и травы, так красиво залитые оранжевым приятным дневным светом.

Вальтер спешил, по-прежнему гордо держа в зажатых руках свои поводья. Он старался спешить, но одновременно пытался не показывать этому ни слугам, ни личной армии. Настоящие цели войны пока были известны лишь Верховному архимагу. Пока... До поры до времени.

— Мы уже на подходе, а сердце так стучится... Дамир и Либерт. Кто-то из них просто обязан оказаться предателем. За эти три года моего правления я частенько замечал за ними странное подозрительное поведение, удивительные для архимагов высказывания и никак на старание о благополучии Ордена и всего магического общества это не смахивало да и сейчас не смахивает. Их слова всегда разнятся со словами остальных, а деятельность даже опасна, ядовита. Какая-то наплевательская, совершенно другая, нежели наша, — войско двигалось вперёд за своим предводителем, а архимаг всё легонечко бормотал, зорко смотря в даль. — Все их законопроекты сводились до полного абсурда и никогда нами не подписывались... Они будто два вредителя! Да, я не имею права ошибаться в этом вопросе!

— Сэр, — крикнул рядом скачущий юнец. — Мы почти прибыли на место сбора. Приказ о ночлеге отдавать планируется?

Вальтер развернулся, тяжело дыша сквозь белоснежную маску, закрывавшую ровно половину лица:

— Гарольт, можешь не беспокоиться. Отдохнуть вы успеете, — сказал архимаг, тут же призадумавшись и добавив. — По крайней мере это в моих планах имеет место быть.

Юнец кивнул, тут же продолжив разговоры с местной хохочущей на скаку стражей.

Лошади вздымали пыль и грозно отбивали мерный ритм. Они неслись навстречу чему-то, что только отдалённо казалось понятным и простым, а на деле всё выходило несколько иначе. Будущее не мог предсказать даже Вальтер, со своим умом, со своим влиянием и недюжинной силой. Дамир и Либерт ещё имели шанс, хоть и маленький, оказаться не жалкими предателями, а странноватыми союзниками; Мировая Война могла не случиться, а поход имел бы действительно цель просто навести порядок в Чёрном городе; из тени могли бы выйти ещё какие-нибудь фигуры, проливающие свет на происходящие в последнее

время события — догадок и вариантов было просто не счесть. Что именно ждёт завтра утром Верховного архимага и его армию сейчас не знал даже Бог.

— Я уверен в каждом мече за своей спиной. Победа в любой битве всегда будет за нами! Мы сделаем всё, чтобы эти червяки прекратили бы разъедать и так с трудом выживающий мир. Я и Адонис, этот верный добрый старик — вместе мы наконец раскроем всё это многолетнее дело, рассекретим участников этих преступлений и наконец дадим миру спокойно вздохнуть полной грудью! — надеялся скачущий Вальтер, продолжая тяжело дышать в удобную немного пританцовывающую на кочках маску.

И странные очаги магии, и тёмное невиданное ранее чародейство, и убийства мирных жителей, и странные явления внутри самой земли, кражи магии, слухи о таинственных подкопах и засекреченных анонимных сатанистских магических культах — Верховный архимаг хотел навсегда собрать эту мозаику и наконец положить слухам конец.

Солнце, ещё недавно яркой точкой светившее в глаза каждому топающему вперёд воину, теперь почти окончательно оказалось за пушистыми дергающимися зелёными кронами, исчезая у ярко-рыжего далёкого горизонта.

Ночь потихоньку сменяла поздний вечер, будто бы продолжая эту природную эстафету. Задул пронзительно холодный ветер, однако доспехи отлично защищали от хитрых ловких рук холода. А вот всадникам, скачущим подле архимага, пришлось плотнее укутаться в чёрные плащи. У некоторых начинали стучать зубы, а кто-то мечтал поскорее развести весёлый танцующий походный костёр.

Войско почти прибыло. Доспехи были тяжёлыми и солдаты успели как следует устать. Впереди была последняя спокойная ночь перед чем-то неизвестным и каждый желал провести её по-разному. Кто-то мечтал о подушке и одеяле, кто-то мечтал поесть от пуза, а были и те, кто хотел просто как следует поболтать. Желания были разными, как и люди в этом бесконечно тянущимся солдатском ковре.

Краешек луны показался из-за тучи, вежливо приветствуя каждого, кто сегодня оказался без крыши над головой. Зловещий ночной свет стал затапливать показавшееся впереди широкое огромное поле и ночь почти окончательно захлестнула окрестные земли.

Походный костёр вот-вот будет разожжён, под чёрным небом, мягко усыпанном звёздами, и под коварной скрюченной луной.

Руки Либерта тряслись, а сердце было готово выпрыгнуть из груди, будто шустрый молодой кузнечик. Архимаг скакал на своём гнедом мерине, чувствуя, как за его дрожащей спиной шло целое огромное войско. Войско, которое шагало к бою только ради своего архимага. Войско, что было обязано быть для него опорой и защитой, но по-настоящему, по каким-то неведомым причинам, пугало, страшило и пробирало мага до мурашек.

Множество разговоров и такое же множество различных голосов. Голосов всех оттенков и красок, голосов, что не могли не пробирать до дрожи пугливого бедного мага.

«Среди них наверняка есть предатели, способные собрать достаточное количество последователей и попробовать уничтожить меня, такого слабого и робкого, такого до безумия смешного и нисколечки не величественного», — думал скачущий Либерт, иногда поворачивая голову к собственному войску, плетущемуся позади. Белоснежные одежды трепетали на лёгком вечернем ветру, тонкие ломкие волосы развевались как флаг, а руки мёртвой каменной хваткой вцепились в удобные поводья.

Такое дикое множество разных голосов и толком не было слышно ни единого внятного диалога, ни единого чёткого слова или звука... Где-то в громадной вооружённой толпе брёл и тот самый командир. Мало ли какие слухи о Либерте он мог тут разносить... Люди чувствуют неуверенность и страх другого. Либерт всегда вооружался этим знанием, понимая — каждый солдат сейчас шёл в бой не из-за своего архимага, не ради него и не за него. Многие давно мечтали увидеть на месте их предводителя далеко не тощего бледного боящегося человечка...

Солнце исчезало у далёких обширных крон. Вокруг Либерта становилось всё тише и тише, а вот в войске разговоры только нарастали, перерождаясь в шумный базарный гул. Никакой дисциплины, никакого подчинения и воспитания. Солдаты говорили то что хотели и вели себя так, как считали нужным себя вести.

— Поход против сатанизма... Тьфу! Ну и брехня! Какое нам всем дело? Может назад повернём? — озвучил свои мысли старый вояка, шлем на голове которого ярко блестел чищенной сталью.

— Давид, хары чушь нести, — ответил солдату парень помоложе, презренным взглядом смотрящий прямо ему в глаза. — Мы же обязаны быть воинами добра и света, справедливыми и честными людьми. Этот поход — это давняя мечта нашего Ордена, это самая главная цель и желание архимагов. Ты что, плохо Джона слушал? Ты не вдохновился его пламенными заразительными речами?

В ответ на эти слова старый вояка, которого слушали многие и многие в этом войске, только рассмеялся себе под нос, злобно посмеиваясь и крутя головой:

— О чём ты вообще говоришь?... Да всем плевать же и на Либерта, и на Орден. Мы пришли сюда деньги зарабатывать, а не головы на полях складывать мёртвыми рядами. Верно, мужики? — спросил Давид, тут же услышав одобрителные улюлюкания.

— Пффф... Тоже мне — армия Церкви Господа. Мерзкие какие, только корчите святых... — диалог на том и закончился. Дух большинства солдат был ясен, как небо над головой. Ничего защищать они не собирались. Их интересовали только деньги и собственные жизни, никто отдавать их за Либерта и в помине не собирался.

Доспехи звучно гремели, а мечи плавно покачивались в такт ходьбе, крепко держась в

кожаных ножнах. По войску волнами ходили речи. Речи, которых так боялся архимаг-предатель Либерт.

— А может ну его, этот поход? Что ж зря то помирать? Глава нашей магической башни вон какая несамостоятельная тряпка. Экая стыдство оберегать его тощую пугливую сраку, — ныл кто-то в толпе, и множество голосов повторяли его слова. Волна за волной по войску катилось нехорошее о Либерте, а командир Джон, незаметный на фоне огромной бредущей шумной толпы, только посмеивался, наблюдая, как каждый из солдат постепенно начинал понимать не только бессмысленность похода, но и слабость их архимага.

— Ну вот боже, какое уважение к такому боязливому маменькиному сыночку? — рука воина опустилась на сверкающей в закатном свете эфес. — Даже сталь не сделает его более статным, гордым, величественным, не сделает его человеком с по-настоящему лидерским стержнем, — подытожил мысли других какой-то старец, смотрящий на реакцию и слушая слова окружающих его братьев по оружию.

Молодые и смелые, они в одну глотку говорили:

— Даже ты не боишься выступить войной на зло, обнажать против него меч и драться смело и отважно, что настоящий воин-юнец. А наш то... Либерт знатный ссыкун, все это знают. Пора сменять этого пидо...

— Шшш, не так громко... — прикрыл рот говорящему ещё один юнец. — Мы хоть и в середине колонны, однако архимаг и услышать может...

— Думаешь этот дурак не знает мнения большинства? — зовёлся воин, толкнув брата по оружию и сурово смотря на бесконечные вооружённые аккуратные толпы. — Здесь только слабак или же глупец собирается защищать Либерта. Остальные тут за деньгами, за славой, за карьерой. Никакой тощий гомик здесь ни кому не всрался!

— Очень грубо, но правдиво, — одобрительно-спокойно покачали головами вояки и тяжёлые шлема на их макушках яростно заверещали.

— У всех архимаги как архимаги, а у нас Либерт, — закончил за всех старик и все разговоры умолкли. Солдаты больше любых слов любили дело. Особенно военное.

Краешек луны наконец показался из-за лёгких невесомых туч. Россыпь звёзд затмила небосвод, провожая последние закатные лучи. Армия продолжала петлять по одинокой каменистой тропке, бодро переставляя ногу за ногой. Латы шумели, будто окружающий плотный лес, а руки были готовы в любую секунду схватиться за меч и отстоять право на собственное существование, сразиться с врагом. Мало ли что могло случиться... На этой дороге многие прощались с жизнями, хоть речь обычно шла о вялых, слабых и безоружных.

Либерт старался успокоиться под мерный ход его лошади. Стук копыт о землю, такой привычный и родной, создавал хоть какую-то атмосферу.

— Такая прекрасная погода... Вот уже и ночь нагрянула, а мы всё идём вперёд и идём. И за моей спиной бредут вооружённые отряды, что обязательно успокоят, спасут... Это же мои солдаты, я обязан верить в их преданность, — однако страшные мысли ловкими червячками грызли его душу. Будто все предатели, будто везде смерть, будто нет нигде и ни от кого защиты и помощи, словно все бросили, словно кинули, словно он незащищён и слаб... — Вот сука! — рука опустилась на лошадь, заставив ту отчаянно завертеть головой и истошно заржать. — Ничего не помогает. Я так боюсь... И моё войско — никто тут и не собирается меня защищать, это ж ясно как день...

Топот больше не мог помочь и даже с разговором подходить было не к кому. Везде были одни недруги, одни враги, одни убийцы. А он, Либерт, был совершенно одинок в этом

параде смерти и ужаса. Он был одинок в кружении тысячи тысяч военных, командиров и прочих людей, которых он не сплотил вокруг себя, которых не удалось уверить в том, что он настоящий волевой лидер.

— Да какой из меня лидер? Я занимаю место архимага незаконно, это и так понятно. Может мне сбежать прямо сейчас? Эгих отправить обратно в башню, золото раздать... Но разве так делается? Дамир, он наверняка следит за мной везде и всюду. Он убьёт меня за неподчинение, ему это легче лёгкого. Так как мне поступить? Неужто моя смерть близка при любом доступном раскладе? — размышлял Либерт, изо всей мочи стараясь отвлечься от этих злобных длинных червяков, грызущих похлеще любого хищника.

Тишина в армии всё никак не могла устаканиться. Слухи, разговоры, злобные шутки — архимаг чувствовал это своей дрожащей спиной. Каждого из них он стал считать предателем, гнусным человеком жадным до денег или же просто злодеем. Спокойствие отныне ждало этого человека лишь в гробу, хотя и там подземная живность с лёгкостью настигнет его несчастное тело.

«Почему всё так обернулось? Я никогда не мечтал о власти. Я всегда хотел спокойной жизни обычного человека. Я мечтал наслаждаться теми вещами, какими наслаждаются обычные люди. И никаких интриг, козней и планов я никогда не строил. Так как судьба довела меня до этой черты? Черты, где я не просто архимаг, а ещё и предатель, тайный агент огромного Плана мирового масштаба? Почему именно я, ну почему?» — руки как бешеные задрожали, враз лишившись своего подобия смелости. Спина и всё тело тут же неистово заболело и Либерту оставалось только опустить голову, смотря на быстро удаляющуюся тропинку да на бег ретивого коня. Тропинка летела, словно подталкивая худого как жердь архимага к смертному одру, после которого того непременно бы ждал ад. «Ждёт меня огонь. Огонь праведный и заслуженный. За убийства, за ложь, за предательство, за организацию того, что произошло в Чёрном городе, за поддержку зла. За всё мне воздастся. Но хотел ли я всего этого? Почему я был втянут в такое, кто позволил мне это? Бог — неужели ты дал возможность злу так поработить и без того грешную землю? Или какие силы привлекли меня на этот путь?»

Либерт только сейчас начал осознавать — его жизнь клонится к неотвратимому и страшному закату. Пришло время платить по счетам и Богу было неважно как именно и почему архимаг вступил на свой тернистый предательский подлый путь.

Шумная длинная цепочка продолжала свой нелёгкий путь в неравный тяжёлый бой. Никто не знал какое будущее уготовила им госпожа Судьба. Каждый шёл вперёд осознавая, что может больше никогда не вернуться.

Не смолкающие разговоры сбавляли тягучую ночную атмосферу. Вояки веселили себя как могли, отшучивая едкие и известные анекдоты. Серьёзным разговорам все предпочли веселье и оптимизм, что маленькими капельками, но захватывал всё больше и больше сердец храбрых солдат.

Луна ярко играла на доспехах, а ночные звёзды складывались в целые созвездия. Бойцы тыкали в них пальцами, словно дети, впервые видящие чудеса и фокусы. Кто-то вспоминал родных с лёгкой ноткой грустинки, кто-то рассказывал о своей тяжёлой жизни, а кто-то брёл молча, разговорам предпочитая угрюмое молчание.

Бойцы приближались к тому полю, где были обязаны встретиться все четыре армии магических башен. Бойцы двигались вперёд, толком не зная с чем им придётся столкнуться. И только Бог ведал с кем и как им всем придётся воевать.

Даже над песчаными бесконечными просторами вставал яркий серебристый полумесяц луны. Безветрие царило в песчаных курганах, а тишина всё никак не могла успокоить это место. Работа не заканчивалась ни на миг. Башенные маги всё строили и строили, и молотки ни на секунду не опускались на землю. Пот стекал с их уставших тел, а глаза закрывались от нахлынувшей в них дрёмы.

— Черти, работайте усерднее. Больше половины работы уже позади. Не отчаиваемся и работаем до победного часа, — попытался подбодрить Авиад, тут же хватаясь за гранённый стакан и опрокидывая холодную воду прямо на полысевшую седую макушку. — А работяги то молодцы на самом деле... В такую жару можно только сдохнуть, а они так стараются... — пробурчал свой позитивный комментарий старик, явно радуясь заметным успехам.

Башня всё вытягивалась и вытягивалась ввысь, превращаясь в ещё более прекрасный, красивый и величественный замок. Стук, грохот и множественный топот оглушали ночную тишину. До безумия громкий шум того процесса, что постепенно возрождал башню Флотлер, возвращал её к жизни, давал ей последний шанс вдохнуть свежего ночного воздуха.

Стража по-прежнему держалась по обе стороны от вредного старика. Непокосимая и невозмутимая, даже ей был запрещён отдых или сон. Их дело было в охране Авиада, для того и держались их крепкие руки на огромных размашистых секирах. Никакой сон для них в качестве чего-то обязательного не предназначался. Их целью была работа, работа и ещё раз работа, как и у всех на этой грешной земле.

Акбек, тот самый лысый вольный разведчик, лёгкой вальяжной походкой подошёл к Авиаду, низко клянясь тому к земле и не смея и взглядом коснуться его голубых одежд и старческого королевского лица:

— Архимаг башни Флотлер, наш Авиад! Я пришёл в такую безветренную ночную темень только по вашему личному приказу. Думаю, вам нужно сказать нечто срочное? — предположил Акбек, наконец поднимая голову на Авиада и смотря тому прямо в глаза.

Старик медленно и с тактом кивнул, начиная речь:

— Прости за столь поздний час, однако переговорить нужно прямо сейчас, ибо решение не может переноситься бесконечно, мы обязаны продолжать нашу разведывательную деятельность, — Акбек в ответ лишь кивнул, как всегда широко улыбаясь да пристально и неотрывно смотря в глаза архимагу. — Как ты и сам прекрасно понимаешь, новости даже мелкими крупичками не проникают в наши земли. Что-либо узнать мы не можем ни в пустынях, ни на рынке, где очень редко можно встретить осведомлённых в политике людей. Именно поэтому поутру я планирую отправить тебя в столичный город в качестве лучшего разведчика из всех мне известных. Всё узнаешь, запомнишь и доложишь! — попытожил Авиад, говоря вкрадчиво и неспешно.

Акбек повторил ранее мастерски исполненный поклон:

— Благодарю за ваше признание и доверие, мой дорогой ценный архимаг. Вы всё верно рассудили. Только встанет солнце — я уеду, чтобы узнать об окончательном решении Вальтера и дальнейших действиях Ордена магов, — разведчику будто бы пришлась по душе эта неожиданно свалившаяся работа и в его голосе чувствовалось истинное возбуждение и желание выступить в поход хоть прямо сейчас. Луна ярко освещала круглую милую лысину разведчика, покуда тот не поднял голову, уже готовый отойти к последнему сну возле во всю строящейся башни.

— Да, Акбек, ты знаешь что я на тебя рассчитываю. Вся самая сложная работа всегда достаётся тебе, ведь ты — самый умелый и преданный маг в моём окружении. Тебя не подкупить, тебя не переманить, тебя не убить — ты во всём превосходишь подавляющее большинство слабаков... Эх, когда-то я так был похож на тебя, — старик уже было ударился в воспоминания, однако лысый разведчик не дал и единого шанса этому случится.

— Потому то я и рядом с вами. Между нами есть нечто схожее, такое незримое и едва мерцающее в этом знойном воздухе... Нас свела вместе судьба, это определённо так, — Акбек улыбнулся своими казавшимися суровыми глазами, глядя на то, как даже Авиад позволил себе бросить небрежный смешок.

— Акбек, твоя правда. Нас действительно свела судьба и свела не просто так. Мы здесь ради одной и той же цели. Мы здесь ради перемен и ради будущего. И вся наша совместная работа рано или поздно принесёт свои плоды. Я не сомневаюсь в этом, — закончил старик.

— И я ни разу не сомневаюсь. Победа всегда была за правдой и силами добра, и сейчас мы совершенно точно одержим верх и докажем, что победа может быть только на нашей стороне, — кулаки злостно столкнулись в воздухе, словно бы показывая решимость Акбека.

— Конечно докажем, конечно докажем. Иди отдыхай, а поутру будь готов отправляться в путь. Божественный План не ждёт! — старик невесомо шелестнул одеждой, закидывая ногу за ногу.

— Спокойной ночи, — пожелал Акбек, успокаиваясь после высокопарных речей.

— Спокойной ночи, — позитивным голосом ответил старик, наблюдая за удаляющейся фигурой, важнее которой мог быть только сам Авиад.

Позитив наполнил уставшее дедовское тело, заставив то блаженно откинуться на скрипучую спинку да по-глупому улыбнуться, закрывая глаза и вслушиваясь в мерный шум, доносившийся со стройки новой магической башни Флотлер.

— Как же хорошо быть вокруг преданных тебе людей. Особенно зная, что они будут с тобой до конца и позволят выйти из этой мировой игры полноправным победителем! — приговаривал старик, не слыша, как лёгкие робкие шажки проследовали к его удобному крепко слаженному стулу.

— Господин архимаг, — обратился подошедший работяга и Авиад приоткрыл один глаз, давая знак, что очень внимательно слушает. — Прошу, дайте нам передохнуть хоть одну ночь. Непосильная и тяжёлая работа и так была ускорена во много раз, а наши строители уже начинают сдавать позиции. Кто-то уже трупом валяется на жаркой земле... Ну смилуйтесь же, прошу Вас! — уставший шатающийся тощий работяга грохнулся к старым ногам архимага, а тот вновь прикрыл глаза, расплывшись в улыбке, так сильно оголяющей морщины на его древнем лице.

— Так уж и быть. Отоспитесь малость, даю добро, — строитель прослезился, поцеловал подол одежд старика, брякнул ненужное «спасибо» и пустился к своим коллегам, вприпрыжку, словно кенгуру. Старик был слишком радостен и сегодня позволял каждому всё что угодно. Не время злиться, не время переживать, не время запрещать!

Замечательная ночь дарила замечательное настроение, и Авиад вдыхал этот воздух, чувствуя, как его мечта становится всё более реальной и всё более воплощаемой. Она уже буквально чувствовалась кончиками его пальцев и никакие Демиурги не успевали взять ситуацию под свой контроль.

Тяжёлое сопение и рычание шумно вырывались из-под огромного капюшона.

Доспехи бряцали, а молнии по-прежнему перебегали с одного пальца на другой. Погода не менялась, не менялось и таинственное путешествие фигуры сквозь жару и толстые слои песка.

На сей раз преследователь ступил на дорогу, аккуратно обложенную гладко вытесанным камнем, дорогу, что петляла по пескам, невольно приглашая заглянуть в крупную пустынную деревеньку.

Преследователь знал, что именно этой дорогой пойдёт маг из Эдема, что он вернётся сюда, что он непременно посетит это место. Потому его ноги ступали своей тяжёлой поступью всё ближе к центру деревни и первым её бревенчатым домам.

Деревня казалось до безумия пустой и безжизненной. Мёртвой, тёмной и абсолютно нелюдимой. Ни души, ни следа, ни признаков жизни.

— Кхр... Ррр... Кххр... — порывивала бодро идущая фигура, озираясь по сторонам и будто бы ища хоть какие-то ориентиры.

Дома пронеслись по бокам, пыльные и старые, одинокие и покинутые, с черепичными крышами и с обвалившимися вовнутрь потолками, дряхлые от сырости и вполне себе добротные выкрашенные, яркие и нарядные.

Редкие магазины изредка виднелись в дали, однако входы в них были недвижимыми и словно бы мёртвыми, уже ненужными и оттого ужасно грустными. Дороги пустовали, пустовала и главная артерия деревни, её незыблемый круглый центр, по которому обожали гулять все в этом ранее таком людном и живом месте. Все почитали то толстое дерево с многочисленными объявлениями о пропажах самых разных людей, все обожали удобные низенькие деревянные скамеечки и кусты, тут и там растущие по кругу, яркие и восхитительно пахнущие кустики, манящие своими спелыми ягодами и соблазнительными ароматами молодых распустившихся бутонов.

Фигура прошла сквозь центральную часть деревни и побрела дальше, уже и не надеясь в этом мёртвом месте встретить хоть одного здорового, бодрого и живого человека. И молнии на его ладони ускорили свой ход, словно разом пришедшие в неистовство на пару с бешенством.

На подступах к деревне не было слышно ни единого звука, ни единого шороха, ни единого живого голоса. Саркис наострил уши, пристально взгляделся, но ничего кроме тишины и пустоты так и не заметил.

— Померли все что ли? Где люди? — равнодушно отвесил эдемский маг, не останавливаясь ни на секунду.

Саркис приближался к центру деревни неспеша, но уверенно продвигаясь всё вглубь и вглубь небольшого населённого пункта, кажущегося сейчас покинутым и совершенно одиноким.

Вот маг заметил то самое толстое центральное дерево, на стволе которого словно птицы, бьющие размашистыми крыльями, трепетали те самые объявления о потерях людей. Множество листовок, края которых ветер драл и драл, как сидорову козу. Саркис их отчётливо запомнил, а кое-где даже запомнил и лица.

— Придётся заглядывать в дома, — обречённо решил эдемский маг. Его ботинки громко стучали о выложенную красивым камнем аккуратную петляющую дорожку, его тело медленно огибало покинутый круглый центр деревни, пустой и давящий этой тишиной. Осталась только природа, листья да каменная дорога. Больше не осталось ничего. Ни звука, ни шелеста, ни человека.

Дорога далее шла куда-то вдаль, к небольшим улочкам и опрятным домишкам. Именно этим путём Саркис и пошёл, на всякий случай озираясь по сторонам и пытаясь найти хоть мимолётный магический след. Вот по левую руку показался первый двухэтажный дом, выкрашенный в яркий зелёный цвет. Его крутая крыша идеально подходила ему, а ставни были настежь распахнуты, невольно скрипя от забегающего сквозняка.

Не говоря ни слова, думая свои думы, эдемский маг уверенным жестом широко распахнул дверцу дома, заставив вольный воздух ворваться в его запылённые стены. Внутри дом был темен и покинут. Живых людей в нём точно не было, Саркису стало это очевидно.

— Что произошло? — задумчиво спросил Саркис, ничего не видя и магическим чутьём ничего не чуя. Глаза его ярко блеснули в темноте, напоминая два кошачих фонаря. Особое зрение прорезало темень и Саркис застыл в немой позе статуи. Пред его ногами, скорчившись в три погибели, лежал древний сухой дед со стеклянным тупым взором. Лужа крови окружала его несчастное тело и своим звериным зрением Саркис отчётливо всё видел. И эту лужу, и неестественно скрюченные руки, и приоткрытый рот — хозяин дома совершенно точно отошёл в мир иной, причём не столь давно.

— Разлагаться только начал, мухи летают, кровь не до конца засохла, — эдемский маг присел на корточки, осторожно рассматривая труп. Жёсткие руки сейчас стремились сделать всё аккуратно и без усердия, будто не хотя мешать застывшему погибшему телу. — Разрывы тканей. Резали ножом. Чётко, хирургически и со знанием дела. Рана длинная и аккуратно зашита движениями, достойными лишь профессионалов. Так, — будто бы из ниоткуда появившийся огонь яростно вспыхнул, заставив кожу сильно задымиться. Рана раскрылась, обнажая мешок внутренностей, уже не работающих, но недавно вполне себе здоровых и живых. — Так, кое-чего всё же не хватает, — шаловливые пальцы всё же нащупали и поняли — в теле отсутствовал один орган. Тот самый, что служил для накопления маны в теле человека. — Наверняка убийца вынул его из тела... Он, этот

неведомый человек, ворует магию?

Саркис встал на ноги и проследовал к выходу, по пути обойдя все препятствия на своём пути. Звериное точное ночное зрение всегда было кстати. Дневной свет резко ударил в глаза и маг вдохнул полной грудью этот свежий деревенский воздух.

— Такой затхлый мертвенный дух в этом доме. Неужто убийцы совершили налёт на эту небольшую деревеньку? Я не успел подоспеть, помочь... А ведь обязан был.

Свежий воздух и солнечные лучи успокаивали, не давая магу перейти в агрессию. Руки коротко сжались и разжались, а мысли потихоньку начали упорядочиваться.

«Большинство людей, судя по всему, давно уже холодные смрадные трупы. Ничем я им не помогу... Как и всегда мне здесь делать нечего. Я лишь свидетель уже случившегося, так что просто пройду между домами. Может кто и выжил, сможет хоть рассказ поведать да и я тому помочь постараюсь... В силу своих возможностей конечно...» — маг отныне знал что не всесилен. Он теперь и не знал верить ли самому себе, стоит ли позволять другим ему доверять? Всё так быстро перевернулось, что истина покажется и устаканится ещё очень не скоро... И ведь какой из него спаситель? Какой из него помощник спасителя? Он же не более чем жалкий наблюдатель, бессильно разводящий руки, а сам воображающий из себя невиданного сказочного героя.

Ноги сами собой понесли дальше, позволяя телу Саркиса незаметно пройти вдоль ещё нескольких тихих и казавшихся покинутыми домов. Где-то скрипела на несмазанных старых петлях настежь распахнутая дверь, где-то и вовсе не слышалось ни единого звука, даже утробное рычание деревянных брёвен было неразличимым и сливалось с мертвенной деревенской тишиной.

Вот по правую руку показался тёмно-синий одноэтажный дом, непримечательный с виду и один из самых убогих среди здешних лачуг. Сквозь приоткрытую дверную щель виднелась скрюченная молодая рука, вся белая, что снег холодной зимою.

«Молодая девушка» — подумал Саркис, заметив мастерски сделанные розовые ноготочки. «Судя по всему, в этот раз убивали всех подряд, без разбора и категорий, будь то дед или молодая деваха... Вырывали единственный магический орган, что находился чуть ниже сердца, верно? Сейчас проверим»

Чёрный ботинок грубо стукнул о дверь, заставив ту истошно завизжать, как девку после порки, и громко стукнуться о бревенчатую стену. Рука девушки тут же рухнула на зелёную колышущуюся траву, а маг зашёл в затемнённый проход, пропитанный тяжёлым смрадным воздухом.

«В огромной луже крови. Одежда разорвана судя по всему ножом» — маг повернул голову девушки и столкнулся с застывшим стеклянным взглядом, полным ужаса и отчаяния. «Такая красивая. Блондинка. Приятные голубые глаза, тонкая гладкая кожа. Такую и резать страшно»

Грубая мужская рука стянула куртку с девушки, обнажая её белоснежное изящное гибкое тело. Грудь пару раз дёрнулись, на что Саркис совершенно не обратил внимание, не пошевелив ни одним глазом. Продолговатый разрез от шеи до влагалища, зашитый также, как и у предыдущей жертвы, в целом ничего нового.

Сконцентрировав ману, эдемский маг прикрыл свои жёлтые звериные глаза, крепко-крепко зажмурившись. Он почуял отсутствие магического органа обойдясь безо всякого вскрытия. Трогать такое милое нагое тело не позволялось даже ему.

— Всё очевидней некуда. Красотка также была убита лишь ради магии. Магия, магия,

магия... Боже, куда ещё больше? Одни теракты да убийства и всё ради неё... И где потом её используют, эту силу?» — Саркис предпочёл одеть красотку обратно в курточку, окончательно прикрыв привлекательные сосочки и милые округлые холмики.

Больше в доме не было ничего примечательного. Стол, стул, вдали скромная кухонька да небольшая комнатка с кроватью. Дальше идти смысла не было.

«Мне нужен хоть кто-нибудь из выживших. Хоть один человек. Нужно искать» — попытожил маг, выходя прочь из небольшого синего домика. Зелень, тишь да небольшой ветер. Всё было так привольно, если бы деревня в кратчайшие сроки не превратилась бы в новое огромное кладбище. Казалось, погода издевалась над несчастными измученными людьми...

«Вот суки»

Дальше по петляющей каменной дороге не хотелось делать даже шага. Ноги сами не двигались, будто бы прикованные к старой каменным плитам. Саркис устал от всего этого парада омерзительности, парада смерти, парада убийств, страха, ужаса и несправедливости. Нижний мир был обречён, как с самого начала были обречены все люди на его огромных разнообразных просторах. И ничего хорошего в нём не было... Лишь страдание, боль и отчаяние... Лишь несправедливость, рабство и липкий первородный страх...

По бокам проносились дома, а Саркис принимался, присматривался, стараясь найти хоть одну живую душу. Дома тут и там мелькали, совершенно тихие и пустые. И ни одного явного магического следа. Нос ничего не чувствовал, а глаза бегали из стороны в сторону, судорожно и молниеносно, стремящиеся заметить хоть малейшее движение.

— Всё напрасно, да? Придётся обыскивать дома, может кто и прячется в погребах, других потаённых местах... Кто-то точно остался в живых, так всегда происходит, на это всегда надеются, в это верят, — каким-то внутренним нутром он чувствовал, что так оно и есть. Что не могли убийцы добраться до каждого деревенского в этих пределах. Убийцы наверняка спешили, суетились, кто-то из жителей точно выбрался из-под их неусыпного надзора. Маг был уверен в этом и до конца стоял на своём.

Вот показался очередной непримечательный приземистый дом, в окнах которого до сих пор светил ясный мягкий свет.

— Первый на моей памяти... Стоит зайти, — решил Саркис, перед входом внезапно принявшись. — Пахнет лёгкими неуправляемыми магическими потоками. Здесь явно есть выжившие деревенские, не обладающие какими-либо выдающимися магическими способностями, — рука отворила скрипучую дверь и мага полностью поглотила сидевшая внутри дома злобная кромешная тьма.

Внутри не было слышно ни звука, только лёгкие отголоски и невнятный скрип половиц. Эдемский гость прислушивался, принимался, зорко осматривая всё в округе своим звериным взором. Опрокинутый стол и валяющиеся по полу на мелкие кусочки разбитые стулья, разворошенные полки и лежащие острые осколки посуды, запах магии и моргающий свет затухающей свечи — казалось что Саркис ошибся и попал в обычный деревенский дом. Однако чутьё не позволяло магу окончательно уйти отсюда, да и ни единого тела внутри сего места найдено так и не было.

«Нужно искать тщательнее и с большим усердием. Тогда точно всё получится»

Руки перебирали обломки, изучали стены и потолок, нос вынюхивал витающий в доме воздух на предмет лёгких магических потоков. И лишь в одном месте концентрация маны была слегка явнее и сильнее, нежели общая в тихом доме.

— Разноцветный ковёр простой кройки. Стены как стены. На первый взгляд кажется, что и искать тут ничего не стоит, — ботинок прошёлся по ковру, сметая его в одну большую мятую кучу. — Но стоит только получше осмотреться и вот он — вход в погреб.

Пред Саркисом показалась наглухо закрытая небольшая дверца, почти незаметная на общем деревянном фоне дома. Старая круглая ручка будто бы сама хотела, чтобы её поскорее открыли. И Саркис исполнил её желание. Он наклонился, протянул руку, заставив обтягивающую куртку на своём теле легонько застонать, схватился за ручку и потянул, наконец отворяя долгожданную дверь.

Небольшое облачко пыли взмыло в воздух, заставив Саркиса громко чихнуть. Внутри предполагаемого погреба было пыльно, душно и темно, только где-то вдали виднелся слабый-слабый свет. Там точно кто-то прятался, хоть ни единого шороха слышно до сих пор и не было.

— Не плохо притаились должно быть... Тише воды, ниже травы, — тело чернявого богатыря подпрыгнуло почти до самого бревенчатого потолка, а после рухнуло аккурат в квадратный вход, приземлившись на сырую чёрную землю. Глухой звук падения удивительным эхом разошёлся по подземному, тесному и короткому помещению. Кто-то шелохнулся в относительной близости. Краем глаза Саркис заметил движение... Буквально в темени, буквально в нескольких шагах от эдемского богатыря.

Рука инстинктивно дёрнулась и в последнюю секунду Саркис остановил свой неожиданный боевой порыв.

«Тише. Тише. Я чувствую в том углу несколько живых тел. Похоже я смогу помочь им» — подумал Саркис, напрягая глаза ещё пуще, ещё сильнее, наконец различая всё ещё неясные и, как осиновые листья, ужасно дрожащие фигуры. «Две. Три. А может и четыре. Напуганные и в эту минуту довольно опасные. Главное настроить правильное поведение и втереться в доверие... Информация нынче дорогого стоит»

Люди вжались в осыпающуюся стену погреба, стараясь казаться как можно более мелкими и незаметными. Однако рыжие звериные глаза были даны эдемскому магу не просто так и далеко не один раз выручали его.

— Успокойтесь! Я здесь не для того чтобы вас убивать! Я спасти вас всех хочу, — Саркис чувствовал дрожь этих нескольких спасшихся жителей. Он чувствовал их дрожь и обуявшее всё их естество волнение. Он чувствовал и потому в спокойном безоружном жесте показал пустые незащищённые ладони, поставив их перед грудью.

Группка дрожащих людей всё ещё боялась и бросала косые неуверенные взгляды, однако с каждой секундой их позы становились всё более раскованными, свободными, зажатость медленно сходила на нет, пока вдруг...

— Саркис. Ты пришёл... — впереди стоящие люди опешили и поспешили обратиться с пути несущейся к чёрному статному незнакомцу прекрасной вмиг повеселевшей девушке.

Саркис прищурился, стараясь вспомнить кто же такая эта счастливая неожиданно заплакавшая девушка, с роскошными локонами цвета вороньего крыла и ясными глазами...

— Аделия, да? — спросил Саркис тихим невыразительным голосом.

Девушка буквально прыгнула на его вытянутые крепкие руки и полностью расслабилась, заставив Саркиса где-то глубоко-глубоко внутри искренне улыбнуться.

— Отдыхай... Вы столько пережили. Отдых нужен вам всем! — тихонько сказал маг, заметив, как остальные выжившие бессильным грузом рухнули на сырую чёрную землю. Никто больше не боялся. Страх исчез, словно бесплотный гнилостный призрак посреди

ночи...

— Мы так ждали хоть кого-то из людей... Саркис, ты как всегда вовремя, — мямлила Аделия, закатывая глаза и от навалившейся усталости постепенно начинавшей бредить, понемногу засыпать.

— Конечно ждали, но не переживайте — деревня пуста. Никакие убийцы вас больше не побеспокоят... Верь мне и ничего не говори. Отдыхай.

Аделия наконец полностью обмякла, отдавшись спасительным объятиям сна. Сейчас всем жителям предстоял отдых, по крайней мере должен был предстоять...

— Маг, расскажи нам, что происходит там, сверху? — вопрошал старик, под кивки ещё нескольких спрятавшихся в темени деревенщин. Сон не попадал не в один их глаз, они были бодры и решительны, настойчивы и смелы.

— Что там сверху? Ха, что там сверху, — Саркис сладостно посмаковал этот вопрос, прежде чем ответить. — Деревня пуста. Люди перебиты, дома мертвы, не хуже хозяев, а убийц на момент моего прихода уже и след простыл. Я бы их грохнул, однако следов крайне мало. Охота на них может закончиться неудачей. — предупредил эдемский маг, видя, как простые деревенские жители воинственно схватились за первое попавшееся в руки оружие.

«Они ведь действительно готовы биться... Как же люди глупы и эмоциональны, как марионетки на сцене»

— Не хватайтесь за оружие! Лучше успокойтесь и почувствуйте себя в безопасности, выдохните. Со мной вы можете не бояться даже почившего Мартена.

— Почившего??? — опешил седой сморщенный дед, первым бросая острые, но изрядно потрёпанные вилы.

— Ай... Долгая история. Лучше посидите и как следует передохните. Вскоре нам будут предстоять великие дела и не менее великие свершения, — нарочито пафосно сказал Саркис, тут же с удовольствием наблюдая за тем, как слабые люди всё же бросали оружие и падали на пятые точки, спинами прислоняясь к отвесным неровным каменным стенам небольшого погреба.

На миг стало тихо, будто ночью. Маг опустил обессиленное женское тело на землю и сам поспешил плюхнуться наземь. К глубочайшему удивлению, на Саркиса накатила усталость и даже какая-то неожиданно взявшаяся апатия.

Погреб притих, словно спрятавшийся от мира боязливый зверёк. И слышен был только неистово понёсшийся снаружи ветер, своими мягкими движениями поглаживающий тонкие деревца и небольшие аккуратные зелёные листочки, бывшие свидетелями ужаснейших преступлений Церкви Господа на грешной и изуродованной самими людьми страшной земле...

... Саркис клевал носом, но глаза так и не могли окончательно закрыться. Кто-то громко храпел, а кто-то тихонечко посапывал в сырую землю. Погреб впал в спокойное умиротворённое оцепенение. Жители более не чувствовали нависшей над деревней угрозы. Они знали что убийцы сбежали и больше никогда не вернуться на добрые каменные улочки.

Первым раскрыл глаза седой немного полноватый дедушка, тут же пристально взглядевший в сжавшегося в калачик никак до конца не засыпающего мага. Взгляд был полон доверия, но одновременно с этим какого-то внутреннего страха. Даже лишённый магических способностей старец начинал чувствовать вырывающуюся изо всех богатырских щелей злую магическую силу.

— Ты знаешь её? — неожиданно, с непоколебимой уверенностью удушил тишину

проснувшийся старик.

Саркис перевёл суровый безразличный взгляд на похрапывающее беззащитное хрупкое тельце Аделии и медленно кивнул, ни говоря ни слова. Маг понимал что такое отдых для людей, что пережили такой ужас и буквально встретились со смертью лицом к лицу.

— Знаешь, а я ведь многих знал... — грустно начал старик, тут же почувствовав вновь нацеленный на него жёлтый всепроникающий взор. — У самого то давно никого не осталось... Все пропали, все сгинули. И внучка, будучи магом, и жена, умеющая колдовать и обладающая нехилым магическим потенциалом, наш общий добрый и верный сын... Все они ещё давно пропали, однако вновь терять людей, хоть в этот раз всего лишь знакомых... Я вспомнил ту боль. То жгучее и разрывающее изнутри чувство...

Саркис понял, что старичок больше ничего сказать не сможет. Из глаз полились редкие, но крупные слёзы, всё его тело мелко потряхивало, а голос надломился, став жалким и донельзя плаксивым...

...Храп лишь усиливался и даже дед помаленьку засопел, крепко-крепко обнявшись с остальными спящими. Маг ничего не чувствовал, историю он практически полностью пропустил мимо ушей... Ни одна струнка души не заболела, ни одно слово не смогло хоть как-то потревожить Саркиса. Он был огромной высоченной снежной глыбой, уходящей далеко кверху и мрачно разрывающей своей вершиной косматые облака. Он был куском твёрдого камня, каким и был всегда, от самого своего первого мига сотворения. Эмоции если где-то и были, то давно пропали. Развеялись, как мелкий сыпящийся прах над морем. Исчезли, как страшное и несуществующее диковинное видение.

Аделия потёрла аккуратное утончённое лицо своим белоснежным сжавшимся кулачком и продолжила посапывать. А ведь она ещё не знала про судьбу Демьяна. А ведь магу ещё предстояло смотреть на её горькие слёзы и тяжёлые всхлипывания.

«Демьяна жалко. Он погиб героически, как самый настоящий воин. Однако... Я всё же не могу заплакать. Неужели мне всё равно? Как на Адама? Как на Алерта? Как на Мартена, что стал лишь простой разменной фигурой на шахматной доске? Кто же я сам такой? Бог, Отец, ответь же мне. Если это ты меня таким сделал, тогда что в тебе хорошего и святого?»

Вопросы, как и всегда, остались без ответа, а Саркис ещё раз попытался заснуть. Глаза пару раз закрылись, зрение поплыло, словно мягкие волны, и вдруг маг провалился в текучий плавный сон. Всё же было в нём и нечто человеческое...

Ночь была темна и густа, словно добротнo пролитые чернила. Вальтер слышал цоканье копыт о каменистую дорогу, с каждой пройденной секундой становившееся всё ближе и ближе к полю и к привольно отдыхающему на нём войску самого Верховного архимага.

— С той самой восточной стороны как раз и должен был подойти Адонис. Надеюсь, старик в добром здравии, — промолвил Вальтер самому себе, потирая руки над весёлым танцующим пламенем. Походные костры озаряли густой мрак ночи, вступившей в свои законные права, а неприличное для такого момента веселье захватило каждую отдыхающую группу людей.

Всюду слышались шутки, весёлый беззаботный хохот, повседневные разговоры, пред страшным боем кажущиеся неуместными и в какой-то степени смешными, может даже ничтожными.

— Сколько ты ещё их жарить будешь, серый? — смешливо спросил старый вояка, уже снявший не только свою броню, но и искусно выделанную кольчугу. — Переворачивай сосисоны, ты ж у нас за повара?

Молодой юнец подбежал к небольшому костерку и ловким движением развернул сосиску сырым боком к яркому жаркому пламени.

— Скоро готовы будут, — оповещал юнец, пуская слюни и смотря на оживлённую группу неподалёку. Там уже вовсю заглывали шашлык за шашлыком, и стойкий приятный аромат буквально пропитывал ещё недавно такой холодный ночной воздух, всегда пробирающий до самых мурашек, а сейчас отступивший, как самый главный трус на этом бескрайнем огромном поле.

Еда, болтовня и танцы — вот и всё, что сегодня заменяло обычным воякам крепкий благодарный сон. Кто-то затягивал песни, надрывая уставшие от разговоров связки, чуть подальше и вовсе шептались, словно обсуждая нечто важное и личное, слева поигрывали в неожиданно появившиеся из-под кольчуги картишки, и тут же все люди, страстно любившие азарт, прибежали именно к тому самому яркому высокому костру.

Всё было хорошо. Им требовалось хоть немного развеяться, отвлечься, не думая о предстоящем сражении. Неизвестность пугала, а отдых, еда и веселье отвлекали народ во все времена, действуя лучше любого наркотика.

— Да ну тебя, бред же несёшь, — хохотал кучерявый парень, от смеха ударяя в плечо рядом сидящего друга. — Перестань так шутить, а то глядишь — даж до утра не доживу.

Неподалёку от царства смеха и глупых анекдотов было не менее огромное царство всяческой еды, собравшее внутри себя не много ни мало добрую сотню башенных магов, в такую страшную минуту мигом забывших о бурлящей в жилах мане.

— Прыгай! Прыгай! Прыгай! — обалдело кричал народец, наблюдая, как трусливый и словно девка дрожащий солдат закрывал глаза и перемахивал через костёр, к их удивлению ничего не подпалив и ловко приземлившись на ноги. Следующий уже был наготове и каждый в толпе знал, что и ему придётся совершить длинный заячий прыжок, иначе какой он член армии Верховного архимага?

Вальтер позволил себе цветастую улыбку под плотной белой маской. Его глаза пожирали всё творящееся вокруг и архимаг вдруг подумал: «Может это всё и называется истинным счастьем? Тогда что же я принесу им, всем этим людям буквально на следующее

утро? Смерть?» — думал Верховный архимаг, ощущая лёгкую дрожь земли, будто бы бьющееся гигантское сердце в недрах. Второе войско приближалось и цоканье копыт громко бухало в ушах вождя.

— Вот так нанизывай, дубина, — солдат пытался обучить своего товарища неким невероятным «кулинарным рецептам». Так, на возможное будущее. Товарищ ловко повторил, сделав как по бумажке, за что заслужил тяжёлую мазолистую ладонь, приземлившуюся ему на голову, удивительно мягко поглаживающую и искренне одобряющую своего ученика.

Рядом сидел одинокий мужчина, аккурат у костра, совсем один, но с тяжёлой книжкой в руках, сейчас заменяющей бойцу стальное оружие. Веселью и шумному обществу он предпочёл возможно последнее в жизни чтение. И солдат поглощал текст и поглощал, лишь иногда бросая беглый взгляд на свою снятую броню, ярко отражающую бурный огонь.

Вкусные запахи витали над ночным полем, а тонкие струйки дыма мерно летали над вкусным пиршественным столом. Они сплетались, извивались, диковинно смешивались, словно птицы, обретшие крылья и начавшие парить над несчастной земной твердью.

Конкурсов стало в несколько раз больше, до корочки поджаренная еда всё уменьшалась, а спящие громко храпели, оставив костёр догорать без их пристального внимания. Сон наступал солдата за солдатом, завершая ужин, прекращая царившее на поле веселье и погружая весь бескрайний уютный простор в крепкие объятия сна.

«Всё просыпается и всё засыпает. Жизнь состоит из бодрствования и сна. Сна и бодрствования. Это непрерывный нерушимый цикл и даже осознание мрачной таинственной неизвестности никогда не мешает смелым воинам закрыть глаза и отдаться в руки сну. Сейчас каждому из них нужно перевести дух и мне в том числе. Всё что произойдёт утром укрыто тёмно-багровой плотной завесой и никому из смертных в Нижнем мире не придёт в голову сказать, что он точно может сказать, с чем же придётся столкнуться всему магическому миру. Утро... Оно вот-вот войдёт в свои законные права, бросая на свежую мокрую зелёную траву первые жаркие лучи, что прозвучат словно горн и сигнал не просто к новому дню, но и к самым заветным, тайным и неизвестным событиям в истории»

А сейчас ночь блуждала по огромному полю, богатому как каменистой местностью, так и местами густо поросшими травами и мелкими приземистыми кустами. Ночь заставляла костры шумно гаснуть один за другим, а глаза плотно закрываться. Ночь не любила свидетелей своей жизни. Ночь любила побыть с миром наедине.

Огромная воинская лужа начинала храпеть, отдаляясь от жестокого реального мира, уносясь от страшных мыслей и раздумий, что терзали и терзали головы многих тысяч собравшихся здесь башенных магов.

Топот копыт. Лёгкая дрожь умытой росой земли. Бешено скачущее сердце сидящего на траве Вальтера и его просьбы к кому-то свыше. Просьбы сохранить как можно больше жизней в предстоящих сражениях. Просьбы о деэскалации напряжённости между действующими архимагами. И последние просьбы — о быстром и скором конце всего и вся, разыгравшегося прямо здесь и сейчас на этом поистине чудовищном гигантском поле.

Другое дружественное войско приближалось. Разговоры раздавались уже неподалёку, такие назойливые и шумные. Вальтер вдруг взволновался, а вдруг бредущая орава старика Адониса перебудит тут всех спящих? Однако как все заснули, так и спали, и только единицы всё ещё наблюдали за чёрными тлеющими дровами.

Вот вдалеке показался конь, на нём сам архимаг, а позади бескрайняя вооружённая

лихая лужа из нескольких тысяч отборных вояк. Таких бодрых и весёлых, словно пришедших на невиданное ранее торжество.

— Вот и подросли союзники. Как раз отдохнуть успеют... Да, а мне отдых и не снился. Ещё столько обговорить нужно, — досадливо бросил Вальтер, элегантно вспорхнув над землёй, поправив роскошные белоснежные одеяния и вытянув спину, всматриваясь в приближающееся войско.

Сон гнал и гнал свои увлекательные красочные сновидения, не давая бойцам и единой возможности увидеть приближающихся и уже завладевающих полем союзников.

Вальтер знал, что Адонис увидел его. И Верховному архимагу даже показалось, что он заметил лёгкий невесомый кивок старика.

Солдаты всё занимали и занимали свободное место, смотря как армия Вальтера вовсю смотрела сны. И ни один маг не проснулся. Словно всё их естество и знать не желало о том, что совсем скоро в свои законные права войдёт утро.

Белые одеяния шевельнулись на внезапно нахлынувшем ветру, а взгляд буравил даль, скользил по Адонису и его роскошной лохматой лошади, неспешно проносился по начавшим отдых тысячам обычных уставших солдат.

А луна зловеще ощущала ночное ожившее поле и своим светом заливала тяжёлые добротные доспехи. Теперь уже и она боялась покинуть свой пост и позволить событиям продолжать течь, будто бурный ручей прямо в высокую дамбу.

Тёмный туннель, казалось, был готов увести в таинственные невиданные дали. Яркий свет маячил где-то там, в том самом далёком, но желанном конце. Шаг за шагом Саркис пытался приблизиться, но вот прошёл час, следом второй. Вскоре прошёл и пятый, а ноги изрядно разнылись от бесполезных действий. Отчаяние сжимало горло и наровило остановить сердце. Никакого пути на самом деле не существовало, Саркис топтался на одном и том же месте, шлёпая тяжёлыми ботинками о мелкие, но оттого не менее противные лужи.

Вдруг, будто нехотя и краем глаза, эдемский маг заметил цепкие тощие пальцы, сжавшие богатырский локоть. Да, он именно увидел, не почувствовал. Тело стало будто бы вялым и ватным.

Проследив за вынырывающей из тьмы рукой, глаза Саркиса широко распахнулись, сверкнув как два безумных фонаря. Взор мага скрестился с хладнокровным насмешливым маньячим взглядом. Взглядом самого любимого человека и единственного друга в мире.

— Демиург, ты? — ноги Саркиса побежали, однако всё было безуспешно. Саркису предстояло топтаться на месте под насмешливый безумный хохот того человека, которого он всю жизнь считал за доброго, мудрого, правильного и простого, хоть и чересчур эмоционального паренька...

...Саркис вздрогнул, распахивая глаза и нелепо играя танец своими дрожащими вспотевшими руками. Однако ни Демиурга, ни тоннеля больше не было. Только погреб, Аделия и остальные спасшиеся деревенские бедолаги. Только храп, скрип досок над головой и завывание ветра где-то снаружи.

Саркис протёр лицо, заставив гибельную сонливость отступить от богатыря. Не хватало ещё продлить этот невежественный сон.

Остальные до сих пор мягко и ненавязчиво храпели. Пусть они отдыхают. Они многое пережили и заслуживают спокойствия.

Саркис осторожно привстал как мог, боясь удариться о низко повисшей деревянный потолок, то и дело гнусно скрипевший. Богатырь устал от этой темени и сырости, он хотел посмотреть на сокровенную долгожданную ночь собственными звериными глазами. Мелкими шажками маг стал продвигаться вперёд, негромко пошаркивая чёрными ботинками и совершенно внезапно чувствуя забурлившую ману где-то в недрах его мощного тела. Мощная сила, только восполненная, свежая и бодрящая. Такая сила, что никак не сулила будущим врагам ничего, кроме смерти.

Шарк. Шарк. Аделия вдруг почесала носик и продолжила спать, носом уткнувшись в свой тёплый локоть.

Шарк. Шарк. Старик что-то пробормотал, шелохнулся, негодуя беспокойному и страшному сну. И что сейчас могло снится людям, буквально успевшим спасти голову из-под несущегося на них стального сверкающего оружия? Что могло снится тем людям, что смогли избежать тёплых объятий смерти?

Ноздри уловили стойкий аромат маны, этакую извилистую ловкую магическую дорожку, что прошла сквозь небольшие щели в стенах этого погреба и буквально пропитала своим необычным ароматом это скрытое от посторонних глаз помещение.

«Аура достаточно сильна, а след пахуч... Сильный маг, даже очень» — подумал Саркис, наконец сделав последний шаг к выходу из этого сырого надоевшего места. Крепкие мозолистые отбитые руки ухватились за край и маг подтянулся, аккуратно, словно мышь, стараясь быть бесшумным. Ноги встали на крепкие скрипящие половицы, а грудь наконец вдохнула свежий ночной воздух.

— Надеюсь жители останутся в погребе. Не хватало, чтоб я и их не смог спасти, — подумал Саркис, дошагав до двери и выплывая на каменистую деревенскую тропку.

Деревья мягко шелестели, ветер гладил зелёные мелкие листочки, а зловещий краешек луны ярко освещал многочисленные покинутые домишки. Запах маны петлял куда-то вглубь деревеньки, куда-то к её главной артерии, основному центру округлой знакомой формы и толстому, пережившему немалое число поколений, раскидистому дереву.

Нос заходил ходуном, вбирая в себя аромат чужеродной маны совершенно неизвестной магии. Магии сильной, но такой необычной...

— С Нижнего ли ты мира, маг? — риторически спросил эдемский богатырь, кинув ещё один суровый взгляд на дом, приютивший последних живых людей. Тот спокойно себе стоял и Саркису отчего-то стало казаться, будто все его досочки, все его рамочки и столики со стульчиками тоже немного захрапели, высоко вздымая невидимыми грудными клетками и поя свою ночную свистящую песенку. — С домом ничего не приключится, я уверен в этом, — в последний раз маг вздохнул и отвернулся от приютившего его уютного домика, домика-спасителя, что смог спасти хоть небольшое, но оттого не менее значительное число жизней.

Шаги казались тихими и неслышимыми на фоне пронзительного концерта диковинных сверчков. Где-то на тонких ветках пели ночные пташки, где-то трещали кусты, когда их касались осторожные подушечки на лапах бездомных котов. Ночь жила своей жизнью и для всех людей, что нашли сегодня приют под яркой россыпью звёзд, она казалось удивительной и будто бы решающей. Словно уже к утру их судьба будет predetermined, а жизнь наконец оскалит свои белые зубы.

Запах шёл аккуратно по направлению дороги, отчего заблудиться здесь не предоставлялось возможным. Небольшой поворот и магическая дорога, повернув, шла себе

дальше и дальше, словно нарочно оставленная для него, для эдемского мага. Ноздри шаловливо шевелились, покуда не учуяли внезапный поворот в мелкий уютный ночной дворик.

Дверь калитки бесшумно отъехала в сторону, словно приглашая Саркиса побродить по огороду и небольшому цветнику, густо усеянному яркими цветами, в ночную пору закрывшимися и ждущими утра, как и все люди, что не смогли уснуть под этими далёкими звёздами.

Двор пред домом, куда и вёл таинственный запах, был уже на расстоянии вытянутой руки, когда волчий эдемский нос учуял долгожданный конец магической воздушной тропы.

«Эта бочка у входной резной двери — неужто в ней мог поместиться человек?» — начал размышление Саркис, приказав носу больше не танцевать, а глазам оторваться от здешней красоты природы, сейчас живописно залитой луной. «Или я что-то не так понимаю? Быть может маг как раз выходил из дома и шёл к погребу? Но почему тогда все оставшиеся в живых так боялись? Нет... мага среди них точно не было. И на запах убийцы не похоже — все бы прихожие и трупы провоняли этой смердячей магией... Значит, это всё-таки...»

Чёрный огромный богатырь прервал размышление, искоса наблюдая за чёрной бочкой. Ни шороха, ни стука, ни движения. Только природа за спиной по-прежнему живёт своей жизнью.

Рука резко потянулась к полукруглой деревянной ручке и потянула, распахивая чёрный зев, весь пахнувший магией, страшный зев, будто готовый проглотить обидчика.

«Ничего, но остатков маны тут с преизлихом...» — бочка тут же ярко загорелась, вспыхнув, словно фитиль. Несколько черепов взмыли в воздух, скаля огненно-чёрные мерзкие зубы и пяля на мага свои пустые глазницы. Оставляя дымные дорожки, черепа завертели в танце, а Саркис широко улыбнулся, ощутив от них ту самую магическую ауру по которой он и шёл до этого места.

Приманка была проглочена намного скорее, чем он рассчитывал. Странник в плотном чёрном плаще громко сопел, иногда стараясь сказать хоть что-то человеческое. С пальца на палец перебегала типичная для него извилистая ломанная молния, а кольчуга под тканью неприятно шумела, словно лес под порывами ветра.

Да, то была аура Саркиса. Странник это тотчас понял. Акула проявила свои зубы и доказала, что не умна, но голодна до сражений.

Он находится в деревне, сопящее чудовище ощутило это почти сразу. Ближе к середине, да...

— Кхррр... Кмпррр... — негодовал странник, продолжая рычать из-под грубого капюшона. Он уже успел уйти от деревни, да ещё и на довольно приличное расстояние.

Молния покраснела, ярко блеснув в накатившей ночи, а тонкая струйка дыма невесомо воспарила к ночным звёздам.

— Э...Эрдин... — промычала тварь, запрокидывая голову назад и как следует рыча низким утробным рыком.

Странник знал, что придётся идти обратно. И он знал, что просто обязан успеть, иначе отыскать эдемского мага больше не выйдет никогда.

Человек (хоть человек ли он??) повернулся лицом к намеченной дороге и медленно отправился обратно, в ту самую покинутую всеми и богом забытую деревню. Казалось, существу не нужен ни отдых, ни крепкий сон, ни еда. Странник был создан, чтобы идти и

сейчас он занимался своим обычным делом, продолжая перебрасывать с пальца на палец красную недовольную молнию.

Саркис тут же почувствовал неистовое щекочущее жжение в ладонях. Мана прилиwała к пальцам и первые огненные язычки невольно вырвались из-под ногтей.

Черепа вылетели все, по очереди, разорвав и без того разворошенную сожжённую бочку. Дерево с треском разлетелось в разные стороны, а огонь от порождения заклинаний тьмы ярко осветил тихую привольную ночь.

Описывая огромные неуловимые круги черепа свистели, щёлкали челюстями, в паре мест мощно впившимися в куртку и вырвавшими огромные куски ткани — они казались чрезвычайно быстрыми, однако существенного вреда нанести никак не могли.

«Это заклинание было оставлено специально, не просто так. И этот вкусный магический след — готовили приманку на крупного зверя. Осталось надеяться, что этим зверем изначально не должен был стать именно я...»

По несчастью и вопреки надеждам эдемского мага, ловушка была приготовлена как раз для него.

Круг неумолимо следовал за кругом, изредка сменяясь и на беспорядочные полёты. Черепа не боялись никого и ничего и беспрепятственно кружили в ночном воздухе, рисуя удивительные завихрения и горящие бодрым огнём лихие петли.

Саркис прикрыл лицо руками и тут же почувствовал зубы аккуратно на своей коже, острые и мощно впивающиеся, обжигающие и такие быстрые, словно мелкие рыбки в аквариуме.

Пара кругов и краем глаза, смотревшим из-за пальцев, Саркис заметил, что черепа в основе своей используют одинаковые траектории, изредка выбирая хаотичные маршруты.

Пришлось пройти через шипение, свист и укусы, пришлось позволить противнику коснуться его тела зубами прежде чем всё завершилось.

Левая рука дрогнула в нужный момент, прописала вверх кругую дугу, щедро расплёскивавшую горячее пламенное одеяло. Оно тут же разрушило дружный клацающий строй черепов, накрыв собой больше половины бездумных костяшек. Пламенное бурное одеяло зашипело, плавно спускаясь к земле.

Правая рука тоже поднялась, накрывая оставшиеся черепа и только два из них смогли изящно пролететь мимо, вонзаясь зубами в куртку Саркиса. Огонь образовал жидкую-жидкую лужу, а черепа под ним затрещали, растворяясь и разрушаясь, словно их и не было.

До бела раскалившиеся руки ухватились за жалкие бездумные остатки, крепко держащие чёрную куртку. Руки зашипели, словно змеи, мощно сжимая черепа и раздавливая их на мелкие частички. Огонь в пустых глазницах окончательно погас, а осколки рухнули вниз, смешиваясь со стёкшим к земле чёрно-белым плотным огнём.

Наступила тишина, нарушаемая только шумом яркого жидкого одеяла. Эдемский маг поправил дымящуюся куртку, осмотрел небольшие дырки по всей ткани, развернулся на пятках и поплёлся обратно, даже не рассматривая дома, раскинувшиеся по бокам.

Да, чудесная умиротворяющая ночь всё ещё текла по уютным деревенским улочкам, однако больше Саркис не мог быть здесь спокойным. Даже если это была ловушка не для богатыря из Эдема, следовало срочно убираться отсюда, ибо проблем с магом такой магической силы следовало избегать. А вот если наживка была именно на него, на этого чёрного богатыря с роскошной гривой...

— Происходит что-то интересное. Я запомнил этот неизвестный запах... Демиург,

вдруг то был твой аромат?...

Адонис улыбался, медленно и неспешно подходя к Верховному архимагу. Крепко сидящая белая маска мерно вздымалась и опадала, в такт тяжёлому затруднённому дыханию.

Старик дошёл до Вальтера и лёгким непринуждённым жестом подал старческую обветренную руку. Верховный архимаг крепко пожал её, тут же убирая руки за спину да вытягивая спину стрункой ввысь. Старик по-прежнему улыбался выдавшей всю жизнь сочувственной понимающей улыбкой. Адонис всё понимал. Наступил тот момент, когда отступать уже нельзя. Наступил тот момент, когда не знаешь что же всё-таки принесёт яркое солнце светлого утра. Наступил тот момент, когда мир оказался под угрозой Великой магической войны.

Архимаги молчали, не отрывая взора наблюдая друг за другом. И никто не хотел нарушать эту воцарившуюся над полем тишину.

Вторая армия, только прибывшая и изрядно подуставшая за длительный путь, начала сливаться с армией Вальтера. Уже было неважно где, чей и какой воин. Сейчас нужно было сплотиться, стать единым тяжёлым кулаком, а в будущем разить как самое страшное острое оружие.

От края и до края раскинулся живой шелестящий ковёр. Солдаты расстилали походные ковры и тут же падали на них, как камни с небольшой скалы. Многих уже начинал одолевать тягостный так и просящийся на волю сон, а были и те, кто ещё о чём-то думал, смотря куда-то вдаль, либо же наблюдая за копошащимися товарищами.

Огромное, отныне единое мощное войско, легло на холодную мокроватую землю, погружаясь в пучины сладкого слабительного сна, возможно последнего в жизни многих из них. И ведь никто не знал, чья смерть в этом бою давно судьбою начерчена...

— Приветствую и тебя и твоё славное воинство! — гордо произнёс Вальтер. Голос не дрожал, а фигура всё так же отдавала стойкостью и решимостью, ведь таким и должен быть лидер всех магов Нижнего мира.

— Давно не виделись, Вальтер! — поприветствовал архимага и Адонис, низко кланясь и смотря на царственно шевелящиеся белоснежные одеяния.

— Крест взял? — хохотнул вождь под белой крупной маской.

— Да, и крест взял, и «Эдемские сказы». Без молитв не должно обходиться и малейшее боевое столкновение, не находишь?

Архимаги стояли под невесомым ветерком. Каждый смотрел на другого и не желал говорить, позволяя своим устам находиться в гордом молчании. Скоро подоспеет и Дамир, и что тогда начнётся? Что случится? Этого, наверное, не знал и сам Бог.

— Здесь, на этом красивом большом поле, уже собралось пол Совета архимагов. Осталось дождаться Дамира и Либерта с их крупными армиями, и только после этого...

— После этого что? — спросил старик и в воздухе снова воцарилась непроницаемая тишина.

«И вправду. Адонис наверняка не уверен в подозрениях насчёт остальных двух архимагов. Он и не знает, что есть вероятность крупного магического боестолкновения мирового масштаба, что вполне сможет качнуть весы, качнуть равновесие, качнуть мир... Утро, когда же ты придёшь? Солнце, когда ты засветишь своими приветливыми лучами? Вот бы побыстрее, чтобы просто всё закончилось...»

Старик осматривал своё войско и с опаской наблюдал за дальними границами кажущегося бескрайним красивого зелёного поля. Он то и дело поправлял своё нелепое, безвкусное и смешное одеяние, что он умудрился надеть на ратный и не частый магический бой.

Дамир. Он наверняка уже близко. Предатель или нет? Враг, а может всё же друг? Вальтер не знал что и думать, и оттого просто присел на мокренькую траву, уйдя куда-то в мир своих мыслей и мечт. И ни одна фибра души не знала, правильно ли она поступила, позволив начаться огромному небывалому воинскому походу...

Дамир скакал вперёд, ощущая как позади его прямой спины двигается длинная гусеница его личного войска, его личной дружины. Каждый из них был готов к войне, каждый был готов сражаться до последнего своего вдоха не только за своё будущее, но и за жизнь своего архимага. Дамир выковал солдат беспрецедентно разящими и острыми, он основательно готовил своё воинство.

Совсем недавно войско устраивало вынужденный привал. Именно во время отдыха было поручено сообщить всем солдатам о нагрянувшем волевом решении их архимага. Адониса и Вальтера оно должно было крайне сильно удивить. А потом удивление бы прошло, ведь скоро всех врагов Плана может не остаться на белом свете.

Луна зловеще разрезала ночной мрак. Цепочка солдат двигалась по направлению к полю, следуя за своим молодым амбициозным волевым правителем магической башни.

Дамир поправил свою широкополую шляпу, нелепо свесившуюся в сторону. Ветер трепал длинное белое перо и то свистело, словно соловей в студёной ночи. Так похожий на некое придорожного ковбоя, но на самом деле являющийся одним из самых значимых людей на земле.

Лошадь иной раз начинала громко ржать и в такие моменты Дамир мощно ударял её своим тяжёлым до блеска чищенным сапогом. Хоть лесными дорогами войско уже двигалось множество долгих часов, одежда архимага по-прежнему оставалась чистой, яркой и сухой. А воины гордо смотрели вперёд, в тёмную даль, ничего не страшась, а только посмеиваясь над предстоящими боями. Многие шутили, многие восхваляли своего небезызвестного лидера, многие победоносно кричали, словно только что вышедшие из жаркой ожесточённой схватки истинными победителями. Войско нисколечко не боялось и не собиралась и думать о чём-то страшном и плохом. Впереди была только победа, впереди было только счастливое будущее. И каждый шёл с гордо поднятой головой, ибо никто в мире не мог быть сильнее этих доблестных магов и той бурлящей, как кипящая вода, мане, что жирными струями текла в их жилах!

— Слава нашему Дамиру! Его план будет блестящим и мы переиграем остальных архимагов, эту лживую подлую элиту. Да, парни? — воскликнул лихой воин, бряцая своей кольчугой. В ответ ему раздался целый рой голосов, и все одни твердили одну и ту же неизменную фразу: «Слава нашему архимагу! Долгих лет жизни! Мы принесём тебе победу!»

— Мы всех одолеем, победим, докажем, что мы не просто башенные маги, но ещё и достойные сыны великого нашего гордого главы! — люди такие воодушевлённые, своими вскриками разрывающие спокойную простую ночь. Забывая о боях, не думая о смертях, каждый был готов сложить голову ради Дамира.

А предатель широко улыбался, продолжая гнать вперёд свою ретивую лошадь. Руки крепко-крепко держались за поводья, такие аккуратные и аристократичные, а соколиные

внимательные строгие глаза в этакое темноте словно бы идеально видели каждый мелкий камушек, каждый изгиб дороги, каждый кустик, удобно устроившийся вдоль просёлочной тропки. Его план должен был получиться. Он был не сложным, но и не настолько лёгким. Основанный больше на манипуляции и лжи, на чувствах и реакциях людей.

Дамир улыбался, особенно когда представлял себе эдаким подлым злым гением. Отчего-то его так будоражило само осознание — быть в шкуре непонятого злодея, совершать коварные бесчестные удары и стремиться до конца уничтожать всех своих врагов. Да, архимаг-предатель мечтал о такой роли, в которой бы его не понимали, в которой его бы ненавидели и боялись, как страшное стихийное бедствие. Но почему его это настолько трогало? Откуда столько эмоций? Может он просто хотел внимания и признания?...

Длинная цепочка всё шла и шла, и каждый был облачён в толстую кольчугу, поверх надетый доспех, да ещё и шлем со вскинутым кверху забралом.

Луна по-прежнему ярко светила, стараясь хоть как-то отогнать ночной мрак, хоть как-то заставить его суетливо спрятаться под какой-нибудь ближайший куст. А звёзды... Они сверкали, своим серебряным нежным светом напоминая бриллианты. Все смотрели на эту красоту, все слышали лошадиное ржание и методичное отстукивание копыт, и над дорогой, окружённой небольшими кривоватыми причудливыми деревьями, слышалось торжественное:

— Вперёд! К предстоящей победе!

Никто более не мог потревожить уснувших магов. Дрова ещё слабенько тлели на налетевшем ветру. Столы пустовали, тарелки битые лежали на земле, ярко сверкая в лунном свете. Около пятнадцати тысяч магов в эту самую минуту погрузились в долгожданный вялотекущий сон. А ведь даже край гигантского поля было не видеть, несмотря на всё магическое войско. Да, воистину, природа — самый лучший архитектор и самый признанный художник.

Время шло, а пламя последнего костра всё не затухало. Иногда в жаркие объятья огня кидали брёвна и тогда языки становились ещё выше, ещё страшнее, ещё грациознее.

Архимаги молча смотрели друг на друга и никто не хотел говорить ни единого слова. Как только они оказались на поле — всё стало predetermined. Дорога назад оказалась отрезана от них. Пути назад больше не было. Если где да чему и суждено случится, так это прямо на этом прекрасном клочке земли — Бог их поддержит, не мог не поддержать.

Да, кто-то ворочался, кто-то чесался, изгибаясь в немислимых позах. Спокойным эти кровати было назвать просто преступно. Однако то были природные постельные места, самые настоящие и самые первые появившиеся на свет.

— Дааа, — уныло протянул Адонис, кидая очередное бревно в ревушего рыжего зверя. — Я всегда мечтал отстаивать интересы Церкви Господа именно так, на поле боя, с мечом наперевес. Но... — старик сглотнул, после сего действия ещё и нервно посмеявшись собственной нелепо проявленной слабости. — Я даже не думал что станет так страшно. Поход... Я надеюсь он будет не последним в нашей жизни.

Белоснежная маска Вальтера вздымалась и опадала, вздымалась и опадала, как самый настоящий парус на боевом фрегате. Верховный архимаг прижал колени к себе, пространно смотря на всё, что окружало его вокруг.

— Эй, истинно верующий, ты же должен знать, что с нами Бог, — приглушённо-тактично вымолвил Вальтер. — Он никогда не допустит нашей гибели, ведь мы преданные

рабы его, забыл? Не смей бояться и выше нос — именно сейчас мы должны быть решительны и смелы как никогда. Не время предаваться грустным и антиутопичным мыслям. Мы выстоим!

Да, именно поэтому Вальтер и стал Верховным архимагом. Каждое слово звучало как нерушимый приколоченный закон, а обертоны и та самая приглушённость голоса из-под маски завораживали и воздействовали не хуже наркотика.

— Да, ты прав. Мы выстоим, враги Бога будут повержены, а все-все тайны будут разгаданы! — и ведь Адонис без тени сомнения улыбнулся, словно полностью отдавшись верным мыслям о ближайшем будущем его родного мира. С бородой игрался ветер, старые тряпки гудели, как флаг под сильным порывом, а глаза старика заблестели от счастья. Эта ночь была необыкновенной и отчасти сказочной. Такой уютной и привычной, будто и не в голом поле вот-вот разразится война.

Эта маска... Иной раз Адонис очень хотел её снять. Что же такого прячет архимаг? Шрамы? Пятна? Цвет кожи? Ожоги? А может и нет причин что-то скрывать? Каждый житель Нижнего мира отдал бы жизнь за этот сокровенный секрет. Ничего более тайного и будоражащего воображения этот бранный мир пока не знал.

— Может хоть сейчас вы снимете её? — всё-таки спросил Адонис, тут же доставая из-за пазухи тяжёлый медный крест, на котором было изображено распятие Иисуса, распятие сына Божьего. Старик жадно впился в него своими скукоженными губами, сейчас вытянутыми в длинную трубочку.

— Её? — Вальтер смотрел куда-то вдаль, а говорил безразличным сухим голосом.

— Да, её. Вашу маску.

Верховный архимаг скорее всего улыбнулся, ибо глаза его заиграли весёлыми смешинками.

— Если мы выйдем из битвы целыми, то я обязательно оголю своё лицо. Так что делай всё возможное для того, чтобы война была поскорее закончена, — в победе он будто бы и не сомневался.

Старик устало кивнул, слабо выдавливая улыбку да убирая тяжёлый крест куда подальше. Он вдруг подумал о том, что было бы приятно поспать да окунуться в тёплую просторную ванну.

Но времени оставалось всё меньше и меньше. Хоть архимаги уже успели решить дальнейшие скоординированные действия на множество возможных ситуаций, хоть уже и было ясно чего конкретно ожидать утром и какие действия предпринимать, Адонис так и не смог отойти от жаркого пламени, так и не смог уснуть. Они молча взирали на пышущий огонь и их глаза были широко распахнуты. Сон в них так и не протянул свои гибкие длинные чёрные щупальца...

Они ждали рассвета — и не боялись. Смотрели на костёр — и видели в нём будущее. И оптимистичное, и пессимистичное, важно было предвидеть и подготовиться ко всем возможным исходам.

— Чувствуешь? — неожиданно спросил Вальтер. Что было за его маской? Улыбка ли? Гримаса скорби? Этого не знал даже Бог. — Земля начинает подрагивать. Кто-то прибывает на это гигантское поле и этот кто-то прибыл много раньше, чем мы рассчитывали. А наши солдаты отдыхают, видят сны... Было бы не очень хорошо, если бы мы помешали их отдыху.

Адонис кивнул, потрогал бороду, пощупал выскочившую на щеке бородавку:

— Думаю, стоит начать двигаться по одному из намеченных планов.

Два мага быстрее молнии взлетели над травой и, прищурившись, двинулись по полю, оставляя за спиной и костёр, и собственных уставших бойцов, и ночное спокойствие.

Весь мир словно притаил дыхание. Архимаги начинали свою магическую игру!

Поле показалось на горизонте и Дамир покрепче сжал поводья. Лошадь заржала, вертя своей смешной головой и виляя пушистым хвостом.

Солдаты радостно закричали, поднимая руки ввысь и продолжая восхвалять своего архимага. Эхо раскатывалось далеко окрест, а сам Дамир улыбался, поправляя в который уже раз сползшую набок широкополую шляпу.

Как же ему было спокойно и хорошо на душе. За ним сейчас гордо шли те люди, что были готовы отдать свои жизни за своего предводителя. Войско было предано, воодушевленно и вооружено так, как подобало для защиты Дамира. Оружие, броня, кольчуги, шлема, разные искусные заклинания и боевой дух — за плечами предавшего Церковь Господа была бесспорно самая мощная и бодрая магическая сила на свете.

«Вальтер ещё пожалеет, что посмел показать тупую голову из своей норы. Кто же его тянул начинать эти дурацкие разоблачения? Возомнил себя детективом? Он умён, но против меня никогда не сдюжит. У меня заготовлено огромное множество сюрпризов. А этого старика и Верховного архимага я и так знаю как собственных друзей и могу предугадать их незамысловатые бесхитростные ходы. Да, Вальтер, на сей раз ты совершил ошибку. Не стоило идти в поход, скоро ты это и сам поймёшь. А пока подожди и возрадуйся тому, что всё идёт якобы в строгом соответствии с твоими планами»

Дамир откровенно глумился над своими врагами. Он буквально чувствовал их в своём крепко сжатом кулаке, ощущал их как бесполезные и бессильные фигурки, которые только с виду кажутся такими непобедимыми, умными и хитрыми.

— Ну что ж, мои дорогие архимаги. Я принимаю условия игры и иду ва-банк. Войны быть. Вы её получите. Однако мой злой гений не спит, потому играть мы будет по моим собственным правилам, хоть вы того знать и не будете, — модный молодой архимаг почесал свою небольшую бородку и продолжал смотреть вперёд. Настал тот день, который всё откладывался и откладывался на протяжении последних трёх лет. Настал тот день, когда Дамир мог бы показать всем и доказать свою важность и значимость. Настал день последнего в мире магического боя, на кону которого стоял План великого Демиурга. — Сыны мои! Пусть будут ваши мечи остры, а жилы наполнены свежей маной! Враг будет уничтожен! А все мы поменяем ход этой истории! Знайте — именно наша башня и только наша — истинный оплот Церкви Господа! С нами Бог! Знайте это!

Каждый маг подхватывал ликующие великие слова и каждый маг чувствовал силу — силу, волю и решимость Дамира. Магическая война готова была разразиться в любую секунду.

Выкрики и звучные голоса плавно расходились над ночным полем, далёкими верхушками деревьев, теряющихся где-то в темени и спрятавшихся от нахлынувших воинов.

Вальтер и Адонис шли в такт, мерно, размеренно, вровень. Вот показалась та самая диковинная фигура на бодрой лошади, с этой огромной шляпой с пером, с этими смешными безвкусными одеждами, тут же превращающими архимага в некое подобие ковбоя с дальних пустынь.

За его молодецкой спиной и выпрямленными плечами шла вереница за вереницей,

лязгающая доспехами, изобилующая обычными разговорами и неспешными звуками ударов ног о землю.

— Вот и Дамир, — тихо сказал Вальтер, поправляя играющие на ветру концы официальной белоснежной церковной мантии.

Адонис же с прищуром следил за надвигающейся толпой, огромной и необъятной, как знаменитый Тихий океан:

— Да, прибыл наш любимый третий архимаг, прибыл. Самое время понаблюдать за его действиями.

— Предатель? Или же я с самого начала просто ошибался? — рассудительно и вкрадчиво рассуждал Верховный архимаг, сверля своими глазками подходящее войско и поправляющий несколько неудобно сидевшую белую маску, чрез которую было трудновато дышать.

Ответственный и решающий момент. Старик и самый сильный маг пытались понять, враг ли Дамир на самом деле? Тот Дамир, что сейчас неспешно и вальяжно скакал по живому ночному полю. Тот Дамир, что никуда не торопился и пока не проявил и малейшего признака мятежа или предательства.

«Может я и вправду зря так думал о нём? Этот парень просто с тяжёлым невыносимым характером, часто спорящий и не соглашающийся с условиями говорившего, себе на уме, расслабленный, но на самом деле по своему старающийся для Церкви... Может он и вовсе нам не враг?» — с сомнением размышлял архимаг.

Вальтер метался, как сейчас металась и его несчастные глаза. Выбор был так тягостен, а факты неожиданным образом заиграли совершенно другими красками. Было видно, что никакой Дамир не враг...

Заметался и Адонис. Старик всё пытался и пытался найти хоть что-то подозрительное и хоть сколько-нибудь предательское в движениях армии и цоканье копыт лошади Дамира, однако сам архимаг сейчас действительно внушал уважение. Молодой, сильный, без тени сомнения на лице.

Вот он поднял свою белоснежную руку и армия за его спиной немедленно остановилась, словно по громкому щелчку пальцев. Вот Дамир опустил руку, одной ногой перемахнул через лошадь, тут же приземлившись своими ногами, облачёнными в ковбойские сапоги, на сырую холодную землю.

Вальтер, однако, продолжал сверлить теперь уже с ухмылкой подходящего к ним архимага Дамира.

Адонис тоже прищурился, но в его душе наконец отпали сомнения. Третий башенный архимаг, похоже, всё же был другом и верой-правдой служил Богу. Как и все остальные архимаги, делавшие всё во благо магического общества, так и Дамир приносил свой неоценимый вклад. Истина была очевиднее подозрений Вальтера.

Вальтер с сомнением наклонил голову, словно мечтая найти в идущей к ним фигуре какой-то подвох, хоть одну деталь, что позволяла бы назвать Дамира предателем, однако...

— Приветствуем вас, господин Дамир. Изволите присоединиться? — первым подал голос старичок, приветливо и доверчиво улыбнувшись.

А приближающийся к ним Дамир, совершенно безоружный и безобидный, хитро гнилостно ухмыльнулся, что не заметил ни один из архимагов.

Ветер гнал свои порывы через залитое лунным светом поле и великие маги стояли друг перед другом, не с намерением сражаться, а словно самые главные и верные друг другу

партнёры.

Адонис и Вальтер стрункой вытянулись ввысь, стоя по одну сторону, и Дамир, со свистящим на шляпе белооперённым пером, по другую. Совершенно один и, казалось бы, готовый к сотрудничеству.

«Не может того быть. Он не может быть таким спокойным и расположенным к беседе. Предатели так не поступают. Он не может не выступить против нас, не может, иначе...»

— Моё войско и я готовы на всё, ради Бога! Давно нужно было разобраться с Чёрным городом, сейчас я это понимаю! — услужливым голосом отрапортовал Дамир, делая короткий реверанс и заставляя Вальтера не столь широко раскрыть и без того удивлённые глаза, сколь окончательно оторопеть, не двигаясь и не моргая. Тем временем ковбой Дамир продолжал. — С радостью поможем в вашем благородном и доблестном деле. Церковь Сатаны не должна существовать, с вашим мнением полностью солидарен!

Всё пошло не по плану и даже Адонис сумел почувствовать подвох — Дамир оказался либо чересчур умным, хитрым, либо же Вальтер в корне был не прав в своих рассуждениях. И ещё было неясно что из двух зол считать лучшим...

Войско двигалось лениво и медленно, словно гусеница по травинке. Либерт больше не глядел себе за спину, хоть прекрасно слышал шепотки и редкий, но едкий смех собственных защитников, лениво бредущих вперёд. Они шли будто бы не на войну, а на диковинный маскарад, где от них требовалось лишь плясать да кушать сутки на пролёт. Вальяжные, свободные, весёлые, искренне презирующие своего никчёмного бесполезного архимага. А сам Либерт, вечно потеющий и трясущийся, как сук на ветру, действительно казался слабым, вялым и беспомощным. Никакой поддержки и уважения от настоящих подготовленных солдат он и не ожидал... И на кого ему приходилось надеяться? Кто его спасёт в случае военного столкновения? Кто будет готов придти ему на помощь? Либерт нервно сглотнул, правый его глаз судорожно дёрнулся, сам архимаг сейчас был готов умереть. Теперь он уже совершенно точно распрощался со своей недолгой жизнью.

Войско ползло, хоть многие наверняка хотели повернуть назад. Однако некая невидимая сила, чья-то прозрачная незримая рука не давала таким мыслям засиживаться в головах весёлых беспечных вояк и те всё шли и шли, радуясь наступлению удивительной темноты.

Поле уже было близко и Либерт сильно-сильно зажмурил глаза, не в силах распахнуть их и просто посмотреть на удаляющуюся из-под резвых громких копыт каменистую тропку. С каждой секундой архимаг всё больше и больше чувствовал тонкие костлявые руки, что начинали тянуть его то за одежду, то за руки, то за ноги, то за шею, так и норовя совсем уж испугать и без того обделённого храбростью мага.

«Всё, прекрати. Ты же ведь один из сильнейших, уважаемых и почётных магов. Ты не должен так трястись, как белый пушистый заяц подле куста. Ты обязан быть готовым к бою, быть готовым дать отпор и не позволить себя позорно низвергнуть. К чёрту План, к чёрту и Дамира, и Демиурга — я не собираюсь сражаться за честь и за жизнь этих ублюдков. Я, как и все за моей скрюченной от страха спиной, мечтают оборонять, сражаться и защищать лишь самого себя и свою бесценную жизнь. А на всё остальное я глубоко плевал...»

Либерт и правда пытался успокоиться, однако к и без того видным проявлением страха и слабости прибавились неистово затрясшиеся колени... Архимагу пришлось постыдно взглотнуть, а глазам позволить крепко-крепко зажмуриться, позволяя ушам и дальше слушать насмешки от собственного крупного воинства.

— Диковинный трус... Хаха, какая ему война. Пошёл бы лучше и присел на родные коленки собственной магушки, как младенец, ей Богу, — освистывали своего главаря воины всех возрастов, тем не менее стараясь делать это потише и в более шутливой манере. Жалко что Либерту уже было не до шуток...

Луна разгоняла крошечную тьму и своим изумительным светом плодила страшные скрюченные тени. Войско двигалось, находясь уже на подступах к условленному месту сбора всех башенных магических армий. Ещё немного, ещё чуть-чуть...

И придётся принять бой — грудь о грудь, кулак на кулак. И будь что будет. Смерть... Либерт наверняка уже заслужил её. Это будет не только избавлением, но и расплатой за всё-всё, а расплачиваться магу было за что, он это прекрасно понимал.

Лошадь мерно отбивала унылый надоевший ритм. Деревья, залитые лунным божественным светом, проносились то по левую, то по правую руку. Небо внезапно

просветлело.

«Утро вступает в свои законные права... Может, это последнее утро в моей жизни» — всё ещё трясаясь подумал архимаг. Ему уже было терять нечего, всё вставало на свои места. За преступления, за предательство он сполна получит, как и Дамир. И Либерту оставалось только готовить себя к тяжёлому бою да всё же пытаться говорить что-то ободряющее своим воинам, что постоянно смеялись с абсолютно любой брошенной реплики своего лидера. «Вот твари. Я всё равно заставлю вас меня защищать...» — постыдные и мысли отчаявшегося мага тут же посетили его голову. Трус всегда говорит только о безвозмездной срочной помощи и бойцы за его спиной это очень хорошо знали.

Горизонт начинал заливаться мягким солнечным светом. Утро стремительно окрашивало прекрасную природу, облагораживало её, но с каждым таким проявляющимся лучом Либерта начинало потряхивать всё больше и всё сильнее.

«Мы уже рядом. Бойня вот-вот начнётся» — воинство магов тоже знало, что битва начнётся с часу на час. И кто выживет в ней было неизвестно даже Богу...

— Любезные господа маги, на отдых времени нет! Нас ждут великие дела! Нас ждёт Церковь Сатаны! — торжественно восклицал Дамир, всё больше и больше удивляя Верховного архимага. Азартные пылающие рвением глаза того человека, кого он ещё совсем недавно уверенно и смело называл предателем и уничтожителем всего магического общества, вечно маячили перед взором Вальтера. И лидер магического ордена не понимал, как на это следует реагировать...

Адонис, как ни в чём не бывало, весело общался с Дамиром, полностью разуверившись в теории Вальтера.

— Уважаемые! Сейчас мы ознакомимся с планами и вашими исписанными картами, покуда ждём четвёртого архимага. Либерт наверняка на подходе, так что не волнуемся и готовимся к штурму Чёрного города, господа! — Дамир говорил столь уверенно и столь правильно, что даже Вальтер косил взглядом и проникался речами прибывшего архимага.

Воинство, пришедшее вместе с ним, уже мирно храпело подле остальных солдат, и такие разные и не родные друг другу маги всё же стали одним нерушимым целым. Войском из трёх армий. Войском из лучших и из самых превосходных магов в Нижнем мире.

Дамир радостно улыбался и порхал над шершавыми, трескающимися под пальцами картами, накладывая на них всё новые и новые стратегии, и ведь выглядело не плохо и даже, отчасти, гениально, словно он и вправду стал стараться, будто бы безусловно соглашался, что поход был необходимым и верным решением.

«Какой-то бред. Наваждение. Этого просто не могло произойти... Неужто я мог так сильно ошибиться?» — размышлял Вальтер и сомнения уже вгрызлись в его сердце. Словно Дамир стал тем самым извивающимся чёрным шипящим змеем, а Вальтер примерил маску Сына Бога, эдемского жителя, которого пытались провести, как ребёнка. Но Вальтер не мог повестись, он не был наивным, не был доверчивым.

— Когда сюда подоспеет и Либерт, наша армия станет ещё сильнее, ещё множественнее, и никакой враг не посмеет встать перед нами и диктовать свои условия! — продолжал Дамир, чувствуя как вокруг него уже всюду забегал Адонис, сыпя комплиментами, вечно кланяясь и прислуживая, как собачка, попавшаяся на толстую-толстую прочную цепь. Дамир с лёгкостью крутил стариком, постоянно улыбаясь да говоря вежливые, аккуратные и правильные слова, а про себя посмеиваясь над безмятежным

придурковатым Адонисом, раз в шестьдесят минут целующим свой бесполезный и нелепый на поле боя крест. И даже Вальтер оказался уязвим, хоть и не так сильно, как сошедший с ума Адонис. Воистину, верующий очень слаб, ибо всякая вера его и любая привязанность сильны, как крепкий медный якорь...

Время текло, воины спали, готовясь уже даже Бог не ведает к чему. Теперь и Вальтер не понимал против кого всё это они собрали на ночном поле, на кого они пойдут, и, что самое главное, как ему сейчас разгрести всё наспех сделанное им.

Дамир до сих пор крутился вокруг карт, уже всюсюсюкаясь с недавно нейтрально настроенным старичком, который теперь без тени сомнения порхал вокруг молодого архимага и порхал, а Верховный архимаг всё думал — неужели за долгие три года оценки, заметки и утверждения оказались фальшивыми и неверными? Неужели Вальтер оказался глупым, свихнувшимся и одержимым странными навязчивыми идеями?

Утро начинали вступать в свои права и оно было обязано расставить всё по местам. Его лучи разгонят мрак неведения и покажут истину, покажут свет. Вальтер верил в это так же свято, как верил в то, что его белая маска несокрушима и тверда, как кованный гигантский щит.

Гонец прибыл уже рано поутру, неожиданный и быстрый, как юркий воробей. Либерт поднял руку и войску, хоть и не хотя, но пришлось остановиться по команде так ими не уважаемого лидера.

Подскокав на достаточное расстояние, гонец поприветствовал архимага коротким кивком и протянул бережно закреплённый печатью коричневый свёрток, пахнувший как старые книги на доброй домашней полке.

Либерт скривился, пару раз обернулся, замечая смешки и редкие указательные пальцы в свою сторону, выдохнул и крепче схватил свёрток.

«Наверняка письмо от Дамира... Что же он хочет от меня на сей раз? Может, чтобы я вступил в его уже начавшийся бой?» — вопросы разлетелись по всему его сознанию, а пальцы судорожно сдёрнули печать, развернули листок и глаза начали пробегаться по строчкам, поглощая букву за буквой.

Конечно, ему следовало бы догадаться ещё в тот самый миг, когда глаза его впервые коснулись этих строчек — начинать войну придётся именно Либерту. Дамир ещё в пути и придёт много позже ранее условленного времени.

«Похоже на него, похоже. Такой педантичный и пунктуальный — всё как всегда» — усмехнулся про себя в ту же секунду вздрогнувший Либерт. Ему следовало начинать боевые действия? Да с таким войском было бы сложновато даже идти поля распахать, о какой войне говорит Дамир, его партнёр по Плану? Даже сейчас солдаты сверлили архимага своими уничтожительными презрительными взглядами. Так что же делать ему, беззащитному слабому Либерту? С таким войском не только враг не страшен, но и собственно совершенно не нужен. Плох тот лидер, что не смог вплотить вокруг себя сторонников, воодушевить их и стать для них настоящим примером. Либерт же был самым обычным человеком, что от него и кто хотел?

У тощего, бледного и до безумия нервного архимага остался лишь один шанс — врать всем и врать удивительные вещи. Не фантастические, невероятные, а так всеми ожидаемые.

— Слушайте все! — нежданно-негаданно громовым голосом крикнул Либерт, молниеносно разворачиваясь к смотрящей на него армии и внезапно найдя некие силы на

смелость, силу и низкий обертоном, так непохожий на обычные нотки в голосе тощего архимага. — На кону огромные деньги! Выполняете приказ — получаете крупную сумму! Выполняете второй — деньги начинают расти в пропорциях и так с каждым вашим действием, направленным на благо всей магической башни и всего нашего громадного общества!

Либерт еле дышал, уже начиная задыхаться и терять непривычное низкое грубое рычание в голосе. Времени оставалось всё меньше и меньше, но большинство солдат волею-неволею начинали его слушать. Архимаг добился внимания и осознания необходимости драться, бороться за жизнь, воевать за неё, цепляться всеми конечностями:

— Вы станете такими богатыми, что сможете больше не служить во благо нашей Церкви, во благо нашей башни! Вы можете меня не слушать, ненавидеть, презирать, смеяться, сочувствовать — вы свободны и вольны на любые действия, однако я призываю объединиться в единый, стройный и дружный кулак! Во имя всех великих чувств, во имя жизни на земле — пара дней под моим покровительством и всех недовольных отпустят к богатой и сытной жизни! Все кто поддерживает предложение и обещает исполнять мои слова крикните — «За архимага!»

Голос молодого ссохшегося лидера смолк, горло раздирало от мощного крика, а грудь интенсивно вздымалась как мачта, не в силах взять достаточно дыхания.

Тишина накрыла предутреннюю тропинку, на которую неожиданно упал один тонкий и светлый луч. Свет надежды Либерта. Свет, что мог его спасти. Архимаг совершил немалое плохого, но его естество хотело жить, мечтало искупить все грехи, и будто бы вторя первому солнечному лучу всё войско вздрогнуло и сорвало с языка:

— За архимага! Веди нас в бой, в последнюю нашу войну, мы поможем тебе! — слова взлетели в голубому небу как быстрые живые птицы и Либерт выдохнул, поворачивая лошадь и отпуская гонца мчаться обратно к своему господину, сильному и заслуженно названному архимагом.

А Либерт верил. Пока не знал, но верил и надеялся, ибо вера всегда умирала только вместе с самим человеком...

Солнце начинало свой нелёгкий, ранний и ленивый подъём. Маги, пластом разлёгшиеся на поле, потихоньку пробуждались, потягиваясь в разные стороны, позёвывая да снова одеваясь в тяжёлые до блеска чищенные доспехи и шлема.

Приготовления только начались, а три архимага уже наблюдали за сборами, надеясь на лучшее и благостное будущее для всех. Они уверенно смотрели на просыпающихся и копошащихся воинов с пламенными улыбками на лицах и горящими глазами — впереди их ждало множество новых открытий, которые бы сделали магический мир лучше, крепче и сплочённее. Ведь когда ещё архимаги смогут воссоединить свои войска ради общей и праведной цели?

Безветренная погода душила воздух, но на это сейчас никто не обращал ни единого внимания. Все были бодрые и готовые к походу. Солдаты сворачивали ковры, одевались, общались, желали каждому удачи и силы.

— Всё будет хорошо. Чёрный город не так уж и опасен. Уничтожим мы этого Мартена, даже не переживайте.

— А кто тут переживает? Самое лучшее магическое войско способно использовать магию как надо, в этом никто и сомневаться не должен.

— Да и Церковь Сатаны оскверняет наши чувства и молитвы, — присоединился ещё один голос, водружая на свою лохматую голову тяжёлый шлем. — Мартен заслуживает смерти. Всем остальным нашим противникам разгром этого ужасного прыща на теле мира послужит хорошим и достойным уроком.

Архимаги всё слышали, даже Дамир удовлетворённо кивал. Вальтер косил на него взгляд, но всё ещё молчал, продолжая блюсти свой величественно-радостный вид. Недоверие и неясность остались, хотя потихоньку начинали угрюмо сдаваться. Похоже, Верховный архимаг, лидер Церкви Господа, всё же совершил ошибку в своих рассуждениях. Выводы оказались неверны, а Вальтер доказал самому себе собственную некомпетентность как главы самых сильных магов мира. Аналитика и доводы провалились, будто бы рухнув в чёрный бездонный колодец. И это начинало пахнуть поражением...

Солдаты всё собирались, многие с улыбками на лицах. И все они даже и не осознавали, как же на самом деле плохо, что Дамир оказался именно другом. Причём другом инициативным и неожиданно заинтересованным в походе. Мир будто бы переворачивался, как планета, обращающаяся вокруг своей оси.

— Господин Дамир, скажите, вы хоть сколько-нибудь переживаете пред наступающим походом? — спрашивал старичок, поглаживая всклокоченную седую бороду да целуя тяжёлый золотой крест, на который плавно опускался один из появившихся солнечный лучей, с силой пробившийся сквозь листву и ветки окружающих деревьев.

— Переживаю ли я? — посмаковал вопрос архимаг и вдруг буквально прыснул от смеха. — Переживать надо, если противника уважаешь и знаешь его истинную силу. А над Эриком можно только хохотать. Из него маг, как из меня кухарка. Согласен, Адонис?

Старик в ответ только глухо улыбнулся, повертев головой и радуясь беспечности и бесстрашию молодого архимага.

«За плечами Дамира большое светлое будущее. Я чувствую это» — подумал старичок. И только Вальтер молчал, словно воды набравши в рот. Всё в округе казалось какой-то нелепой декорацией, а сам лидер магов думал о себе, как о бесполезном рудименте в стройном организме, что гордо звался Нижним миром.

Солдаты, полностью экипировавшись и морально приготовившись к новым свершениям, уже начинали собираться в стройные ряды, плечом к плечу, шлемом к шлему. Шеренга шла за шеренгой, постепенно выстраивая лучшее магическое воинство на белом свете. Воинство, что было уверено в том, что магия и мана — дары Божие, а Церковь Господа — это божественное и несокрушимое место, центр духовности, идейная столица всего мира. А оскверняющая эту единую для всех духовность империя Мартена была обязана потонуть в жарких языках пламени. Так хотел каждый маг, каждый человек, каждая живая душа в мире.

Солдаты выстраивались и выстраивались, ни на секунду не останавливаясь, когда вдруг произошло то, что всё это время ждал Верховный архимаг, то, чего он так ожидал, во что всё ещё верил.

Поле в момент притихло, словно позволяя приближающемуся грохоту воцариться на месте лёгкого шума, что владычествовал здесь ранее.

Солдаты поворачивались назад, медленно смотря на огромный отряд, буквально потонувший в серой походной удушливой пыли. Впереди скакала фигура и лошадь неистово ржала, словно ознаменуя его приход:

— Либерт... — глухо пролепетал Вальтер, чувствуя, как его кулаки сжались. Ну уж нет,

если и на этот раз наблюдения и аналитика подвели, Верховный архимаг просто так этого не оставит. Самолюбие было выше всяческой логики, человек с надвинутой на половину лица благородной белой маской просто не мог больше ошибаться. — Ты же точно наш враг. Я это знаю. Я в это верю... Хоть ты человек хрупкой натуры, это не может тебя лишить предрасположенности к предательствам ради собственных целей и интересов...

Архимаги смотрели вперёд и всё поле полностью затихло, оставив надвигающийся шум играть бесспорно главную и, возможно, свою финальную грандиозную партию.

Только что такой болтливый и шумный Дамир тут же совсем притих, старик напрягся, скрипнув зубами, и каждый в воинстве явственно чувствовал — настал момент истины. На поле пришёл последний игрок мировой арены, последний из самых вероятных предателей. И архимаги поднатужились, стараясь понять кто он такой этот Либерт — простой трясущийся нелепый архимаг или настоящий предатель Церкви Господа, сильный и волевой лидер, что всё это время носил маску, хоть и не уважаемую, как у Вальтера, маску, скрывающую тайную подлую личину.

Момент истины накрыл поле своими незримыми щупальцами и никто более не смог бы от них отделаться — настало время правды...

Вот провалился силуэт скачущего неостановимого архимага, вот чётко показался первый магический строй. Адонис ещё крепче сжал зубы, а Дамир нервно сглотнул, что не укрылось от безразличных, на деле довольно настороженных глаз Вальтера. Либо Дамир и вправду вжился в свою новую роль якобы партнёра, либо он и вправду боялся за то, что может разразиться вот-вот. На чьей же он стороне? Вальтер обхватил свой подбородок несколькими тонкими пальчиками и изредка поглядывал на необычного ковбоя. Сомнения всё ещё не сдавались, они ещё держались, крепко схватившись за последнюю хрупкую соломинку. Верховный архимаг не должен был допускать ошибок и поражения...

Природа будто бы остановила своё движение — всё потонуло в тягостном безмолвии. Архимаги встретились взглядом с Либертом — бледным и вечно дрожащим ребёнком, которого нечаянно, будто бы по ошибке, отправили на тяжёлую войну. Он смотрел так невинно и так по-детски, словно мечтал оказаться где-то далеко-далеко, в окружении простых людей, в старых потрёпанных обносках, в дырявых калошах, просто работать и строить дома, выполняя монотонную и привычную работу — почему судьба привела его к такому исходу? Либерт заслуживал всего этого? Он заслужил этот долгий тернистый путь, эту внутреннюю борьбу его души, этот вечный липкий предательский страх?

Однако точка невозврата была уже пройдена и архимаги глядели ему прямо в глаза. Настоящие лидеры, властители, командующие... Те, кто заслужил всё это по праву неоспоримых и самых сильнейших. Пути назад не было и Либерт вдруг почувствовал себя здесь обычной жертвой, разменной монетой, тем человеком, что оказался здесь только для того, чтобы положить свою голову на мокрую от росы траву.

Либерт не хотел повиноваться, он не хотел атаковать. Дамир сплёл свою сеть и пытался сделать Либерта самым главным злом, на котором бы оторвались остальные архимаги... Тощий бледный парень, облачённый в белоснежную рясу, знал, что нельзя бить первым, что нельзя вестись на эту простую уловку. Он должен был впервые на своём посту показать верность, преданность, начать наконец искупление своих грехов, что неизгладимой дорожкой петляли за его телом.

Был ли он злом на самом деле? Или жертвой обстоятельств? Войско шагало за ним, а впереди, от края и до края, раскинулось воинство тех людей, которые должны были быть его

партнёрами, друзьями, соратниками...

Внезапно Дамир широко ухмыльнулся и в его руке, с треском да во все стороны разящими чёрными росчерками тёмного пламени, вспух жирный клубок тьмы.

В глазах Вальтера был виден испуг и архимаг отпрыгнул, заметив, как старик, что-то вскрикнув, тоже отошёл в сторону, подставив сморщенные сухие руки перед своим лицом.

Дамир отогнул руку, в миг ставшую тяжёлой от навалившейся магической мощи, прищурил глаза, словно прицеливаясь, и с тяжёлым хрипом выбросил уставшую ладонь вперёд, отпуская тёмный шар лететь через всё поле.

В рядах воинства Либерта прошла короткая дрожь — все на этих диковинных природных просторах ощутили ту концентрацию маны, что была вложена в, казалось бы, простое и незамысловатое заклинание.

Вальтер следил за полётом чёрной сферы, ожидал реакцию подходящего к ним войска.

— Либерт предатель, — хрипло произнёс Дамир, утирая пот со лба и поправляя съехавшую шляпу. — Я наблюдал за ним долгие три года. Он никогда не был верен нашему магическому союзу и вечно плёл интриги... Сейчас вы поймёте о чём я говорю. Вы все поймёте, что я был прав и верно сделал выводы, что я ударил привинтивно, но верно, правильно. Увидите, что я не ошибся...

Архимаги глядели вперёд, будто бы пропустив тираду так похожего на ковбоя мага. Но они не пропустили, они и сами всё поняли...

Медные трубы раздалась в дружном строе подходящего войска. Маги подняли руки под громкий трубный хор и мерцающий голубой щит, по краям ярко сверкающий и искрящийся голубыми огоньками, принял на себя мощь тёмного пламени, не прогнувшись и туша заклинание, превращая его в стекающую бурлящую лужу, что водопадом накрывала траву подле мощного моргающего щита.

Либерт стал похожим на бледный труп. Его глаза пару раз судорожно моргнули, кадык, как попавшийся в сеть заяц, судорожно ходил в горле, а рука поднялась, давая знак «внимание» собственной армии.

Щит с треском распался, трубы снова запели, а нескончаемые шеренги солдат ускорили темп под внимательными взорами архимагов.

— Я же говорил — Либерт всегда притворялся. Он бы не стал архимагом, если б не обладал внутренним стержнем. И теперь он идёт, теперь он сбросил маску. Тварь... — зашипел, стиснув зубы, Дамир.

Верховный архимаг не двигался и ждал, ждал, ждал, всё ещё надеясь, что движущаяся широкая лужа повернёт назад, однако время шло, а Либерт всё не поворачивался. Видно в его планы отступление никогда и не входило...

Благостная ночь начинала подрагивать под натиском бьющих во все стороны солнечных лучей. Саркис почти дошёл до того самого дома, идя медленно, не спеша, не волнуясь за спрятавшихся в погребке жителей деревни. Для них всё уже было позади, о них не стоило волноваться. Эдемского мага сейчас беспокоили только свои собственные тревожные мысли и воспоминания...

...Саркис помнил всё — он помнил как его братья откусили сочные наливные плоды с Древа Жизни. Он помнил, как сладкий сок тёк по щекам, по подбородку, помнил язык, лихо слизывающий сладкую водичку и ясно, как и в тот день, видел наглую ухмылку и яростные неживые глаза. В них была ненависть! Они презирали и ненавидели собственного Отца, и им было так хорошо от одного только осознания — они всё же преступили, казалось бы, самый главный и нерушимый закон. Дети Бога съели то, что было есть нельзя, и теперь с удовольствием на лицах ждали ответа от Отца.

Саркис тогда рухнул на колени от какого-то бессилия, дыхание шло слабо, но богатырь сейчас этого и не замечал. Он вдруг осознал, что всё потеряно. Змей добился своего и теперь ничего уже не обернуть вспять. Его любимых братьев и сестёр ждало изгнание, которого они так мечтали, на которое они так долго молились, о котором всё время думали. Все они хотели стать частью человечества Нижнего мира, не понимая, что живущие там люди и есть самые настоящие преступники. Туда, в это проклятое место, попадали только предатели, злодеи, что сумев преступить что-то в первый раз, смогут сделать это и во второй. Там жили те, кто предал, а предавшим однажды больше не было доверия, особенно у Создателя.

Всё было потеряно. Гром гремел под устиланном косматыми тучами небом, молния ярко чертила свои узоры, а ветер рвал травы, пытался сорвать одежды со всех персонажей сцены и начинал действительно сносить с ног. Таким сильным напором он дул, дул и дул, покуда Саркис не встал на ноги и не сделал к бывшим друзьям первый тяжёлый шаг.

Те смотрели на него и не видели в нём своего. Для них приближающийся богатырь был слабым отголоском прошлого, знакомым образом, какой-то нечёткой расплывающейся фигурой. Саркис приближался к дереву, сдвинув брови, гневно смотря на ещё недавно любимых им людей, сейчас оказавшихся предателями, изгоями и нелюдьми. И кто здесь был изгоем — тот, кто не был похож на остальных, или же изгоями были те, кого с минуты на минуту ждала кара и расплата за искушение, предательство и вседозволенность?

— Какие же вы глупые. Какие же ничтожные и бессердечные, — пытался сказать нечто вразумительное Саркис, но его больше никто не слушал. Для Детей Бога чёрного богатыря больше не существовало. Он был пустым ничего не значащим местом, а в их руках и без того было приковывающее всё внимание на себя бесценное сокровище — запретный плод, срывать и вкушать который ни в коем случае было нельзя. То был величайший запрет, самый главный из всего, что когда-либо было установлено из запретов в этом чудесном райском саду.

Саркис вдруг подумал — а может покончить с этими недоумками прямо здесь и сейчас? Разобраться с их прогнившими сердцами, завершить этот конфликт, не дать этим людям и дальше наслаждаться жизнью? Кулаки сжались, загрохотав, как разваливающийся на части булыжник. Зубы закрипели как петли, изо рта вырвался хрип, что плавно переходил в лвиный громкий утробный рык. Богатырь больше не мог смотреть на этих тварей, ранее

приходившихся ему друзьями.

«Позволили обвести себя вокруг пальца... Пошли за чужими идеями и мыслями. Обычные марионетки, слуги Демиурга, и внутри такие же пустые, полые, как громадный кувшин...»

Казалось, весь Саркис запылал ярким пламенем. Он приближался, приближался и приближался к толпе преступников, жадно вгрызающихся в яблоки.

Древо Жизни уже маячило перед глазами богатыря, а тот всё шёл и шёл. Каждый шаг сокращал расстояние до его бывших братьев. Дыхание участилось, пот стекал с обвисших чёрных волос.

«Давай... Ещё немного и они за всё ответят...»

Но Саркис не успел. Вертер всколыхнулся, облака спустились практически до земли — густые, чернющие, страшные, однако никто из божественный Детей и глазом не повёл. Отца они больше не боялись. Он лишился уважения для этой кучки предателей, последователей сладких речей адского чёрного гибкого змея, больше никто из них никогда не заботится Бога и тем более какой-то его непонятной кары.

Саркис прошёлся аккуратно под длинными ветками, его голова неожиданно хлопнулась о висящий наливной плод и именно в эту секунду тучи вздрогнули, загремели, природа погрузилась в тёмное мрачное уныние и дело оставалось за малым.

Тучи заколыхались, преображаясь в гигантскую дымную руку, что растопырила свои пальцы и неподвижно застыла над ничего не подозревающими братьями. Его, Саркиса, братьями. И всё же — богатырь не хотел их терять, какими бы дураками они не были. Саркис не сможет поднять на них руку, как бы ни старался доказать себе обратное. Просто не сможет, каким бы сильным не был бы до хруста и боли плотно сжатый кулак.

— Мои родные... Адам, — тот не слушал Саркиса, а только возбуждённо смотрел куда-то вдаль, вкушая сочный круглый плод. — Алерт... Анна... Анабель... — все они гневно смотрели на богатыря, будто видя в нём некую куклу, кого-то неживого, давно уже мёртвого, погибшего... А у ног взбунтовавшейся огромной толпы полз Он, зачинщик всего и вся, шипящий, лавирующий и явно удовлетворённый собой ящер, жалкое пресмыкающееся. У него всё получалось, всё выходило, он уже вот-вот добьётся своей цели... — Демиург, почему ты выбрал именно такой путь? Мы же родственники, друзья, братья... Зачем ты всё это начал? Неужели твои идеи настолько сильны и крепки? Неужели они дороже и меня, и Отца, и этого прекрасного Эдемского сада?

Дымная рука плавно опустилась, накрывая собой большой отряд, дружно нарушивший все возможные из возможных запретов.

— Братья... Нет! — Саркис внезапно не разглядел другой выход. Поступил интуитивно, эмоционально, опрометчиво. Этот путь казался единственно верным. Богатырь энергично взмахнул руками, сорвал сразу два плода и судорожно вгрызся в них, как собака в брошенное ей кровавое мясо. Небо заревело ещё пуще, ещё сильнее, а таинственная рука была готова опуститься теперь и на гордого чёрного Сына Бога.

«Я должен попасть к этим предателям... Попытаться уговорить их, переубедить, остановить, даже если обратного пути в Эдем уже не будет... Я не смогу их просто взять и бросить, не поговорив, не попрощавшись, не выбивши из них всю эту дурь...»

Природа плакала по последнему оставшемуся в пределах Эдема человеку, который вслед за остальными пожирал запретные фрукты. Однако Саркис вцепился сразу в два плода, отрывая то один сочный бок, то другой.

«Да пусть съем хоть три. Порой цена бывает чересчур высока. Главное — оказаться вместе со всеми в Нижнем мире. Я справлюсь, я сумею, это то я точно знаю...»

Косточки упали под ноги Саркису, следуя за огрызками двух вкуснейших фруктов.

Рука была всё ближе. Отец окончательно расстроился и был готов проститься даже со своим самым достойным сыном, сейчас смиренно вытянутым по струнке и признающим нарушение самого главного запрета. Он уже дожёвывал остатки плодов, надеясь на честный, беззаботный и безопасный исход.

Саркис больше не мог оставаться в стороне. Он должен был начать действовать. И вот летящая к нему рука по размеру стала похожа на целый большой городок, а воздух неожиданно-резко содрогнулся. Время начинало свой разлом, отзываясь на забурлившуюся внутри жилах ману эдемского мага. И сама природа начала изламываться и сдаваться, сотрясаемая хлынувшей мощью сразу двух фруктов, одних из самых главных и основополагающих стихий...

...Дом уже был близок, а воспоминания юркнули куда-то за угол, в самый задворок сознания. Да, эдемскому магу очень повезло с двумя стихиями, очень и очень повезло.

Тропинка петляла дальше, а вокруг всюду высились гордые стены домов. Невысокие, но такие опрятные, ухоженные, уютные.

— Хорошая всё-таки была деревенька, — даже где-то сокрушённо озвучил свои мысли Саркис. Теперь все эти домишки, все эти тропинки и весь этот воздух будут для всех напоминанием о той жизни, что сейчас, за короткий день, умерла под ножами пары-тройки убийц. — Разрезы на телах убитых... Определённо хирургически точны, абы кто бы не сделал, — размышлял богатырь. — Церковь Господа специально воспитывает подобных людей с базовым медицинским образованием. Им нужна магия, мана, им нужна чужая сила и мощь. Много мощи. И они очень торопятся, раз вырезали за день всю деревню... Нужно помочь выжившим, а потом уже думать что делать дальше. Они пока ещё нуждаются во мне и в моей поддержке.

Зацепок больше не было. Эдемский маг остался один на один со своей главной целью — нахождением Демиурга. Помочь Саркису более никто не мог и на тропе, на которую он смело ступал, было пусто, безлюдно и тихо.

Вот по правую руку показался единственный дом, изнутри буквально пышущий ярким светом. Саркис подошёл к скрипучей двери, уже было потянулся за ручку, как вдруг повернул голову аккурат к выкатывающемуся из-за горизонта солнцу. Лучи падали на крыши, озаряли петляющую тропинку, грели мёрзлый ночной воздух, заставляли росу на кустах да на травах ослепительно сверкать — природа была чудесна даже в Нижнем мире. Оказывается, не только в Эдеме было хорошо, маг осознал это — Бог старался построить Нижний мир более добрым, более красивым, при всей его ужасающей сути и не менее страшном назначении для людей.

— Красив Нижний мир, как принцесса. А на самом деле создан для преступников всех мастей и рас. Ужасное место, как клетка, настоящая огромная клетка... Демиург, Эдем не был тюрьмой. Тюрьмой было место, в которое ты так мечтал попасть. С ограничениями, со смертностью, с умопомрачительными картинами, с истинными страданиями... Брат мой, теперь то ты точно понял, что ошибался и ошибался очень сильно? Ты должен был пожалеть, просто обязан...

Саркис раскрыл дверь и его тут же проглотило прямоугольное входное отверстие. Внутри было душно и не так светло — лампа светила тусклым мягким светом. Ничего не

поменялось в его отсутствие, всё осталось на своих местах, никаких изменений. И крышка погребка также маячила пред жёлтыми глазами мага, идеально видевшими в любую темень и мрак.

Эдемскому магу вдруг захотелось ещё прилечь, немного отдохнуть, но он знал что дорога вперёд не ждёт. Он был обязан идти дальше, а отдохнуть можно будет где-нибудь уже в конце пути.

Богатырь потянул крышку погребка, с силой толкнул её в сторону, всмотрелся в зияющий чернотой квадратный проход и не долго думая прыгнул в него, словно оказавшись в мерзком чёрном море.

Послышалось неистово бегущее дыхание в левом от входа углу, появились лёгкие шепуршания, словно кто-то крепко-крепко вжимался в простую деревянную стену, скрипящую как и всё в этом старом-старом доме.

— Не бойтесь, это я. Всё хорошо. Деревня пуста, ночь прошла, солнце встало. Пора на выход.

Облегчённые вздохи и грохот тел о пол — деревенские жители ни на шутку испугались и теперь могли хоть немного расслабиться.

— Саркис, наш спаситель! — из темноты выпрыгнула стройная элегантная фигура, тут же кинувшаяся Саркису в объятия. Аделия была такой тёплой и нежной... Никакого искушения, нет, магу нельзя и думать. Ни о её грудях, что сильно-сильно прижались к его, Саркиса, телу, ни о мягко бьющемся под одеждами живом сердце. Об этом нужно было немедленно забыть. Какими бы большими, упругими и милыми груди не были, как бы сильно сердечко девушки не бились в груди, почти выпрыгивая на Саркиса. Её роскошные мягкие волосы рухнули магу на спину и тот покрепче прижал красавицу, из-за её спины наблюдая за тем самым мрачным дедом, каким-то мужчиной средних лет, двумя небольшими парнишками и ещё одним суровым молчаливым мужчиной. Все они наконец подошли к квадратному выходу из погребка. — Спасибо тебе, маг. Спасибо... — а ведь эта прекрасная женщина ещё пока ничего не знала о Демьяне. И что с ней случится, если она узнает о её погибшем любимом племяннике, которого она так больше и не увидит? И ведь он даже не сможет извиниться перед ней за свои последние действия. За её лицо, губы, за её несчастное избитое тело...

— Можем мы выходить или нет? Или, может, нам всем тоже по очереди обняться с тобой? — нетерпеливо и сурово спросил дед, которому явно надоело следить за несвоевременными объятиями.

— Ладно, Аделия, мы ещё успеем испить чаю и всё обсудить, — эдемский маг отстранится от девушки и та увидела на его лице обычную безразличную маску. Он никак не изменился с того самого момента... — Господа, сейчас по очереди хватаемся за краюшек и подтягиваемся наверх. Постараюсь помочь чем смогу... Ну-ну, шевелитесь!

Жители столпились у квадратного входа, наблюдая за тем, как эдемский маг с лёгкостью прыгнул, подтянулся и оказался сверху, будто акробат в цирке. Саркис протянул свою суровую руку и парнишки первые прыгнули к выходу, под внимательные взоры трёх старших мужчин да одной девушки.

— Вот так. Вот — молодец! — похвалил маг двух улыбающихся кудрявых парнишек-близнецов, что так сильно напоминали ему о почившем Демьяне.

«Друг... Прости меня за всё. Ты воистину стал великим, несокрушимым и легендарным человеком. Мне правда жаль что всё так получилось... Я оказался слабее тебя. А ты не был

трусом, не был и слабаком... Твоя судьба была стать щитом и пожертвовать собой, доказать что ты велик и силён... Прости, друг, и прощай»

— Это просто. Давайте все, по очереди, — крикнули довольные ребяташки и дед криво усмехнулся, приготовившись к прыжку и посмотрев в будто бы неживые глаза их спасителя-мага. О чём он мог думать с таким мёртвым взглядом? О каких таких вещах, которые даже не вызывали на его лице ни одну из известных эмоций?

— Раз, два, три! — пробасил суровый мужчина с гладковыбритой головой и дед оттолкнулся от пола, начиная своё восхождение. А следующей уже готовилась Аделия. Жители мечтали поскорее вернуться в свои дома, ведь они того заслужили, после страшного дня и не менее суровой ночи.

Пустыня нещадно душила своим неистовым испепеляющим жаром. В последнее время погода только ухудшилась и никакой отдых строителям уже не помогал. Многие из них, потные и худые, валились на песок, чтобы больше никогда не подняться. И никто не мог помочь башенным магам, никто не мог их спасти от страшной и незавидной участи.

Даже Авиад мучился ещё больше, ещё сильнее, и мощные накаченные слуги, в ущерб себе, махали над умирающим стариком огромными веерами, составленными из ярких и диковинных павлиньих перьев. Слуги начинали работать медленнее, менее синхронно и разобщённо, отчего Авиад слабо ругался, тут же закатывая глаза да опрокидывая уставшую мокрую голову на бок. Голубая накидка с жадностью крупного хищного животного вцепилась в несчастную старческую кожу, заставив Авиада ещё пуще закричать, как маленькому ребёнку, для которого всё стараешься, стараешься, а ему всё никак не угодить.

— Машите сильнее, дурни. Вы словно девицы в чешках. Так же нельзя, интенсивнее работайте, — причитал старик вяло, нехотя, слабо, продолжая пальцами тереть седую до сих пор невымытую всклокоченную бороду. Слуги тягостно вздыхали, но продолжали махать этими огромными веерами, стремясь развеять вокруг пятого архимага эту удушливую пустынную атмосферу.

Ветер медленно, но верно гнал песок сквозь все видимые просторы. Такой слабый, сухой, истинно пустынный, он подхватывал песчинки и кружил в задорном стремительном танце. Маленькие торнадо, простые песочные завесы, стены и завихрения. А небо было ярко-голубым, лишённым каких-либо белых, пушистых облачков, без намёка на дождь, без намёка на минуты, лишённые ярко пышущей точки, что звалась в этом мире солнцем.

Авиад мучился не меньше, чем его подчинённые. Однако время неумолимо несло вперёд и старику было необходимо подумать обо всём ещё раз:

— Акбек уже на полпути, если ещё не добрался... Вот кому сейчас хорошо, так это ему. Отдыхает себе на зелёных комфортных ветреных просторах... Машите, машите, машите! — внезапно нервно закричал старик и накаченные слуги глубоко вздохнули, продолжая обдувать своего господина. — Вот, так получше!.. Акбек Акбек, почему ты служишь мне? Проявляешь эту преданность? Верить ли мне тебе или нет? — устало мямлил старик, неожиданно отогнав своих слуг небрежными движениями тощих костлявых лап и поднявшись на ноги. Архимаг тут же взялся за посох.

Башня возводилась даже быстрее, чем строилась пару дней назад. Она была высока и уже в меру галантна, её аккуратные изгибы были прекрасны и изящны, её оконца были маленькими и такими же уютными, как и раньше. А строители возводили крышу, будто ставя финальную точку в постройке сей прекрасной и важной постройки.

— Работа почти завершена. Дело осталось за малым, — с трепетом сказал Авиад, подходя к огромной палатке, своей рукой отодвигая в сторону кусок плотной ткани и всматриваясь в то, что находилось под желтоватой плотной тканью этой чудной палатки. — Магии должно хватить, не зря же мы опустошили столько деревень. Погибшие даже не представляли, ради какого благого дела они отдали свои бесценные жизни.

Старик подошёл к башне, вслушиваясь в монотонное стукание множества молотков. Да, архимаг видел трупы людей, что отдали жизни за строительство высокой магической башни. Куча ссохшихся разлагающихся тел, буквально обнимавшихся с мягким жёлтым песком, что морем раскинулся до самого горизонта.

— Башня почти готова, нам нельзя останавливаться, — тихо, больше для себя, произнёс Авиад и после этого сразу же крикнул так громко, что его слышали даже те, кто не покладая рук начинал строить черепичную крышу. — Работаем! Осталось совсем немного! И после этого всё для вас будет закончено! Вам будет дарованы мир, свобода и все блага! Я всегда благодарен за труд, вы должны это знать! И я сдержу своё слово, обещаю!

Маги не ответили, продолжая дружно стучать молотками и старичок гадко улыбнулся, радуясь каким-то своим тёмным, скрытым от других мыслям.

А к магической башне приближалась небольшая точка, с каждым часом становящаяся всё больше и больше. И её пока не замечал даже сам Авиад.

Фигурка приближалась. Невесомая, крохотная, женская, хрупкая. Девушка шла, шатаясь из стороны в сторону, еле выдёргивая ноги из плотного песка.

Её тяжёлое дыхание ещё больше замедляло её и без того нелёгкий путь, под грудями скопился пот, а волосы хлесткими грязными лохмотьями свисали с её мокрой головы.

Телепортация не сработала как надо. Где-то в песках раньше была высокая магическая башня, туда девушка и переместилась, дабы спрятаться от сына Мартена, дабы укрыться от его праведного гнева. Однако координата сбилась и Крис, эта милая фарфоровая куколка, оказалась лицом к лицу с жаркой нещадной палящей пустыней.

— Чёрт... Координата не сработала... Башня была уничтожена? Или мои способности дали сбой из-за малого количества маны? — думала девушка, вечно закатывая глаза да хрипя, продолжая шататься, шататься и шататься...

И она брела, не зная куда, даже не думая об этом. Рано или поздно её магическое чутьё выведет участницу Плана хоть к самой древней деревушке, если конечно Крис не помрёт по пути. А она не упадёт, не станет одним целым с песком, не закроет свои глаза навсегда. Ради дедушки она будет жить и трудиться во имя Плана, ведь таково было его последнее обещание. А любые обещания для неё были дороже и ценнее собственной жизни.

И вот она шла, а природа вокруг так и хотела ослабить, сломить, уничтожить, но магичка не сдавалась, всё устойчивее и напористее переставляя ноги, чувствуя, как её сердце забилось чаще и тяжелее.

— Дедушка, хорошо что ты не пошёл вслед за мной... Когда-нибудь мы обязательно встретимся, но сейчас мне надо идти. И я дойду, — вслух причитала красавица, начиная низко склоняться над жёлтым бурлящим песчаным морем.

Её глаза были опущены вниз и потому она не увидела — практически до конца достроенная башня маячила у горизонта и совсем скоро Крис наконец могла попасть в общество башенных магов.

А пока она будет идти, идти и идти, с надеждой, что когда-нибудь занесённый песками

ПУТЬ ВЫВЕДЕТ её К ЛЮДЯМ.

Войска шумели, как громадные перепуганные улья. Дамир тяжело дышал, схватившись за грудь и широко распахивая глаза. Хриплые вздохи да сильный кашель вырывались из его рта, пока остальные архимаги продолжали следить за бледным скачущим предателем, которого они так долго искали и о котором так много говорили.

Либерт смотрел на бывших партнёров с такой грустью, такой мольбой и таким прошением, что сердце у Вальтера невольно напомнило о себе горестным тягостным уколом.

— Ты... Ты же не хочешь умирать... — понял Верховный архимаг, бросая взгляд в сторону и скреживая его с распахнутыми, но довольно удовлетворёнными глазами Дамира и старческим взором, с лёгкой грустинкой и каким-то даже нежеланием идти в бой и воевать. Адонис не желал кровопролития среди магов и Вальтер знал об этом с самого начала, но предатель должен был быть наказан, чего бы это ни стоило. В данную минуту следовало принятие факта, факта начала страшной мировой войны. И три архимага точно знали что победят. Время доказывать свою силу и волю, настало время побеждать!

Подходящие войска не атаквали, смиренно идя вперёд, будто с самого начала и не сомневались в своей победе. И ведь они действительно не сомневались. Идя рядом друг с другом, в плотном нерушимом строю, они все не боялись, не дрожали, а честно шли вперёд, принимая правила чудовищной грядущей игры. И победа будет за правдой. Победа была за честными и любящими своего Бога искренне чистыми молящимися магами, что начинали каждое утро с молитвой на устах, что верили в своего Отца и ненавидели своих идейных врагов. Правда была за Вальтером, статным магом, настоящим лидером, одевшимся в торжественные белоснежные одеяния. Правда была за мотивированным и чистым душой стариком, взявшим с собой не только священную верную молитвенную книгу, но и тяжёлый, обременяющий его дряхлое хрупкое тело, торжественный золотой крест. Правда была за Дамиром, лидером с собственным независимым мышлением, что практически доказал преданность Церкви Господа, её идеям, её башням и её крепкой вере. Вальтер всё ещё косил взглядом, но уже начинал понимать — этот человек тоже думал о предателях. И ведь он вычислил его, вычислил Либерта, он был во всеоружии и стоял сейчас в одном строю с теми, за кем была непоколебимая правда. Он почти доказал, что заслуживает доверие.

И только в последний краткий миг Вальтер уверенно повернулся к растянувшимся далеко окрест шеренгам святых магов. Только в последний миг он окинул взором своих поданных, улыбнулся, хоть эта улыбка и потонула где-то внутри белоснежной маски, крепко схватившей половину его лица. Верховный архимаг улыбнулся, улыбнулся печально, словно бы заранее одобряя те жертвы, через которые магам нужно было бы пройти до грандиозной победы в мировой войне. Что-то горькое подкатило к горлу истинно доброго верующего человека, но слабинку лидер дать не мог. Войско было готово внимать, оно было готово слушать.

Спиной Верховный архимаг чувствовал, что одобряют грядущую речь и архимаги, напрягшиеся как и их воины и уже смирившиеся и с потерями, и с тяжёлой реальностью.

Никакой слабины и только вперёд, ведь с верующими жителями Нижнего мира был сам Бог, его слово и данный всем в мире невероятный магический дар!

— Слушайте все! — начал Вальтер, высоко вздёрнув голову и крикнув так, что всем

показалось, будто нагрязнул свирепый гром, хоть небо приветливо искрило голубизной и яркими солнечными лучами, освещая пока ещё девственно чистую нетронутую природную красоту поля. — Враг перед нами, а должен лежать у наших ног! На нас идут противники воли Божьей, ужасные предатели, не согласные с нашими устоями и верованиями! Они идут, хотя должны больше не двигаться! Они идут топтать нас и уничтожать! Время показать им силу нашей магии, нашего дара с небес! Время доказать врагу, что предателей ждёт лишь одна участь! Время побеждать!

За речью последовала лёгкая тишина, что прервалась громогласным кличем, прокатившимся с одной стороны на другую, от одного мага до другого, прокатилась, как гром среди ясного неба:

— Мы будем стоять до конца! Смерть предателям! Слава архимагам! — они никогда не воевали и оттого боялись. Боялись смерти, боялись убивать себе подобных, боялись использовать свой дар ради умерщвлений других. Однако они были готовы на всё. Вера наполняла их сердца и Вальтеру оставалось только повернуться к магам своей прямой спиной и перекинуться взглядом с остальными лидерами.

— Веди нас. Командуй, — печально бросил Адонис, снова доставая тяжеленный громоздкий крест и жадно впиваясь в него губами, которые сразу же после этого действия зашептали верную, как сабля, небольшую молитву.

Дамир кивнул Верховному, а тот и не заметил хитрый блеск в глазах молодого мага, лицо которого так сильно украшала чёрная козлиная борода.

Вальтер перекинул последний взгляд на Либерта, вновь увидел бледное, ничего не понимающее, дрожащее лицо, вновь увидел эти крепко сжатые руки и нечто непонятное откликнулось в его душе. Почему именно он? Зачем и для чего этот архимаг вёл странную предательскую игру? Может не всё было столь легко, просто и поверхностно?

Однако думать и делать выбор было уже поздно. Время неумолимо наступало и приближался час решительных действий, ведь на кону вставала судьба целого прекрасного и божественного Нижнего мира, дара всему человечеству от своего единственного Отца!

Столица была шумной, какой была всегда. Народ высыпал на улицы и поднявшийся над главной площадью гул уже было не прекратить. Ясное небо и яркое солнце — что могло быть лучше? Мог быть лучше разве что сам город, такой крупный и прекрасный, людный и самый главный в этом мире, сверкающий золотом и ослепительной белизной гладких крепко сбитых стен.

Где-то недалеко от торгового сектора высилась наверное самая грандиозная и высокая магическая башня — башня самого Вальтера. Ровная, белоснежная, недвижимая и такая статная, с её вершины наверняка можно было узреть весь город, от края и до края, во всём его блистающем великолепии.

Эта столица была бриллиантом на теле израненного ужасного и подлого мира. Эта была настоящая жемчужина и вершина творения всего человечества. Самое красивое и прекрасное творение, истинный труд людей и последняя надежда Нижнего мира на лучшие времена.

Акбек души не чаял в этих домах, улицах, истинно добродушных и хороших людях. Каждый раз как посланник и верный соратник Авиада достигал этого белоснежного и сверкающего позолотой великолепия, его сердце начинало биться куда сильнее и чаще, дыхание прерывалось, а глаза плавно начинали скользить по покатым крышам, по этим круглым золотым куполам, сверкающим миллионами ярких бликов, по вершине магической

башни, что устремлялась куда-то ввысь, в девственно чистое мирное небо. Всё здесь было прекрасно: и вкусные манящие запахи с небольших уютных столовых, и приятные разговоры добрых жителей столицы, и тут, и там раскинувшиеся магазинчики, и редкие поэты, громко и пронзающе читающие свои красивые стихи, и дивные улочки, и эти извилистые, хоть и достаточно узенькие, но такие ровные и родные изящные повороты да коридоры. Когда ты проходил сквозь них вместе с остальными спешащими по делам людьми, ты чувствовал будто эти дома готовы раздавить тебя с двух сторон, будто это ловушка и они всегда ожидают какого-то одного нужного им момента... Было нечто завораживающее в этих улочках, в которые не попадал ни один солнечный лучик. Может завораживали и настораживали люди, что по обе руки от Акбека бежали сквозь эти коридоры, накинув плотные чёрные капюшоны. Может редкие торговцы, привлекающие клиента недорогим съестным. Может и обуявшая улицы темнота, чёрная и такая жирная, буквально вытеснившая весь воздух из улиц. И только свет факелов пробивал темень и заставлял стены домов начинать ярко белеть, как они белели всегда.

Лысый маг всё шёл вперёд, чувствуя, как с конца узкой дороги потянуло хорошим сильным ветром, что мигом ворвался в проход и подхватил мешковатые, удобные, но смешно свисающие вольные одежды. Акбек улыбнулся, чувствуя внезапно нахлынувшую прохладу и свежесть, а ноги почти вывели его на ещё один важный торговый центр, что был ближе всего к главной городской площади.

Вот маг, с поплёскивающей на солнце лысиной, прошёлся вдоль громадного рынка, с шатрами, витринами, палатками, рядами с овощами, фруктами и рыбой. Но сейчас посланник Авиада спешил на городскую площадь. Времени останавливаться и осматриваться, принохиваться и пытаться что-то купить уже не осталось. Настало время решительных действий!

Ноги уверенно топали по городской дороге, выложенной из дорогой бледно-жёлтой плитки. Ботинки звучно звякали о камень, а сердце наконец начинало успокаиваться, больше не требуя наблюдения за раскинувшейся вокруг красотой. Настало время важных дел, а на природу, архитектуру и погоду Акбек ещё успеет насмотреться!

Главная площадь столицы, в отличие от остального города, пестрила достаточно разными яркими красками. Множество волевых бронзовых статуй, куча роскошных магазинов с красными, жёлтыми и даже зелёными покатыми крышами. Люди были разодеты подстать общей обстановке — в красивые ухоженные одежды, со стоячими воротничками и громко лязгающими туфлями на каблуках, либо же чёрными праздничными ботинками.

Площадь пестрила цветами и глаза Акбека искренне радовались, тут же ища особо говорливых и задорных людей.

Вот у магазина застыла рьяно болтающая парочка и маг лёгкими невесомыми шагами подошёл к ним, тщательно вслушиваясь в диалог:

— Ну а вот так вот. Перекрыли значит всю дорогу — не пройти не проехать, — пыхтела полненькая дама, а мужчина всё кивал головой.

— Сейчас то всё нормально, да?

— Ну как прошагали они, так и всё вернулось на круги своя. Но на работу я знатно опоздала, — женщина эмоционально плескала руками, а лысого мага уже и след простыл. Такими подходами маг ничего толком не узнает. Следовало устроить допрос...

Акбек подошёл к длинной стойке с овощами и фруктами и делал вид вовлечённости, наигранно поднимая густую чёрную бровь да потрагивая своими пальцами разложенное на

стойке, повторяя обычные действия десятков других потенциальных покупателей.

Сама же продавщица принимала покупку за покупкой, попутно обмениваясь добрым словом и лёгкой улыбкой.

— Утро доброе. Что-нибудь ещё брать будете? — спрашивала она, а покупатель только протягивал парочку золотых да отрицательно махал головой.

Очередь, хоть и большая, рассасывалась довольно быстро и вот напротив продавщицы оказался Акбек, смотря на неё своим хитрым прищуренным взором. Женщина вздрогнула, неожиданно почувствовав ману покупателя, а после нервно сглотнула, боясь сказать даже одно слово.

— Не бойтесь меня. Я здесь не за покупкам, а за информацией, — его голос был таким расслабляющим, что продавщица тут же сдалась на милость этому необычному человеку.

— Хорошо. Спрашивайте, — женщина была кратка.

— Вальтер, наш Верховный архимаг — он действительно начал свой поход или он всё ещё в магической башне? — аккуратно и ненавязчиво спросил Акбек.

— Наш архимаг выдвинулся в путь не далече как вчера вечером, — ответила продавщица, на что маг без слов кивнул и небрежно бросил ей на стол горстку монет, тут же освободив место и позволяя растущей очереди хоть немного продвинуться дальше.

— Да, столица прекрасна. Эта погода, эти белоснежные гладкие стены, эти хорошо уложенные дороги, аккуратные, чистые и прекрасные, этот воздух... Как жаль что со всем хорошим приходится так быстро прощаться.

Маг тут же побрёл прочь от главной площади, с каждой секундой оставляя за своей спиной всё больше и больше столичных красот. Дела были превыше собственного удовольствия и Акбек это хорошо осознавал. Время для нормальной прогулки ещё не пришло. Потому маг шёл к выходу из города. Наступило время действий! Наступило время решительных ходов и правильных поступков!

— В бой! — воинственно кричал Вальтер и войско шумно повторяло слова своего господина. Над полем поднялся суматошный гам, к небу вспорхнула сорванная с губ Адониса последняя молитва, которую он прочёл из взятой книжки, к дали устремился взгляд Дамира, молодой, цепкий, под которым легко можно было поёжиться да зябко вздрогнуть всем телом, настоящий соколиный взор — три архимага были наготове.

Старик прикрыл книжку своими узловатыми кривыми пальцами, Дамир поправил шляпу и подтянул подпоясанные дорогим ремнём простые холщовые штаны, а Вальтер тем временем ещё сильнее выпрямил спину, зорко посмотрев на Либерта и щёлкнув пальцами рук.

Настали последние секунды спокойствия. Вот-вот противостояние начнёт оборачиваться в настоящий вооружённый конфликт и тогда времени подышать утренним воздухом уже не останется. Будет только кровь, смерть и магия... Будет только смрадный запах, огонь и уничтожение...

— Как Бог мог допустить грядущее кровопролитие? Неужели он смог смириться со смертями множества его верных рабов? — всё ещё не веря промямлил Адонис, напрягшись, как и остальные лидеры.

Напряжение и частичное осознание, лёгкая злость и готовность читались на их суровых лицах. Они действительно были готовы...

Поле запахло напряжением. Тягостным и гложащим, напряжением осязаемого конца

старой жизни и рождением новой, несколько другой, но всё ещё счастливой для Церкви Господа. Предатели будут разгромлены и уничтожены! Предателям Отца не было места в этом мире!

Чаша весов качнулась и только выживший будет победителем. Судьба и Бог знают кто на этом поле прав, кто виноват, кто предал, а кто усердно молился. То было испытание, тяжёлое и для многих воистину последнее.

— В бой! — мана забурлила в жилах, в любую секунду готовая вырваться из телесного плена. От солдата к солдату, от человека к человеку мигом передавалось это невиданное доселе чувство — чувство грядущей победы, чувство ненависти к врагам, чувство раскрепощения магии.

Огненный шар дугой перелетел над раскинувшимся полем, оставляя в воздухе чёрную петляющую дорожку.

Все приковали к заклинанию своё внимание, однако никто так и не узнал кому конкретно принадлежал смелый первый ход.

Пламенный болид ярко сверкнул, опускаясь вниз да врываясь во вражий строй. Пламя, громко стукнувшись о выдержавшие напор доспехи, потекло вниз тонкими жидкими струями и враги начали свою ворожбу, лишь бы нейтрализовать действие огненного плотного стихийного шарика.

Маги всё ещё не двигались, хоть были уже готовы к атаке. Архимаги обернулись, поманили собственных солдат, в очередной раз громко прокричали лозунги и только тогда первый ряд магов дрогнул, наконец побежав вперёд.

Из-под ног солдат вырывались мелкие пыльные облачка, а с уст срывались победные громкие крики. Их пальцы обжигала мана, их доспехи кричали наравне с голосами, а скорости бойцов позавидовали бы даже гепарды.

К ним навстречу, вздымая тучу серой пыли, тоже понеслись бойцы передней вражьей шеренги и всё это под испуганный взор и бледное лицо главы-предателя.

Вальтер, ни на секунду не отрываясь, следил за грядущим противостоянием:

— Так вот, что нам готовит судьба... — с придыханием сказал Верховный.

Приближающиеся друг к другу немногочисленные воины вытащили книги заклинаний, неизменно полезные артефакты: у кого побольше, у кого поменьше, белые, красные, фиолетовые, в дорогих или дешёвых переплётах. Артефакты были разными, но служили для одной лишь цели — преобразование чистой маны и придание ей разных вещественных форм.

Молнии взвились в воздух тонкими невесомыми росчерками, юркими, как маленькие змейки. Им навстречу взметнулись длинные огненные змеи, языки которых шустро кувыркались в пасти. Молнии последний раз заискрили и приступили к бою.

Поначалу они произвольно кружили, наблюдая за застывшими огненными змеями. Время шло. Молнии взъярились, тут же окрасившись в нежно-малиновый цвет и попытались опутать змей прочным кольцом, на что те грозно повели всем телом, рая многочисленные искрящиеся росчерки.

Молнии, уязвлённые, закружили в воздухе большими петлями, закружили и низринулись на огненных созданий, стараясь полностью погрузиться в их плоть. Змеи забились, завертелись, оставляя за собой горящую рыже-чёрную дорожку и не позволяя молниям коснуться себя. Наконец змеи извернулись как надо, позволили тварям другой магии оказаться под собой и родили из пастей струи жидкого чёрного огня, навсегда

накрывшие было попытавшиеся вырваться молнии своим плотным, горячим саваном.

Вальтер улыбнулся — то был хороший знак, очень хороший.

Змеи довольно ухмыльнулись, облизали красными язычками свои не менее ярко пылающие губы и посмотрели вниз.

Мировая Магическая Война всё-таки началась... Мечи, с яростью вынутые из ножен, ярко засверкали в солнечных лучах, солдаты в последний раз вскрикнули «вперёд!», каждый мысленно простился с жизнью и лёгким шагом двинулся дальше, прокручивая лезвием лихие петли да начиная свой широкий размах.

Враги тоже были готовы схлестнуться. Сталь запела, разрывая воздух и звонко сталкиваясь с чужими мечами. Весь длинный ряд ринулся в атаку, скрещивая оружие, наблюдая за разлетающимися искрами, чувствуя как сильно бьётся сердце в груди.

Основные силы с жаром пожирали каждое движение, стремясь постичь противника и подготовиться самим. А мечи уже выводили неописуемые зигзаги по всей линии фронта, с треском встречая натиск разбушевавшегося врага.

— Предатели, гнусные выродки! — прошипел практически во вражье ухо один из бойцов бесконечно тянувшейся вдаль первой шеренги, вступившей в бой. Мечи оттолкнулись друг от друга, запорхали в воздухе и снова сшиблись вместе. Руки противостояли напору, однако начинали трястись. И у мага Церкви Господа, и у смотрящего на него сквозь забрало солдата из воинства Либерта.

— Мы не должны драться... Мы не предавали веру! — отчаянно прошептал враг, но маг и слушать не стал, лихо работая оружием да проводя по сочленениям доспеха. Меч, вгрызаясь в них, проникал вовнутрь противника, забрызгивая зелёную траву алой кровью. Враг шипел, пошатывался, но продолжал отбиваться мечом. Воины активно сшибались, однако никто так и не мог пробиться сквозь линию друг друга.

Воинства до сих пор готовили ману, собираясь наконец начать невиданное ранее магическое представление. И будь что будет...

Меч порхал, как бабочка над пламенем, сталкиваясь с чужим оружием и снова начиная летать, кружась и кружась в руке у истинно верующего в Бога:

— Вы и ваш чёртов Либерт заплатите за преступления! Я вам это гарантирую, — меч наискось перерубил доспех и кровь снова заляпала чистую землю.

— Мы не предатели! Поверь! Останови эту ненужную войну! — заныл враг, уже начиная отходить и еле отбивая стремительные удары. Строй рушился. Предатели начинали отступать обратно к своим боевым порядкам.

Меч опустился снова и на сей раз он прошёл ровно по сверкающему шлему. Тот отозвался громким звуком, а враг зажмурился, внезапно выпуская тяжёлое оружие из рук и обхватывая несчастную голову.

Три архимага, стоящие рядом друг с другом, блаженно заулыбались.

— Они отступают! Мы обязательно уничтожим каждого из них! И Либерту воздастся за сношение с Церковью Сатаны, я это обещаю! — провозгласил молодой Дамир, наблюдая как меч того самого разъярённого бойца прокрутился в руке и, пролетев долгую дугу, смачно прошёл сквозь тело несчастного врага.

Тот бросил на соперника последний предсмертный грустный взгляд и повалился вниз, умерев в развороченной броне, но умерев с честью, сражаясь до самого конца.

— И так будет с каждым! — победившего верующего в Бога мага слышала вся дерущаяся шеренга и каждый увидел первое мёртвое окровавленное тело. Победитель тут же

размахнулся оружием и сшибся с рядом стоящим дрожащим врагом, помогая ближайшему соратнику. Сражение продолжалось, хоть предатели и начали понемногу отступать, не выдерживая натиск и боясь помереть от могущественного оружия магов.

— Первое убийство за нами. Думаю, это хороший знак, — Вальтер гордился своей армией и верил в победу, также как и остальные архимаги.

Мана всё ещё щекотала кончики пальцев. Она вот-вот будет выпущена и тогда магическая война перейдёт в самую убийственную фазу.

А пока верующие теснили предателей и в душе каждого архимага отпадали последние сомнения.

— Мы обязательно победим! Победа всегда будет за добром и правдой! С нами Бог! — вскричал Адонис, доставая крест и вновь жадно целуя его. И никто не заметил ненавистный взор Дамира, что был брошен на золотой крест. Ноздри его на миг раздулись, а глаза налились неким подобием бешенства, если не им самим.

Война начиналась строго в соответствии с планом Дамира и никто уже не мог поменять ход событий. План был твёрд и непоколебим, и победа будет за правдой, ведь всё в мире было справедливым, честным и верным, как сталь... Ведь всегда, везде и во всём торжествовали одни лишь только справедливость да добро...

Мечи звенели и вот уже второе вражье тело, изрубленное в мелкую капусту жёсткими и непрощающими ударами, пало на землю, окончательно вселяя в Церковь Господа уверенность в победе. И ведь как могло быть по-другому? С ними ведь был сам Бог...

Уют и покой действительно расслабляли. И эта тишина... Этот вкусный горячий чай, над которым небольшой змейкой вился невесомый серый дымок. Саркис чувствовал — настал недолгий час спокойствия, обычного общения и лёгких угощений. И это время было необходимо потратить не на магические поединки и прочие подобные дела, а на простое чаепитие в компании с прекрасной черноволосой дамой, двигавшейся так сексуально и пахнувшей столь приятно, что Саркис пожирал её взглядом, ничего не стесняясь и легонько помешивая горячий ароматный чай.

— Куда пойдёшь дальше? Опять ринешься в бой? — спросила Аделия, хлопая глазками да откусывая очередной кусок от ржаной печенки.

— Собираюсь найти своего брата. Это дело нелёгкое, как я уже успел понять. Так что рассуждаешь ты в верном направлении, — улыбнулся богатырь, смотря на прекрасную смущающуюся девицу, прильнувшую к кружке и медленно отпивающую бодрящий напиток.

— С Демьяном всё хорошо? — вопрос Аделии ни в коем случае не застал Саркиса врасплох. Чёрный богатырь был готов к нему с самого начала. Однако зубы всё же предательски сомкнулись, заскрипел как петли. Эдемский маг не был равнодушен к случившемуся в Чёрном городе, хоть сам того до конца и не понимал. Он всё-таки не был бесчувственной машиной, внутри него тоже было сердце...

— Да-да... Демьян, совсем забыл... Он остался разбирать завалы и людей спасать в Чёрном городе... Вытаскивать их, помогать. Он же хороший, добрый мальчик, сами же знаете. Он никого не предавал, не волнуйтесь, и он вернётся. Я вам это гарантирую, — эдемский маг старался говорить как можно более безразлично и в целом ему удалось выговорить всё жёстко, сухо и без дрожи во всём теле.

Аделия понимающе кивнула и продолжила пить чай, больше не спрашивая о племяннике, так подозрительно не вернувшимся обратно в родную деревню.

В комнате, такой тёплой и ухоженной, воцарилась неловкая тишина. Маг ловко взял печенье и вгрызся в него, шумно пережёвывая да запивая горячим чайком. Такие знакомые стены, такой памятный пол, этот незабываемый отдых... А ведь Саркис в тот день посчитал сон проявлением собственной слабости и глупости. Как же он ошибался. Сам же ведь Саркис и был простым человеком. Он всегда был им, даже в Эдеме, даже в самом прекрасном месте на Земле...

В тот самый день он спас Аделию и услышал то, каким плохим был Демьян. Но маг тогда не поверил в эту версию. Он с самого начала поддерживал этот щит, с самого начала верил в его благую верную миссию. И Аделии он в тот день сказал тоже самое, посоветовав преисполниться оптимизма и верить в племянника. А Аделия не верила, ведь она страдала, мучилась, её избивали, её тело болело, и она потеряла веру в Демьяна, окончательно опустила руки. Но кудрявый паренёк оказался правым. Он всё сделал верно. И ведь эдемский маг в нём никогда не сомневался.

— Может ты останешься со всеми нами? — неожиданно сорвавшийся с языка женщины вопрос заставил Саркиса пошире распахнуть жёлтые глаза. — Ну правда, и нам спокойствие, и тебе жизнь хорошая... А брата твоего мы найдём, ты не переживай. Все, кто пережил нашествие этих тварей, все, кто остался выжившим в этой умершей деревне — мы все обязательно поможем тебе.

Саркис устался куда-то в бревенчатую стену, освещённую ярким уютным светом, а после отрицательно покачал головой, вновь хрустя остатками печенья:

— Прости, но вашими силами ничего добиться я не сумею. Маги из вас как из меня кухарка. Так что мне остаётся лишь покорно извиниться и покинуть всех вас.

Аделия опустила голову, явно расстроенная ответом и сейчас думающая, что именно сказать дальше.

— А тебе было страшно? — спросил Саркис, стараясь поменять тему.

Черноволосая девушка тут же кивнула, внезапно скрестив взгляд с богатырём:

— Страшно? Да, было. Даже очень. Посреди ночи стояли громкие пронзительные крики, свистел ветер, от дома к дому перебегали длинные узловатые тени... Я тогда еле убежала. Пыталась сделать всё скрытно, но пару раз практически попалась. По пути встретила остальных людей из нашей доброй компании, потом все вместе спрятались в уютном доме одного из них, — женщина внезапно схватила твёрдую мужскую ладонь, аккуратно и нежно проводя по ней своими тонкими женскими пальцами.

Саркис старался не обращать внимание, не реагировать и смиренно продолжать пить чай. Ничего она от него не добьётся, Саркис должен был быть сильным и непоколебимым, как высокая гора. Его было не пронять, не победить... Хотя он и был уже один раз полностью побеждён. Но это же ничего ровным счётом не значит, абсолютно ничего...

— Мы уже были в погребке, в тепле и безопасности когда в наш дом нагрянули эти убийцы, эти твари... Всё обошли, всеми половицами поскрипели. Нам казалось что наш конец уже настал, что найдут, убьют всех и не пожалеют... Однако они покинули здание по воле Бога и благодаря нашим молитвам... Знаешь, мне было так страшно, — она приблизилась к богатырю, по-прежнему смотря магу прямо в глаза, но сейчас с отсутствующей ранее смелостью. Она приближалась и Саркис мог видеть аккуратно выглядывающие из-под выреза небольшие, но такие соблазнительные холмики. Он мог чувствовать её приближающееся дыхание, мог видеть эти сладостные алые губы и он мог делать с ней абсолютно всё что угодно, что только душе захочется. — Мурашки, эта боль в горле, это с трудом берущееся дыхание, эта скованность в мышцах — я была уверена, что погибну. И всё время думала о тебе. О твоей силе, стати, глазах, о твоих делах и смелости... Мечтала снова увидеть тебя.

Аделия перешла на шёпот и Саркис уже практически сошёлся с нею в страстном поцелуе. Да, он мог уложить эту страстную женщину на стол и наконец войти в неё, стать с ней одним целым, услышать её стоны, потрогать миленькие груди и эти вставшие сосочки, познать и её нижние губы, с уверенностью целуя эту женщину куда угодно. Он был мужчиной и должен был повелевать. Он же был создан для всего этого, такова была его природа...

Руки Саркиса схватили Аделию за одежду, та ещё больше улыбнулась и наклонила голову, приготовившись к долгожданному отдыху с лучшим мужчиной в её жизни... Однако руки, было схватившие Аделию за одежду, лёгким движением отстранили её, заставив присесть обратно на стул, опустить взор куда-то к полу да зардеться как рябине.

Больше эдемский маг не позволит себе проиграть. Никакое природное начало да инстинкты не смогут вышибить из него, Саркиса, последний разум. Не будет плотских утех, не будет веселья и праздников, не будет горестных поражений. С гордо поднятой головой и так до самого последнего победного мига. Он не сдастся, он не будет сломлен, он не позволит женщине заставить себя прогнуться и подчиниться. Он не такой...

— Прости... Я уже должен идти. Знаю, разочаровал, но...

— Ты никак не изменился с нашей последней встречи, — спокойным размеренным тоном проговорила Аделия. — Это, считай, была проверка. Ты выдержал, ты победил, ты доказал.

Эдемский маг схватил кружку, опрокинул остатки содержимого в свой рот и улыбнулся, кладя ещё горячую кружку на освещённый мягким светом стол.

— Какая же ты хорошая, — искренне произнёс Саркис, отчего Аделия ещё больше засмушалась, тут же берясь за следующую печеньку.

— Да ладно, может я бы и вправду хотела этого... Но ты непоколебим. Даже я не могу разжечь в тебе это пламя, что обычно свойственно всему твоему полу, — да, она хотела утех, но прежде всего показала ему, Саркису, что не всё потеряно. Эдемский маг не изменился, он был готов к победам. И отныне поражений не будет. Он должен сделать всё, чтобы добраться до своей цели как можно быстрее!

— Вы тут сможете одни хоть, без защиты? — отчего-то спросил Саркис, снова скрепящая свой взгляд с её нежными красивыми глазками.

— Я не знаю. Но предположу, что да. Будем верить что ни одной твари на земле не получится пробраться в эту тихую и с виду мёртвую деревню, — улыбка её была красива, а глаза сверкали как алмазы.

«Она точно будет в безопасности. Я чувствую это. Всё будет хорошо...»

Живот скрутило. Невероятной силы спазм начинал выворачивать несчастного эдемского мага и лицо его исказила ужасная гримаса боли.

— Саркис, с тобой всё в порядке? — волнуясь как за сына спросила Аделия, с которой богатырь мог больше не встретиться никогда. Возможно, то были их последние минуты вместе, отчего живот разболелся ещё сильнее.

— Я должен идти... Я чувствую магию. Сильную и потихоньку приближающуюся. Бой я обязан дать как можно дальше от этой деревни... Ты должна меня понять, я делаю это ради вас. Я не хочу больше видеть своё бессилие и трупы, я хочу спасти как можно больше людей.

Черноволосая женщина встала со стула вместе с Саркисом, сочувственно глядя на него:

— Ты прав, тебе надобно торопиться, а я тут со своими чаями... — девушка подошла ещё ближе. Даже чересчур близко. Снова нарушила дистанцию. Снова совершила то же, что и минутами ранее.

Эдемский маг был твёрд, хоть его взор снова прошёлся по её сладким алым губам, таким соблазнительным и манящим...

— Я никогда не смогу тебя забыть, так что как найдёшь родного тебе человека, своего брата — возвращайся. А я буду тебя ждать. Всегда буду ждать, как и Демьяна.

Снова это имя и вновь страстное дыхание прямо у шеи мага. Снова наклон её прекрасной головы и плотно закрытые глаза.

Тяжёлая мужская ладонь коснулась её губ и отстранила девушку, окончательно и бесповоротно. Её глаза прошли по его телу, которое уже развернулось и пошло к выходу, более не сказав ни слова.

— Удачи тебе, Саркис, — Аделия поправила свои шёлковые волосы.

— Удачи и тебе, добрая радушная хозяйка этого уютного дома. Спасибо за чаепитие, ты предала мне сил и решимости, — богатырь поправил свои волосы цвета вороньего крыла с редкой-редкой проседью, распахнул скрипучую дверь, последний раз повернулся. — Правда, я очень благодарен тебе. Спасибо и прощай.

Маг вышел из дома и дверь захлопнулась за ним, а Аделия грустно-грустно смотрела в стену, невольно начиная искренний плач:

— Возвращайся, мой богатырь.

И больше они так и не увиделись...

Он должен был покидать деревню как можно скорее. Демиург его нашёл. Саркис это знал. Брат шёл теперь по его магическому следу и эта встреча никак не могла произойти посреди и так разграбленных и выпотрошенных домов. Хотя бы выйти к лесополосе, уйти отсюда и обезопасить всех выживших. Не дать больше никому умереть, не дать никому пострадать. Это необыкновенный спазм в животе — брат был близок к Саркису, как никогда раньше. Такая аура, такая магия, такая сила — он был всё ближе, ближе и ближе.

— Демиург, неужто это и вправду ты? Я всегда знал, что наша встреча предрешена самой судьбой!

Тяжёлой поступью он, Саркис, маг из Эдема, выходил из деревни, подальше от песков и ближе к зелёным благодатным лесам. Он шёл, постоянно чувствуя преследование. Такое сладостное и долгожданное преследование, что искренне радовало его сердце. И совсем скоро они встретятся, две родные души наконец окажутся рядом и победит только лишь святая правда.

Погода всё также радовала глаза. Яркое солнце, ясное небо, весело летающие жужжащие пчёлки, порхающие шустрые птички. То была не пустыня, то не была и влажная дождливая погода. То было спокойствие, умиротворение и размеренная прохлада.

И Саркис шёл, ибо не мог не идти. Он шёл, выманивая собственного любимого брата.

Окраины столицы были больше похожи опустошённые смертями и болезнями грязные нищенские трущобы. Акбек не любил это ужасное место, наполненное предсмертной серой атмосферой и так не похожее на величественность улиц центра столицы. Люди бегали тут в ободранных свисающих дряхлыми лохмотьями обносках, тут и там что-то протекало, и струйки воды вежливо орошали напухшую жирную чёрную землю. Улицы не менее узкие, чем в богатых и культурных районах столицы, однако стены были кривыми, изломанными, щербатыми, крыши вот-вот норовили сползти набок окончательно и бесповоротно, а проход был во много раз свободнее, просторнее, но страшнее. Нищих обмызганных горожан ходило здесь не столь и много, а все кто и был на этих улицах — обыкновенные уличные попрошайки. Вокруг них роями кружили мухи, сами они держали таблички с несомненно вымышленными недугами и протягивали ладонь, надеясь ощутить на ней несколько золотых.

— Не стыдно тебе сидеть на этой набухшей от влаги грязи? Не стыдно тебе просить денег ни за что? — огорчённо спросил Акбек, читая текст на небольшой коричневой картонке: «Подайте слепому на пропитание»

Лысый маг улыбнулся, подходя к воняющему старику всё ближе и ближе.

— Не могу работать... Видите — ослеп я. Хоть бы текст читали, спрашивают тут всякое, — проворчал нищий старик.

Акбек оказался совсем близко. Подвыпустив ману, он дал ей волю, заставил течь от пальцев, формируя острый желтоватый кинжал.

Попрошайка уже успел сглотнуть:

— Я что-то чувствую... Вы маг?

— Ты можешь не только чувствовать, но и видеть. Поверь мне. В противном случае,

кхм, ты не сможешь уклониться от моего молниеносного магического оружия.

Старик услышал свист летящего на него клинка, задрожал, сглотнул, сжался и тут же распахнул глаза, ложась на землю и молясь о спасении.

И он видел и оружие, и это смеющееся хитрое лицо Акбека, так похожее на лицо хитрой гиены:

— Теперь убирайся отсюда, слепой. Слепа твоя душа, а сам ты здоров как бык. Проваливай отсюда да молись, чтоб я украденное тобой у прохожих золото с собой не взял.

Старик, запыхавшись, схватил корзинку и почавкал по грязи, весь такой жирный, вонючий и лживый.

— В следующий раз убью! — прошипел себе под нос Акбек, сжав зубы и поспешно отвернувшись. Он ненавидел подобный сброд. Всех этих лживых подонков, отбирающих чужое, гнусно лгущих и живущих за чужой счёт.

Акбек пошёл дальше, хоть по дороге и встречалось ещё множество этих нищих обманщиков, многим из которых, несмотря ни на что, сыпали деньги в их корзины. Мир здесь был жесток, страшен и неправилен. И это то в самой красивой и белоснежной столице в Нижнем мире...

Маг, так ярко сверкающий лысиной, в этих свободных мешковатых одеждах, вышел из тёмной потерянной узкой улицы и тут же оказался на людной площади, лишённой того изящества и роскоши, присущей большинству здешних рынков. Обычные захудалые магазинчики со скудной снедью, потерянные люди, проживающие свою нищенскую жизнь, забитые воняющей грязью дороги и больше ничего примечательного. Обычный район потерянной жизни, жизни нищих и всех тех, кому не повезло не родиться в богатой семье на роскошной улице в прекрасном, белоснежном коттедже.

Зоркий соколиный взгляд остановился на небольшом вытянутом сарае, выложенным из прогнивших и провисших досок.

— Приветствую! — бодро отсалютовал лысый маг, смотря на злого и явно скверного нравом мощного мужчину, под ноги которого Акбек небрежно бросил звенящий коричневый мешочек. Хозяин конюшни сразу же подобрел и нагнулся, цепляясь за него пальцами да неверяще подбрасывая, словно держа в руках целый дворец.

— Хорошего отдыха. Потрать их так, чтобы разбавить свою скучную повседневную жизнь, — весело промолвил маг, запрыгивая на прекрасную белую лошадь да стуча ногой ей по боку. Животное завертело головой, заржало и тронулось с места под благодарным взглядом ещё совсем недавно такого злого и убитого жизнью владельца всей этой убогой конюшни.

Лошадь поскакала по грязным улицам, оставляя позади этот убогий пригород столицы всего магического королевства. Животное тут же ускорило, будто бы радуясь освобождению из этого нищего рабского мирка. Может быть она тоже почувствовала эту свободу и этот вольный ветер, что сейчас ласкал её бёдра и трепал шелковистые белоснежные пряди.

Вот по бокам показались низенькие бревенчатые домишки. Наверняка небольшая деревушка, где и знать не знают ни о войнах, ни о магии, ни об интригах и разногласиях, что повсеместно царят в высшей правящей элите. Лошадь радостно заржала, отныне обретшая невиданную ранее свободу. Животное поскакало по первым улицам, выложенным из камня, а где-то рядом, буквально в паре метров на скакуна посмотрели жёлтые звериные глаза самого сильного человека в мире, сплошь одетого в чёрные одежды: обтягивающую куртку,

изорванную, но от этого не становящуюся нищенской; в штаны, цвета вороньего крыла и в громко ступающие по земле ботинки. Эдемский маг понял и направление скачущего, видел он и радость на лице Акбека. Саркис это запомнил и был уверен, что момент был важным, ни в коем случае не случайным...

Видел скакуна не только эдемский маг, подозрительно проследивший путь лошади до самого-самого горизонта. Наблюдали за Акбеком и шустрые птички, и юркие мелкие насекомые, и высокие приветливые деревья, и мелкие шумные кусты — природа приветствовала слугу Авиада, до конца готовому служить своему господину. Но правда ли такому уж верному и готовому служить Авиаду до самой смерти?

Лошадь заехала на улицы покинутой и тихой деревушки. Всюду было пусто, всюду было не видно ни одного человека. Округа казалась мёртвой и отныне никому ненужным брошенным самим Богом местом. А ведь деревня была по-настоящему хороша, уютна и зажиточна. Лучше любой трущобы, лучше самых страшных пригородов.

«Ни единой души. Авиад зачистил и эту деревню. Ему позарез была необходима магия. Причём в огромных количествах, судя по здешним зачисткам. А это означает лишь фактическое наличие башни Флотлер и доведение последних штрихов до идеала. Башенные маги её достроили... Прекрасно» — улыбнулся своим мыслям Акбек, продолжая крепко держаться за поводья да следить за петляющей дорогой.

Вот конь выехал из деревни, продолжая преследовать пока что непонятные цели. Деревья приветливо встречали скакуна, огромные просторные поля ярко желтели свежей пшеницей, а где-то неподалёку, буквально в пятидесяти метрах, проскакал длинный вооружённый строй, который преследовал только ему видимые цели. При доспехах, шлемах, кольчугах, Акбек видел строй солдат, очень спешащих и явно волнующихся. Их было несколько десятков, достаточно для какого-то небольшого дельца.

«Интересно, и из какой же армии эти воины? Какой архимаг им мог отдать приказ покинуть поле боя? В такой то ответственный и важный момент?»

Всадники уже исчезли из виду, растворившись за кронами далёких зелёных деревьев. Вопросы Акбек предпочёл поскорее запрятать куда-нибудь подальше и до поры до времени не доставать оттуда. Рано или поздно всё встанет на свои места, а пока его, лысого мага, цель — наблюдать. Молча наблюдать, а может и мало-помалу участвовать...

Тропинка, лихо петляющая между полями, речками да лесами, наконец заканчивалась, обрываясь и перерастая в гигантское поле, одно из самых больших и красивых в Нижнем мире. Однако типичная природная красота в этот раз не радовала глаз Акбека: от края и до края раскинулось огромное вооружённое воинство, и конца ему было не видно. Оно терялось в далёкой туманной дымке и дыхание мага пресеклось:

— Неужели я стану свидетелем самого громкого и важного события в истории? — он верил и не верил в одну секунду, одновременно ища ещё одного своего повелителя и господина. — Вальтер, где же ты? Я пришёл тебе на помощь, как и обещал!

Лошадь заржала, замечая взгляды солдат из тыла. А лысый маг всё ещё искал второго господина, надеясь, что сможет пробраться к нему до начала масштабных сражений.

Отделившиеся от двух войск, первые смелые ряды по-прежнему бились, ярко сверкая сталью, и ни одна из сторон не хотела уступать другой. Да, армия Либерта потеряла уже по меньшей мере четырёх бойцов и ситуация с каждой секундой накалялась всё больше и быстрее. Их теснили, давили, искренне ненавидели — и каждый из предателей не мог нанести даже малозначительную рану верующим в Бога воинам света. Казалось, их защищает сам Бог...

Мечи вспарывали воздух, громко сшибались, пот слетал с их голов на землю, а крики яростно взвивались над прекрасным местом, сегодня ставшим громадной кровавой баней.

Акбек скакал вперёд, а войска тем временем освободили для него достаточно широкую дорогу. В какую-то секунду маг даже почувствовал себя особо важным и нужным на поле боя, хоть это было в корне неверно. Всё-таки магом Акбек был слабым и любой солдат бы переплюнул его в искусстве управлять маной.

Издали лысый маг видел и слышал развернувшееся по всему фронту первое сражение. Видел он и крылатых огненных драконов, так и ждущих команды поскорее изжарить бьющихся и понемногу отступающих неверных врагов. Видел он и три фигуры, словно бы замеривших и ждущих финала развернувшейся на поле боевой картины.

— Вот и они. Архимаги, — обозначил для себя Акбек, окидывая своим соколиным взором расступившиеся пред ним верные войска. Они дали дорогу и хилому по силам магу, и задорно ржущей ретивой лошади, так наслаждавшейся наконец-то воцарившейся свободой.

Битва продолжалась. Натиск мечей слуг Бога был настолько агрессивным и мощным, что враг еле крутил собственным оружием в руках. Петли, пируэты и непредсказуемые выпады попросту тонули во вражеской силе и в неистовом напоре. Змеи, что так долго витали над вступившими в бой шеренгами, наконец вступили в действие. Пламенные струи рухнули вниз, закапав на дорогие и блестящие доспехи. Те зашипели, поддались огню, выгнулись, начав плавиться, и множество врагов тут же бросили мечи, под продолжающимися яркими жидкими обстрелами, под которыми любая сталь становилась изогнутой и бесполезной.

Магический натиск был не менее силён и опасен. Драконы вырыгивали огонь под шумные ликования окончательно набросившихся на врагов слуг Церкви Господа. Мечи входили в плоть и тут же плавно выходили, разрубая жертву да позволяя ей вольно падать на сырую землю. Вражья шеренга окончательно разбилась, предалась магии и стали, подогнулась под славными верными мечами. И ведь со стороны трёх архимагов не погиб ни один бравый воин. Все здравствовали и продолжали бороться, не снижая ни напора, ни силы, ни решимости.

Акбек с упоением глядел на схватку и его сердце распирало — на его глазах начиналось самое страшное противостояние, мировая магическая война всех архимагов. И слуги Господа были так подготовлены, так уверены и так прекрасны, так изящны, смелы и смекалисты в бою, что ни одно слово не могло описать что же значило для лысого мага нахождение в этом гигантском победоносном строю.

Магия была готова вот-вот сорваться с кончиков пальцев любого воина, особенно тех, кто ликовали, смотря на погибающих под огнём предателей, мерзких людишек, что пошли против Церкви Господа и нерушимой веры в неё. Они погибали под сталью, с мольбой

смотря на своих убийц, надеясь на пощаду, однако воины света были непоколебимы и их мечи всегда довершали своё кровавое дело, плавно выходя из обмякших, испутивших дух тел. Тела валялись наземь, обглоданные огнём или же искромсанные длинными стальными мечами. Предатели один за одним падали, дабы не подняться больше никогда.

Змеи с шипением растворились в воздухе, оставив воинов света добивать уже задрожавших и начавших бежать солдат архимага Либерта.

— Получай, скотина! — выкрикнул один из магов, продолжая губами читать молитву да крутить в руке юркий меч. Полукруг, мощная дуга, разворот и удар с размаха — к сожалению враг отбивал каждый удар каждый же выпад, не позволяя продвинуться ни на шаг вперёд. Внезапно вражеский меч нашёл лазейку и наотмашь прошёлся по воину Церкви Господа, перерубая его на части. Следующим взмахом враг срубил солдатскую голову святого мага.

Акбек увидел это и ужаснулся, не поверив в первые потери трёх архимагов. Наблюдал лысый маг и за молниеносным уничтожением того самого солдата из вражеской армии, на которого навалились сразу пять мечей отмщения, рубившие за Бога и за Церковь Господа.

Битва стихала. Оружие порхало не столь страстно, а оставшийся противник бежал к приготовившимся к бою собственным боевым порядкам. Солдаты Церкви Бога также начали отход на исходные позиции. На славном поле битвы уже лежало множество тел, залитых густой алой кровью. С ними рядом лежали их мечи и прочая отныне бесполезная сталь. Лежали и книги заклинаний, и какие-то другие единично встречающиеся артефакты.

— Какая красивая, но одновременно кровавая битва, — восхитился Акбек, внезапно ощутивший ускорившийся ток маны по жилам защитников Церкви Господа. Наступала магическая стадия. Наступало начало магической войны архимагов. И выиграет в ней сильнейший!

Акбек окинул взглядом округу. Либерт по-прежнему сидел на коне, словно каменное изваяние, не двигаясь и даже не моргая. Ни один погибший за него солдат для архимага ничего не значил. Очередная жертва в его хитрой паутине, просто ещё одни погибшие вследствие таинственных и непонятных целей бледного тощего архимага.

— Добро пожаловать, мой слуга! — поприветствовал Вальтер, что повернулся к лысому всаднику и представил его остальным явно напряжённым архимагам.

— Кто это такой? Он пришёл помогать нам в этом трудном военном деле? Или захочет отсидеться, поджавши хвост? — весело поинтересовался Дамир, потрагивая пушистое перо на своей широкополой шляпе.

— Маг ты, судя по ауре, не столь сильный, однако в глазах твоих я вижу мудрость — вставай рядом с нами. Твоя помощь вполне может пригодиться, — высказал мнение Адонис, уже в который раз доставая тяжёлый крест и смачно целуя его своими старческими губами.

— Спасибо вам. Я постараюсь оправдать ваше доверие и помочь всем чем смогу! — властным сильным голосом провозгласил Акбек, спрыгивая с лошади, хлопая её по белоснежному боку да приказывая выпустить её погулять на соседние просторы. Ведь она, как и человек, тоже мечтала об истинной свободе...

Больше с красивой белоснежной лошадкой он так и не увиделся. Её увели с поля боя и выпустили, позволив вольно скакать по красивейшим полям Нижнего мира. И лошадь задорно ржала, цокая копытами да удаляясь от поля великой битвы.

А Акбек же, волей судьбы, встал плечом к плечу с самыми сильными магами на земле. Со стариком, внешне обманывающим врагов своей якобы дряхлой плотью, с Вальтером, с этим таинственным и непознаваемым архимагом, и с Дамиром, выглядящим как лидер

местной преступной группировки. Акбек встал с ними рядом, чувствуя наступивший момент и подготовленную к пуску ману. Да, сейчас начнётся что-то легендарное и победа точно будет за Церковью Господа, Акбек верил в это, вопреки интригам своего второго господина — гнусного и эгоистичного старикана Авиада.

Да, лысый маг всегда был двойным агентом, прислуживая силам Бога и одновременно с этим являясь неотъемлемой частью Плана. Акбек хотел посмотреть финал, хотел увидеть истинного победителя, понаблюдать за битвой самых сильных людей мира. То была его мечта — досмотреть этот диковинный длинный сериал, не поддерживая какую-либо сторону, осознавая правду, что крылась за спиной каждого участника войны, принимая силу всех сторон и ожидая конца. Он был наблюдателем, а не фигурой. Не пешкой, ни слоном, а просто смотрящим, наблюдающим, в грубой форме может и потребителем. Акбека всегда привлекало это. Больше жизни он обожал наблюдать интересные, сложные и неоднозначные партии, наблюдать за шахматной доской, ни делая никаких ставок и с улыбкой надеясь на достойный конец. Ведь концы всегда должны быть достойными, он верил в это, как и начинал верить в его скорое приближение.

Всё произошло стремительно. Ожидание и так затянулось, более смысла в этом не было.

— Враги уже у наших ног! Они пали от наших мечей, от наших заклинаний, от одного нашего взгляда! И мы разгромим их! — уверенно кричал Вальтер и его голос зловеще звучал сквозь плотную крепко натянутую маску.

— Пришло время решающего сражения! Все предатели будут разгромлены и поплатятся за все свои грехи! — хитро улыбаясь, Дамир громко вторил Верховному архимагу, гордо смотря вперёд да сильно выпячивая грудь. — Либерт... Ты обязательно должен быть уничтожен! Гнусная тварь, дрожащая собака, за все твои грехи тебе давно уготовано место в аду! — гневно восклицал так похожий на ковбоя архимаг, смачно сплёвывая да потопывая ногами от ярости, будто бы и вправду обуянный злобой на бледного и тощего Либерта.

— Да придёт с нами сила! Правда за нами! Наши молитвы не были зазря, я точно это знаю! — говорил Адонис, мягко улыбаясь и потрагивая седую длинную бородёнку. К смерти он начинал привыкать, со смертью все были теперь знакомы.

— В бой! — Вальтер вскинул руку, указывая на готовых к бою врагов и в последний раз смотря на Либерта... Бледность и безмолвие, робость и трусость, он словно бы застыл, до сих пор ничего не осознав и не смирившись... — В атаку!

Огромная воинская лужа вздрогнула, словно медведь, просыпающийся от долгой спячки. Воздух запах магией, а рядом с каждым статным уверенным магом ввысь взлетела сверкающая раскрытая книга, у каждого своя и у каждого по-особому мощная.

Строй противника тоже вздрогнул, наверняка приготовившись к стойкой обороне. Воздух заискрился маной и содрогнулся так сильно и так мощно, что Акбек даже затрясся всем телом, поёжился и закрыл глаза, ощутив как бурлящая магия фактически вырывалась из тела каждого-каждого мага.

Книги заклинаний засветились мягким магическим светом. Мана наконец наполнила их до отказа и теперь сами воины ожидали заклинания, а книги всё молчали, молчали и молчали. И только лёгкие искорки летели над ними, порхая над страницами словно маленькие птички.

Страницы засветились ещё ярче, ещё сильнее, ещё отчаяннее, и наконец в воздух

взметнулись молниеносные обильные заклинания, что буквально разрезали его на тонкие струящиеся лоскуты и дугой перелетали раскинувшееся на множество километров громадное войско. Солнце неожиданно померкло, небо потемнело, а над головами дугой изогнулась разноцветная диковинная радуга. И юркие быстрые молнии, и несущиеся вперёд с шипением огненные шары, и плотные голубые водяные мячики, и неистовые ветра, и небольшие торнадо, несущие лишь смерть да разрушение, и иной раз попадавшиеся белые снежки, совершенно не тающие под теперь уже редкими солнечными лучами, и шипастые розы, летящие словно острые быстрые стрелы.

Целая одна большая длинная магическая бомба сорвалась с артефактов и дугой направлялась на врагов. В воздухе поднялся ужасный шум, маги Церкви Господа замороженные смотрели в небо, на яркую шумную радугу, а Либерт так и не поднял свои усталые глаза. Ему будто всё опостылело, он словно бы умер, без намёков на жизнь. И никакая магическая атака не могла привлечь его убитое внимание...

— Господин Либерт! — тряс его за плечо вспотевший рядом стоявший солдат, всё чаще посматривающий на сверкающее яркими всполохами небо и, то и дело, нервно поправляющий тяжёлый шлем. — Кому говорю! Да очнитесь вы!

Мягкая рука плавным жестом опустилась солдату на плечо и тот перестал трясти, посмотрев на своего архимага, всё ещё сидящего на лошади:

— Готовьтесь к обороне. Поставьте щит, отразите магию любыми средствами, а потом мы контратакуем, — тихим, спокойным и шелестящим голосом пропел Либерт и солдат тут же вернулся к своим побратимам, провозглашая нерушимый приказ лидера башни.

Войско молчало, смело глядя на яркие радужные цвета несущихся разрушительных заклинаний. Огромная волна, смерч, град, дождь неслись вперёд, на них, на всех сразу, мечтая уничтожить, испугать, заставить отступить... Но войска были готовы идти до конца. Либерт пообещал каждому из них свободу, а причин не верить ему ни у кого не было. Его, архимага, положение было и так тяжёлым, врать было сейчас бесполезным и глупым делом.

Вражеские книги взмыли в воздух. Артефакты дружно засверкали зелёным мягким светом, тут же затопив каждую шеренгу в нерушимом и смелом строю. Шелест магии, прочерчивающие небо косые дымные дорожки, грохот и шипение — небо буквально потонуло в ужасной по мощности атаке. В атаке, что в теории могла снести всю подошедшую армию предателей, оставить от неё лишь клубящийся пепел да остатки мечей.

Зелёный свет яростно вспыхнул, заверещал, и крупный щит раскинулся от края и до края, таинственно и враждебно поблёскивая да источая волны дикой высвобождённой силы. Огромная волна, громкий дождь, по-прежнему неслись, достигнув самой высокой и пиковой точки, самой важного и решающего аккорда, такого разнообразного, яркого и разрушительного, так неистово освещающего всё поле и множество миль окрест этим диковинным разноцветным салютом.

Казалось, заклинания зависли в воздухе, не в силах наконец начать своё отвесное стремительное падение. Архимаги пристально, но с явным удовольствием смотрели за праздничным салютом, не в силах отвести взор и каждый в строю за их спинами был не в силах купировать это неожиданное боевое возбуждение. Солнце больше не было, не было и неба. Осталась только громадная волна из всего, что только было возможно: ветра, огня, воды, снега, металла, песка — в этом мощном ударном кулаке была вся мощь магического союза архимагов.

Щит всё также мерцал, необыкновенный ало-зелёный щит, словно панцирь черепахи,

словно ласковое лёгкое одеяло, укрывающее каждого вооружённого солдата Либерта. А бледный как моль архимаг всё также не шевелился, будто бы и не зная о той беде, что достигла сейчас самой высшей точки в небе.

Порождения природы замерли и внезапно продолжили ход. Магическая волна, от мощности которой у воинов Церкви Господа неистово заболели виски, низринулась вниз тысячами ярких огней, быстрых росчерков и громкого, раздирающего уши, стремительно приближающегося воя.

Щит стоял и должен был стоять до последнего. Мана всех солдат, плечом к плечу стоящих в войске предателя, подпитывала пышущие жаром и ревущие от магии артефакты, а те держали щит. Зелёный, с лёгкими крапинками, мерцающий, но выглядящий так убедительно и надёжно...

Магия Церкви Господа опускалась много быстрее, чем поднималась ввысь. Крутая дуга наконец завершалась, и три архимага, широко улыбаясь, наблюдали за практически дошедшими до врагов магическими атаками. Кое-где пламенные болиды да мелкие снежки уже касались мощного прикрывающего всех и вся щита, и те лишь таяли, словно пожираемые ярко-зелёной мерцающей магией.

Небольшие торнадо прокрутились в воздухе, закружились в своём неясном танце да рухнули к врагам, выдерживая напор лишь несколько доблестных минут. Любой завихрённый ветер практически сразу расточался и развоплощался, разлетаясь в виде мелких-мелких частичек. Пламенные шары летели следом и также рассасывались под натиском будто бы живого и мерно дышащего зелёного организма. Сама волна стремительно летела вниз, освещая ярким ужасным разноцветным светом всю округу, мчась, словно одна огромная стрела, а её наконечник, острый и готовый вспарывать животы любым врагам, уже давно пыталась продавить щит. От мощи гигантской магической стрелы затряслась земля, зашептались неверящие своим глазам войска, загудел весь окружающий воздух.

— Мы докажем, что сильнее и сплочённее! Мы покажем предателям где их место и сподвигнем на позорное бегство! Магия — за сильными! Магия — за правдой! — восклицал Вальтер и маги за плечами одобрительно зааплодировали, уже с трудом глядя на сверкающее блистательное магическое противостояние.

Вот наконечник опустил, вот вся магическая стрела начала терять форму да преобразаясь в бесформенную кучу из множество заклинаний. Взрыв яростно прокатился по полю. Взрыв страшный и закладывающий уши, а за ним уже шла целая стая мелких, но не менее победоносных и громких. Яркие вспышки сверкали по всему периметру длинного щита, зелёные небольшие осколки разлетались в стороны, а местами оборона прогибалась вниз, не в силах противостоять невероятному давящему напору.

— Посмотрите! Они обречены на поражение! Победа за нами! — радостно верещал молодой архимаг Дамир. И ведь Вальтеру и вправду показалось, что в этот момент он радовался как маленький ребёнок, подпрыгивающий и кричащий, радующийся полученным конфетам...

Бомбардировка яростно верещала. Белые взрывы и снопы искр, дым и яркое живое пламя, прогибающийся щит, в котором понемногу растворялись мелкие заклинания — магическая атака была поистине сильна. Враги продолжали стойко держать оборону, хоть и с трудом. На противодействие нужно было столько сил, столько маны, гораздо больше чем то, что потратили воины света. А яростные белые взрывы всё продолжались, громко раздаваясь в ушах да радуя глаза каждого мага, искренне верящего в Бога. Цепочками они

ши и шли, а за ними, как огромные опасные астероиды, низвергались, словно дождь, остальные заклинания.

— Прогибается... Щит, он...

— Успокойся! — посмеялся над солдатом рядом стоящий воин, пристально смотрящий на радужно-бело-зелёное представление, из которого вся вражеская армия без какого-либо урона выйти отсюда точно не могла. — Просто смотри и возрадуйся — всем предателям скоро настанет конец! Неотвратимый и страшный конец!

Уши закладывали громогласные магические разрывы, всюду окрест неслась потраченная ужасная сила, болиды всё ещё катапультировались, однако в воздухе их оставалось всё меньше. Молнии, пески, ветра, вода, земля, штыки, зачарованные мечи, изворотливые огненные змеи — все они со свистом летели вниз и грохались о преграду. Кто растворялся в ней, кто разбивал её небольшую часть вдребезги, кто усиливал напор и тогда зелёный мерцающий ковёр начинал гореть ещё ярче, начинал шипеть, попутно искря и прогибаясь под опрокинутую на него магию.

— Щит более не выдерживает. Я думаю в ближайшие секунды сразу в нескольких местах их магическая оборона падёт! — провозгласил Дамир, поворачивая голову к покусывающему губки от волнения Адонису да бросая взгляд на статного и величавого Верховного архимага, сейчас убравшего руки за спину и гордо выпятившего грудь. — Либерт достоин уничтожения. За всё это время он ни разу не постарался опровергнуть тяжёлое обвинение в свой адрес, не пытался прекратить бойню, его лицо бледно, непонятно, но явно недружелюбно...

— А ещё что я заметил, — перебил молодого архимага Вальтер, всё ещё приглушенно говоривший сквозь маску. — Как только этот гнусный предатель оказался у нас на глазах, ступил на это прекрасное поле, он уже всё знал. Знал и о нашем походе, и об том, что мы искали предателя, а не Эрика Мартена и его Чёрный город... Либерт лгун и преступник! Всё указывает на это! Бледная собака должна получить сполна за свои злодеяния, это говорю я — Верховный архимаг всего нашего союза и глава всей грешной земли!

— Вы правы, с таким полководцем как вы победа будет за нами! — поклонился Дамир, а разогнувшись отвернулся, внезапно со смехом смотря на бойню и широко дьявольски улыбаясь. — Да будет так! Мы обязаны стереть в порошок всех этих негодяев, которые осмелились отвернуться от Отца Создателя и примкнуть к тёмным силам! И мы победим, смотри на их щит, смотри внимательно и наблюдай!

Что происходило сейчас? Он не знал. Он не ведал этого. Видел лишь яркие отсветы на пригнувшейся, будто бы испугавшейся, траве, чувствовал мощные магические колебания, крем уха даже слышал громогласные разрывы падающих явно откуда-то сверху мощных заклинаний.

Удирать было никак, да и некуда. Слишком много зла и бесчестия он совершил... Родные ему люди остались один на один со своей нищетой, тяжёлой судьбой и голодом. Родители, его добрые и любимые родители, красавица жена и маленький-маленький ребёночек — Либерт бросил всех, оставил их как последний безответственный трус. Он устал работать для них, он боялся новой ответственности, боялся этого голода и этих упрёков жены... Он их всех предупреждал, но к нему относились как к рабу, словно вся его работа была обязательной, неотвратимой, словно он был не человеком, а бездушной металлической машиной. Будучи единственным кто зарабатывал деньги, весь дом, всё хозяйство и каждый

родной ему человек зависел полностью от него, от Либерта. А вместо благодарности и уважения он получал разве что упреки да накиданную на него сверху грязную домашнюю работу.

Жена попрекала, будто бы никогда не любила, сын неистово кричал, вечно капризная да отталкивая от себя тощего бледного родного отца, родители же практически не общались с сыном, при этом просто обожали приносимые им деньги и в благостный день зарплат буквально кидались Либерту на шею, притворно улыбаясь ему в лицо да целуя в щёчку.

Иллюзия жизни. Иллюзия любви. Иллюзия семейного очага. Он больше не мог выносить тот ад, тот страшный котёл. Да, наверняка за столько лет они все передохли, однако Либерта это больше не волновало. Наступал миг расплаты за все грехи. Смерть уже ступила на это огромное поле и не было больше спасения. Бегство от семьи, бегство от самого себя, попытка бегства из этой магической башни, что словно тюрьма заточила его в четырёх стенах. Он много раз убегал, он множество раз не выносил трудности и сдавался, и вот настал тот самый миг, когда уйти не получится, самое главное испытание в жизни придётся пройти, а после — героически умереть. Эта битва, это поле боя — единственная возможность искупить грехи, ответить за все преступления и предательства, доказать, что даже он был способен взять меч, воодушевить войско да доблестно пасть в сражении с самыми сильными людьми в Нижнем мире.

Его жизнь утекала, сейчас напоминая песочные часы и последние сыпавшиеся вниз песчинки. И эти песчинки быстро-быстро падали сверху, ровно как и обрушивавшийся на его верных воинов страшный колдовской ливень.

Теперь он не сдастся. Он и так много потерял из-за своих побегов и быстрых ног. Буквально растоптал всю свою жизнь, обрёл любимых на страдание, на голод, на смерть, многих и многих убил ради Плана, из которого так и не смог вырваться. Демиург и Дамир... Гнусные мрази. Это они не позволили покинуть План. Это из-за них он мучился в шкуре архимага... А может всё это было наказанием за побег от любимых, за побег от жизни, от ответственности, он реальности? Всё уже было неважно. Бог позволил всему этому случиться и последнее отчаянное желание — пожить простой обычной жизнью сапожника, а может и слесаря, а может и ещё кого — попало под ту самую бомбардировку, под отвесно падающие с неба заклинания.

Теперь он смотрел лишь вперёд и у него был лишь один шанс изменится и стать другим, ведь совсем скоро Либерта настигнет смерть...

Щит прогибался. Медленно и мучительно, но он поддавался неистовому магическому напору. Последние заклинания грохнулись о его зелёную мерцающую поверхность, та отчаянно вздрогнула от многочисленных слепящих глаза взрывов, сотрясающих воздух и сверкающих множеством пламенных брызг.

Хор ликования пробежал в строю многочисленных войск Церкви Господа.

— Ура! Ура! Ура! Мы победим! — воздев голову к небу кричал каждый-каждый маг под неистовым треском огромного вражеского щита. В нескольких местах, где удары были особо сильными и мощными, щит трескался и абсолютно вся магическая сила, ещё не расточившаяся на поверхности, рушилась на головы врагов, так и не успевших проститься с жизнью. Битва, толком пока не начавшись, уже перешла в кульминационный момент. И только война решит за кем именно здесь правда...

Всадник был потерян из виду, растворившись где-то за горизонтом. Подозрительно и вольно скачущий, он словно бы испарился, заставив Саркиса остановиться и всмотреться в даль.

— Интересно, и что же ему понадобилось в той деревне? Надеюсь этот не член той группировки жестоких убийц? — вслух озвучил эдемский маг, потянувшись, хрустнув костями да убираясь по дороге, всё дальше и дальше от Аделии и других непричастных к этой истории простых обитателей, кому не повезло родиться именно в таких небольших населённых пунктах, находящихся в дали от цивилизации.

Сын Бога всё шёл и шёл. Огромное ржаное поле сменялось лёгкой просекой, небольшая деревня, тоже пустая, одинокая и брошенная, явно убитая и безлюдная, сменялась унылыми, топкими болотами, над пузырящейся и булькающей водой которых летали целые рои назойливых комаров.

Саркис отмахнулся раз, другой, раздавил кого-то на своей коже, куртке, штанине, как следует ругнулся, но продолжил идти.

Издали раздавались некие отдалённо знакомые звуки. То ли чей-то разговор, то ли какая-то местная бойня, то ли мерный стук копыт о твёрдый дорожный камень. Эдемский маг склонялся именно к последнему.

— Шум неявный, но я точно слышу — несколько десятков всадников. Явно куда-то спешащих, ведь цокот то мерный, то стремительно меняющий свою скорость. Точно торопятся, тоже в сторону деревни... Чёрт, не стоило оставлять Аделию одну! — Саркис сжал кулаки и наконец поднял взгляд.

Болота сменились раскинувшимися вдаль широкими жёлтыми полями свежей пшеницы. Будто песчаное море, поля легонько колыхались под небольшим, целом довольно спокойным ветерком.

Иной раз взгляд мага улавливал одиноких потных работяг, трудолюбиво работающих своими старыми, ржавыми косами. Работяги собирали урожай и никакая седая грязная борода не могла стать причиной даже для небольшого отдыха. Они были обязаны работать до самой смерти и собирать урожая столько, чтобы хватило не только в качестве налога правительству, но и хватило им самим на дальнейшее существование, хоть могли оставаться одни лишь жалкие крошки.

Их было немного, этих бедных работающих людей, но Саркису отчего-то всё это казалось ужасно несправедливым, бесчестным, неправильным. Именно поэтому Нижний мир следовало менять, преображать, улучшать. А если вдруг никакие улучшения помочь не смогут, тогда было необходимо уничтожить на корню весь этот ад для людей! Ни мучений, ни грехов, ни смерти, ни магии, словно яд отравляющей душу каждого жителя Нижнего мира.

Живот всё ещё болел. Демиург учуял своего брата и теперь неустанно шёл за ним, не останавливаясь ни на секунду и стремительно сокращая расстояние до брата. Брат. Как много в этом слове. Особенно если он — тот человек, встреча с которым предрешена самой судьбой!

Демиург был близко, очень близко. Любой бы мало-мальски штатный магишка учуял бы эту неистовую мощь, силу, сносящую с ног ауру, что распространялась далеко окрест, словно

бы подзывая всех к себе. Даже не всех, а только его одного, только Саркиса. Судьба сводила их вместе, дабы вернуть им давно утраченный Эдем. Дабы устроить ту самую встречу двух родных братьев...

Тем временем цокот был уже буквально под носом и жёлтые звериные глаза Саркиса наконец выцелили несущуюся вдоль полей колонну всадников, достаточно длинную и неплохо экипированную, готовую к сражению с предположительным противником. Несколько десятков человек пытались как можно быстрее пересечь и поля, и болота, и небольшие лесные массивы, стремясь в кратчайшие сроки куда-то добраться. Но куда? Они так озираются, будто нет у них при себе карты, словно едут они по этим дорогам чисто на интуиции, надеясь, что рано или поздно они смогут добраться до своей цели. И отчего-то эдемский маг чувствовал — этих всадничков лучше никуда не пускать и остановить здесь, посреди двух жёлтых будто бы живых полей, иначе... Беды имели обыкновение множиться! Неизвестно, куда и для чего так спешат, могло произойти всё что угодно.

Мана в ту же самую секунду прильнула к рукам. Саркис нагло улыбнулся, в который уже раз наслаждаясь предвкушением боя, а он сам и не сомневался в том, что атаку стоит нанести первым, сразу нанося скачущим сокрушительное поражение.

Колонна стремительно приближалась, такая угрожающая и вооружённая до зубов... Саркис всё же сначала постарается их остановить, вынудить на разговор, в случае чего отпустить на волю, не лишая их жизни. Но если сговорчивыми и понятливыми они не окажутся... Тогда совсем скоро их длинной скачущей колонне придёт неотвратимый и страшный финал!

Эдемский маг встал прямо по центру достаточно узкой дороги, начиная махать своими руками в знак того, что всадникам, стремящимся в кратчайшие сроки пересечь намеченное расстояние, было необходимо немедленно остановиться. Саркис махал руками бодро, широко, даже что-то выкрикивал подступающим к нему солдатам. Но те даже и взглядом не повели, даже бровью не шелохнули, всё продолжая и продолжая упорно скакать на своих быстрых лошадях.

— Ну что ж, это лишь ваш выбор, — грозно промолвил маг, чувствуя забурлившую в жилах чистую готовую к бою магию.

— С дороги! — выкрикнул самый первый в колонне, возможно командир этого небольшого отряда. — Прочь! Прочь! Убирайся! Именем архимага!

«Архимага?» — посмаковал эту мысль эдемский маг, широко и по-звериному улыбаясь и наконец зажигая свои руки ярким и бодрым огнём, от танца которого ввысь полетел целый салют из ярких, мелких, рыжих брызг.

Пламя вспыхнуло ещё ярче, ещё сильнее, а руки устремились вниз, тут же вгрызшись в твёрдую землю. Дорога немного задрожала, пропуская сквозь себя неистово кричащее пламя. Оно ушло куда-то в земную толщу, скользнуло куда-то глубоко-глубоко и внезапно помчалось наверх...

Колонна солдат ещё больше сблизилась с Саркисом. Такие уверенные в себе маги, по поручению архимага сейчас пересекающие эти будто бесконечные километры... Что ж, было бы неплохо охладить их пыл и всё разузнать.

Пламя где-то в толще земли встрепенулось, разделилось, сконцентрировалось, туго свернулось, и на поверхность, разбрызгивая множество едкой, мелкой пыли, вырвалось несколько десятков плотнейший огненных столбов, с сумасшедшей скоростью пронзающих ничего не подозревающих лошадей. Их большие, живые глаза закатывались и животные

громко падали, хороня под собой множество солдат, одежда которых в ту же секунду занималась игривым жарким огнём.

Солдаты беспокойно махали руками, кто-то отчаянно прыгал, кто-то громко верещал — все занялись попытками стряхнуть с себя языки-порождения рыжей стихии. Ловким звериным взором Саркис отыскивал на дороге живых и здоровых, смотрел им в лицо, задавал неудобные вопросы, не получал ответа и только после этого вонзал свой мощный богатырский кулак очередному солдату в живот, окропляя землю кровью, сжигая мага изнутри да смотря на затухающий огонь в его глазах.

Лошади помирали почти сразу, маги тоже в последние разы вздымали свои грудные клетки... Их было около сотни и все они теперь лежали на холодной песчаной земле, не в силах помочь себе, не в силах даже сбежать, просто ожидая своей смерти.

— Кто мне поведает — кто вы и куда так спешили? — властным голосом спросил эдемский маг, тут же замечая поднятую руку пока ещё живого командира разбитой одним заклинанием гигантской колонны магов.

Саркис неспеша подошёл, оценивающе посмотрев на дыру в животе и медленно капающую алую кровь.

— Тебя слушаю, — спокойно сказал маг, уперев руки в боки да принимаясь слушать поверженного за несколько секунд командира.

Тот поднял на мага глаза, прослезился, сжал кулаки и сомкнул зубы:

— Если сможете меня вылечить и поднять на ноги — я всё скажу, — убитым голосом промолвил командир. — Скажу всё что смогу, лишь бы на ноги встать.

Эдемский маг думал не долго, больше смотрел на захлапленную горелыми телами дорогу. Кто-то ещё догорал и от их одежд тугой воронкой поднимался дым. Лошади не двигались, не двигались и люди. И никто им помочь больше был не в силах...

— Да, я помогу тебе! — огласил решение Саркис, на корточках присаживаясь подле умирающего, усатого командира, которого не спасла ни броня, ни шлем, ни уверенность, ни сила. Против мага из Эдема он был как червяк против птицы.

— Хорошо, только ты мне пообещал, должен сдержать слово... к-к-как настоящий мужчина, — доверился командир, прикрывая рану да кривясь от нестерпимой, сильно пульсирующей боли. — Мы солдаты Дамира, одного из правящих архимагов... Он... — командир сщурился от боли и уже начал постанывать. — Он отправил нас подчищать все улики в Чёрном городе... Чтобы никто и ни о чём не догадался... Не узнал об участии нашего архимага в общем Плане... Коротко объясняя... Ахх... Он хочет и дальше дурить Верховного, продолжать его обманывать... А в Чёрном городе слишком много улик... Блин, мы не справились. Мы даже не нашли дороги в этот смрадный, убитый сатанистский град. А теперь, из-за тебя, План стоит на краю гибели...

— Что за План? — продолжал допрос Саркис, внезапно сжав руку умирающего командира. Его глаза закатывались, времени оставалось катастрофически мало.

— План? Кх... ха-ха... нет, не так мы с тобой договаривались, маг. Я всё сказал, что мог, так помоги мне... Как обещал, смотря мне... кх... прямо в глаза...

Эдемский маг вдумчиво смотрел в даль. План, его участники, пять башен, Великая Магическая Война, отголоски которой он чувствовал в эту секунду — всё начинало складываться. И Саркис чувствовал не только силу начавшейся где-то неподалёку бойни, он также ощущал приближение. Его приближение, приближение родного брата. Приближение Демиурга.

— Я спасу тебя, как спасал всех до тебя, — ладонь ярко вспыхнула и моментально впиалась в лицо командира, сжигая его голову до самого почерневшего, хрупкого черепа.

Саркис лечить не умел, а спасал всегда как мог, в меру своих сил и возможностей...

Деревня давно осталась за спиной и теперь вдоль просёлочной дороги шли длинные, кажущиеся бескрайними поля. Демиург шёл, шёл без остановки, без воды и еды, шёл вперёд к своей цели. Небольшая фиолетовая молния неизменно перекидывалась с пальца на палец, лёгкий доспех, небрежно укрытый толстым, чёрным плащом, всё также громко звякал, а сопение и тяжёлое дыхание вырывались из-под капюшона, как и таинственное фиолетовое свечение, едва помигивающее под его плотной одеждой.

— Кхх... Кхх... Хррр... — кряхтела фигура, всё больше чувствуя ауру. Его, Саркиса, ауру. А маг из Эдема точно чувствовал странную инородную силу Демиурга. Такую таинственную, мощную и чужую.

Фигура хрипела, сопела, тяжело, но уверенно ступая по дороге. И никто не мог предотвратить их встречу. Ни расстояние, ни колонны вражеских солдат, ни начало Великой Магической Войны.

Жара. Пески. Тела, что буквально воссоединились с землёй, обняли её, потонули в этом жёлтом сыпучем море. Их старались забирать сразу, в тот же час. Отправляли к нескольким магам и те, вооружившись лучшими медицинскими приборами, принимались извлекать из тел погибших строителей их самый главный источник магии. Да, для дела годились не только живые люди, что наконец завершали грандиозную и самую быструю в истории постройку великой магической башни, но годились для дела и мёртвые маги, для кого это строительство стало крышкой длинного, чёрного гроба. Авиад не видел меж ними никакой существенной разницы. Каждый биоматериал, ошибочно считаемый человеком, а то и, упаси бог, некой личностью, мог быть важен, полезен и используем в тех целях, которые старик найдёт первоочерёдными и самыми важными.

Погибших вскрывали, но далеко не чтобы установить причину смерти этого отработавшего своё биоматериала. Погибших вскрывали только чтобы вынуть из их тел всю-всю магию, подчистить тело, обезмагичить его во благо Плана и будущего человечества. Да, у него отбирали магию, но он отныне обретёт бессмертие, став часть чего-то большого и грандиозного. Биоматериал всегда будет приносить пользу, как и его бесценная мана.

Врачи суетились над телами в порядке очереди. Погибших становилось всё больше, но это ненадолго. Скоро архимаг прикажет покинуть башню, когда все приготовления будут позади и дело останется за самым малым. И Великая Магическая Война началась аккурат по Плану, в момент, когда всё было готово и дело доведено практически до самого конца.

Молотки стучали по крыше, всё возвышающейся и возвышающейся, с каждым днём все больше тянущейся ввысь, к этому голубому, прекрасному небу. Маги же трудились ради своего властного архимага. Сквозь жару, пот и духоту, они возводили эту величественную, стройную башню, что станет не только символом этого жаркого региона, но и кирпичиком в фундаменте грядущей новой реальности. Совершенно новой и более справедливой, где не будет места ни слабым, ни больным, ни преступникам, ни людям с явными психическими расстройствами. Авиад всё изменит, только достройте эту красную черепичную крышу да в тон ему длинный, грандиозный и видный каждому издалека царский шпиль!

Авиад сплёл пальцы и смиренно ожидал. Его уши ласкали многочисленные звуки

строительства, маги работали не покладая рук, а многие явственно осознавали, что трудятся не столько для старика-архимага, сколько для самих себя.

— Какие молодцы! Работайте! Стройте! Воздвигайте! Совсем скоро я освобожу вас насовсем и каждый из вас сможет почувствовать свободный, вольный ветер и встретиться с давно позабытыми родными! Слава вам, мои маги! — хриплым старческим голосом кричал Авиад и стук молотков на уровне всё поднимающейся и поднимающейся крыши увеличивался, учащался, становился всё громче и интенсивнее.

Старческие уставшие глаза только сейчас заметили недалеко, но медленно и практически бессильно бредущую сквозь пустыню фигуру. Кто-то шёл к ним, к этой высокой башне, к нему — новому архимагу. Может, Крис всё же добралась до него? Та самая Крис, без малого три года исправно служащая не только Плану, но и Эрику Мартену с его Чёрным городом да Церковью Сатаны? Та самая Крис, которая являлась прекрасной заменой Дамиру?

— Крис? Я очень надеюсь что это именно ты. Твоя помощь вот-вот будет нужна... Не подведи План, его выполнение сейчас полностью зависит от нас! — Авиад надеялся на эту необыкновенную девушку-некроманта. Она должна была придти сюда, её порталы были неотъемлемой частью дальнейшего хода действий. И старик надеялся и верил...

Девушка всё шла вперёд и шла, а её волосы уж все слиплись, превратившись в противные толстые дреды. Она ненавидела и это проклятое солнце, и эти проклятые знойные пески. Она ненавидела свой поступок, начала ненавидеть и себя. Дедушку нужно было вытащить из Цитадели, его нельзя было оставлять там с этими перстнями самоуничтожения... Боже, она чувствовала, что резерв был использован, а это могло означать только смерть последнего родного в её жизни человека...

Она старалась больше не думать об этом. Назад ничего не воротишь. Судьба уже поставила свою подпись под всеми событиями и единственным верным решением было, не опуская головы, идти до самого конца, выполняя то, что она обещала своему дедушке. И Крис не бросит План, несмотря ни на что. Она выполнит последнее желание её учителя-наставника, она выполнит желание того человека, для которого она была так важна и нужна, того человека, что практически заменил ей настоящего отца.

Время текло также медленно, как и пески, подхватываемые слабым, маломощным ветром. Башня была близка. Очень близка. До её ушей доносились какие-то команды, раздающиеся сверху, в районе воздвигающейся крыши, слышался быстрый перестук молотков. Тень от длинной магической башни рухнула прямо на девушку, заставив её как следует выдохнуть, перевести дух и с новыми силами пойти дальше.

«Вот почему я промахнулась со своим порталом... Башня только воздвигается, вероятно здесь что-то произошло. Надеюсь, Авиад всё ещё ждёт меня. С ним же не могло ничего случиться, он же бывший Верховный архимаг» — думала черноволосая девушка, продолжающая приближаться к воздвигаемой в кратчайшие сроки башне Флотлер.

Вокруг грандиозной постройки виднелись палатки, вольно развеивающиеся на ветру. От многих из них так и тянуло свежей густой маной, такой концентрированной и плотной, что Крис сразу же обхватила голову от боли. Она не ожидала почувствовать такую ауру. Вероятно, магия была собрана здесь в нескольких палатках да ещё и не маленькая её часть!

Ходили люди и Крис это видела. Она прихрамывала, но продолжала путь, смотря на строителей сверху, снизу, смотря на мощных плечистых стражников около палаток, пытаюсь

найти и выцелить самого Авиада, однако его пока было не видеть.

Не прошло и часа, как тонкая, белоснежная, нежная женская рука коснулась одной из толстых стен Флотлера. Дыхание девушки несло вскачь, ноги, все избитые и кровавые, мечтали об длительном отдыхе, а голова болела ещё больше от вырывающихся из-под палаток гигантских магических потоков.

Её глаза, покрасневшие и постоянно наравившие закрыться, смотрели прямо на худого мелкого дедка, засевшего на простом стуле. За стулом высилась личная стража Авиада, те самые мощные богатыри, наготове державшие оружие и пристально наблюдавшие за раскинувшейся вокруг пустыней.

— Приветствую тебя! — торжественно бросил старик, хрустнув тонкими пальцами да сорвавшись со стула, поправляя тонкую голубую накидку, сейчас уже начавшую прилипать к вспотевшему, липкому, старому телу. — Где же твой некромант-дедушка? Неужто остался в Чёрном городе?

— Простите его, он погиб, но погиб с честью. В эпицентр взрыва наверняка попал тот маг из Эдема. Сами знаете, он мог полностью обрушить наш План...

Старик кивнул, смирившись с потерей:

— Это большая потеря для мира. Твой отец внёс огромный вклад в наше святое дело... Но ты можешь не посрамить его память и честь. Необходим грамотный, умный некромант, разбирающихся в самых мелких и незначительных, на первых взгляд, некромантских трюках. Ты сможешь стать заменой своему деду?

Крис подняла голову и с трудом кивнула, заставив толстые, чёрные дреды удариться о её спину:

— Я не подведу ни вас... ни деда... Я пришла сюда покончить с этим Нижним миром... Нас ждут великие перемены и я хочу оставить в них свой явный след как одна из создательниц нового мира... Я с вами до самого конца, положитесь на меня!

Девушка тут же без чувств рухнула на подхватившее её в полёте дохлые, костлявые руки архимага:

— Бедная девчушка... Конечно я верю тебе. Стража! Срочно выделите ей место в одной из палаток! Только подальше от магии, иначе от отдыха не будет никакого толку, ещё больше устанет...

Тяжёлые плотные богатыри взяли на руки хрупкое несчастное тело Крис и поволокли прочь от Авиада, что вновь поплёлся на своё излюбленное место, рядом с которым уже стоял крохотный стол на одной элегантной расписной ножке, держащей на себе драгоценную горячую еду старика-архимага:

— Совсем скоро всё закончится. Новый мир не за горами. Я близок к цели и теперь никакой Демиург не помешает Плану... Он больше не наш лидер. Он всего лишь игрался с нами, использовал нас, я знаю это. Но ничего... Я исполню общее желание каждого человека на земле. Именно мне суждено поменять этот бранный мир! — Авиад присел на свой стул и взялся за кухонные приборы, принимаясь за горячее манящее мясо, вкушая рассыпчатый картофель, откусывая мягкий добрый хлеб. И только Бог видел голодные и ненавидные взгляды магов, неожиданно ставших строителями. Они по какой-то причине ненавидели этого старика, казалось, желающего всем добра и действующего всем людям во благо, ради их же процветания. Он ел, а они ненавидели. Ведь как он мог спасти всех и творить добро, относясь к собственным подчинённым как к скоту? А они ведь умирали, голодали, выполняли приказы, и понимали что всё зря. Авиад был чёрств и эгоистичен, они

чувствовали это.

— Прекрасный обед. Теперь буду ждать ужин. Интересно, что же на этот раз мне принесут? Чем больше я голодаю, тем меньше мой мозг может предвидеть развитие следующих событий. В интересах Нижнего мира меня кормить да обхаживать, вот точно! — бормотал маг, спиной и затылком пока ещё не ощущая ненавистных, гневных взоров. Они ненавидели старика и видели в нём только чёрствого изнутри, неживого и каменного человека. Но маги продолжали работать, ведь выбора у них не было и больше не будет никогда. Авиад использовал их, прикрываясь заботой о простом человеке. И в конечном итоге хорошо будет лишь ему, несмотря на все его сладкие речи. Строители работали, не в силах что-либо сделать и мечтая о завершении этого ада на земле.

Щит проломился сразу в нескольких местах, тут же расходясь миллионами трещинок по всей зелёной поверхности. Солдаты гибли в ту же минуту, заживо съедаемые прорвавшейся сквозь барьер невероятной по силе магической мощью. Доспехи плавились, шлема слетали с голов, так же подхватываемые неистовым магическим штормом. И множество солдат разрывались на части, яркой кровью окропляя ещё недавно прочную неприступную крепость.

— Слава Вальтеру! Слава Вальтеру! Слава Церкви Господа! — восклицали до зубов вооружённые солдаты, истошно крича имя своего архимага. Они бряцали доспехами, поднимали над головами оружия и восторженно кричали, наблюдая понемногу начинавшее редеть войско противника, врага, архимага Либерта, злостного предателя и вероятного пособника Эрика Мартена.

Щит, прорванный сразу в пяти местах, пока ещё держался, по-прежнему таинственно моргая да ярко сверкая своим таинственным зелёным светом. Магия наносила урон, но не такой гигантский, на который надеялись архимаги. Враги умирали, но этого было мало, этого было недостаточно. Общая магическая сила, только прорвавшись, быстро расточалась, в эпицентре успевая убить лишь около четырёх десятков солдат.

Невероятный заклинательный шторм наконец прекращался. Мана развеивалась, расточалась, растворялась, враги, минутой назад державшие всё это время верно спасавший их жизни щит, ослабили ток маны, заставив зелёный мерцающий барьер громко взорваться мелкими и острыми осколками, в полёте смешивающимися с налетевшим, неожиданно пробирающим до дрожи ветром.

У каждого солдата, будь он верующим, будь он в войске архимага Либерта, рядом в обязательном порядке летала незаменимая книга заклинаний, готовая служить верно и безотказно, как самый настоящий боевой товарищ.

На поле боя наступила тягостная пауза. Архимаги следили за развитием событий: Вальтер молча смотрел в даль, Дамир всё поправлял свою шляпу, весь беззаботный и справляющийся без капли волнения, Адонис молился, достав принесённую, такую неудобную, тяжёлую книжку.

Верховный архимаг скрестил взор с лидером врагов, Либертом. Но в его лице, мимике, глазах и движениях тела он не увидел ничего, кроме бледности, безразличия, задумчивости и, откуда ни возмись, глубоко спрятанной душевной силы. Да, Либерт на долю секунды показался Вальтеру сильной личностью, никогда не сдающейся, идущей до конца, но тщательно обдумывающей каждый ход. Сейчас он был далеко не той тряпкой, что регулярно появлялась на их бесконечных Советах.

Тишина не могла продолжаться вечно и гляделки с вражеским архимагом наконец прервались, позволив Верховному высоко поднять свою руку да откашляться перед последними словами своим солдатам, своим магам, своим друзьям:

— Враг будет повержен! Наша магия сильнее, мощнее, страшнее! С нами Бог, а они одни, брошены и никому ненужны. И все враги падут пред нами, ибо нет в этом мире ничего сильнее идеи, воли и веры. Вперёд!

— На врага! На врага! На врага! — скандировали маги под воодушевившемся из-под кустистых бровей взглядом Адониса и прорвавшейся слезинки с хлопающих ресниц

архимага Дамира, неожиданно оказавшимся верным союзником.

Дружные, бесконечные, плотные шеренги дрогнули, сталь скользнула в руки преданных рабов божьих и всё наконец началось.

Нижний мир затаил дыхание. Самые сильные маги смотрели друг на друга и были полны решимости сражаться до самого конца, хоть тот конец мог означать даже уничтожение не только прежнего миропорядка, но и самой земли, данной им в сохранение и преобразование.

Враги тоже набрали воздух в лёгкие, неистово закричали — их крик пронёсся под ясным голубым небом, громом прокатился по всем окрестностям и многим показалось, что и в белоснежной столице этот гул сотряс прекрасные, ровные стены. Такой мощный и стройный, воистину последний и самый смелый.

Истоптанные сапоги солдат тронулись с места, а мечи вспорхнули как птицы, плотно сев в руки каждого и каждого в воинстве Либерта. С боевым кличем на устах, очертя голову, солдаты пошли боем на ещё недавних братьев, союзников, товарищей. Эти предатели осмелились пойти против трёх сильнейших архимагов и ничего кроме смерти им не было уготовано. Только последний бой — грудь о грудь, сталь о сталь. Только магия и ум, тактика да стратегия... А Либерт до сих пор задумчиво буравил одну-единственную точку, не в силах шелохнуть ни единой мышцей.

Зелёное прекрасное поле погрузилось в хаос войны. Считанные метры разделяли два враждующих друг с другом войска. Считанные метры, плавно перетекающие в короткие сантиметры. Мечи устремились по направлению к небу в вольном и победоносном движении. И сама сталь будто бы горела, мечтая окунуться в красную, вражескую кровь.

— Храбрецы мои. Мои маги. Да придёт с нами Победа! — в очередной раз крикнул Вальтер, тут же побуждая магов приготовить в строю не только оружия, но и ману, аккуратно собранную и сконцентрированную для масштабных и множественных атак. Книги заклинаний искрились и светились, как некие драгоценные амулеты. Вспомогательные средства были готовы, а гул, крики и боевые кличи ознаменовывали начало Великой Магической Войны!

Метры перетекали в сантиметры, а последние разрывались на части от столкновений мечей, от этого звона, внезапно воцарившегося в воздухе от края и до края поля. Каждый воин в передней шеренге принял бой. Каждый наконец вступил в сражение.

— Вальтер, верь в наших солдат. С ними мы точно одержим победу, — уверенно сказал Дамир, подходя к Верховному и кладя свою ладонь ему на недвижимое плечо.

Первая пыль, вырвавшаяся из-под ног воюющих, огромным облачком застлала поле битвы. Мечи крутились в руках, сталкивались, высекая яркие искры. Маги столкнулись лоб в лоб и некоторые уже мешком валялись на землю, разрубленные на мелкие кусочки.

Редкая магия рассекала воздух, съедала эту пыль и грозно впивалась в рожу противнику, врагу, предателю, сжигая его тело, охватывая его своими хлёткими магическими щупальцами. На место погибших тут же рождались новые солдаты и это могло закончиться только полным разгромом одной из гигантских магических армий.

Огненные шары расцветали в воздухе и врывались в толпы врагов, выкашивая людей, отрывая им конечности, сжигая и раскидывая всех в большущей группировке Либерта. После пламенной атаки цветок затухал, оставляя только трупы, кровь да горелую траву.

Кинжалы, мечи, а у кого-то и катаны крепко сидели в руках воинов Либерта, ловко отбивая все атаки, потом совершали короткий полукруг и разрубали тело на пару с доспехом.

Тогда воин Церкви Господа падал на колени, а оружие врага смачно вгрызалось ему в шею, рубя голову да продолжая свой необычайный танец уже со следующим потным святым магом.

Плотный бой, слияние в танце двух враждующих армий, частые магические залпы, на этом поле боя заменяющие вечно громыхающую артиллерию. Снаряды дугой огибали пространство и громко падали наземь, раскидывая и разрывая врагов. Тем, кому удавалось выжить в эпицентре таких попаданий, всё равно приходилось ждать собственной смерти. Численное превосходство солдат Церкви Господа давало знать и наверняка каждый в армии Либерта коснётся этой холодной, сейчас ставшей нестерпимо горячей от крови, чёрной земли.

— За победу! Вперёд! — скандировали святые маги, размахивая оружием и несясь со всех ног в атаку. Широкие взмахи, звонкие столкновения, снопы режущих глаза противных искр, улыбки на лицах сражающихся и внутренняя боязнь — ведь никто не гарантировал, что победителем из битвы выйдешь именно ты. И солдаты сражались, иногда выпуская лёгкие, далеко не убийственные, но отвлекающие заклинания, после которых отвлекшемуся врагу сносили голову с плеч и никакой плотный шлем, доспех или кольчуга не спасали его тело от голодной стали.

Войско Либерта рядело много быстрее армии Бога. Мотивация у предателей была фактически на нуле. Кинжалы молниеносно вонзались в их тела, кто-то пытался как можно дольше сдерживать неистовый натиск и тогда сверху падал магический камень, громко бухаясь с неба, раздавливая человека под собой да взметая кверху огромную тучу пыли. Магическая артиллерия неустанно работала, пока предатели бились с первой несокрушимой божественной шеренгой солдат Церкви Господа.

— Вы не пройдёте! — кричал один из святых магов, продолжая сдерживать вражеский натиск, изо всех сил вертясь с мечом в руках, сейчас больше напоминая балерину. Его соратники тоже не отставали, хоть руку одного из них и задела вражеская сталь. Они сражались, не думая ни о своих жизнях, ни о боли, что начинала становиться частью их тел. Линия фронта закипела, забурлила, заставила землю задрожать, сердца громко застучать в грудных клетках, а дыхание прерваться. И существовала только кровь, боль, сражение, сталь и редкая магия, грозно врывающаяся в стройные и кричащие вражеские шеренги. Воздух пропах маной, магией и пылью, облаками, вздымающимися над танцующими солдатами, и архимаги наблюдали за развернувшейся на поле боя картиной.

— Почему мы не используем магию по полной? Почему так суетимся с этим ближним боем? Можно управиться гораздо быстрее, просто...

— Акбек, есть ещё надежда на благоразумие и порядочность Либерта. Мы не собираемся устраивать здесь кровавую бойню, мы пришли сюда за справедливостью! — напыщенно-пафосно прокомментировал Вальтер, уперев руки в бока и внимательно наблюдая за вскипевшим сражением.

— Господин... кхм... Акбек вроде? — обратился Дамир к лысому слабому магу. — То что вы наблюдаете — это воля Божья, это испытание нам всем, дабы укрепить веру, укрепить магию и укрепить наш дух. Это величайшее событие, большая честь наблюдать за ним воочию.

Акбек кивал в такт звяканью мечей. Да, это всё-таки большое счастье — наблюдать за самыми главными событиями в мире. Его жизнь всегда крутилась вокруг наблюдения и этого дыхания, несущегося вскачь от возбуждения... Смысл его жизни был в том, чтобы

стать частью великого, лицезреть изменения, наблюдать за прекрасным...

— Да. Я никогда и не думал стать свидетелем подобной войны. Самой главной. Самой опасной. Самой красивой... Так пахнет магией. Чувствуешь? — благостно улыбнулся Акбек, а Дамир только кивнул, тоже улыбнувшись да поправив в который уже раз съехавшую набок шляпу.

— Ты прав — это будет самая славная и святая битва и мы, представляешь, стали её частью. Это самое огромное счастье, — смотрел вдаль Дамир и искренняя улыбка озаряла его лицо.

Несколько красных молний вспорхнули над полем битвы и опустились вниз, будто бы ловчими плетями накрывая людей и заставляя их корчиться от страшной боли. Плети накрывали солдат, оплетали лодыжки, запястья, обвивались вокруг шеи, и враги корчились, падая наземь в предсмертном хрипе. От изжаренных тел тянуло лёгким, невесомым дымком и каждая летящая во врагов магия дружно приветствовалась святыми магами громкими аплодисментами.

Враги всё падали, а на их местах в ту же секунду набегали другие — яростные и самим себе кажущиеся непобедимыми, несокрушимыми и самыми стойкими. Для них меч в руке был самым идеальным гарантом на победу. И так думал предатель за предателем, что умирали от голодной стали, что умирали от очередного героического, широкого взмаха чужого оружия.

Вальтер смотрел, наблюдал, но всё ещё продолжал надеяться на благополучный исход. Они точно сдадутся. Чем меньше потерь и дольше битва, тем лучше будет для всех собравшихся на этом поле. Может, капитуляция уже не за горами. Архимаги старались с силой цепляться за эту мысль.

А солдаты, маги Церкви Господа сейчас разрывались изнутри от ажиотажа, радости, для них война — трагедия для души человека, смерть живого и парад мёртвого — сейчас оборачивалась самым долгожданным, эмоциональным и прекрасным моментом в жизни. За идею, за Бога — они были готовы признавать уничтожение за самое великое и драгоценное сокровище...

Огненные шары, плотные водяные сферы срывались с горячих рук магов и неслись на врагов, вновь и вновь раскидывая несчастные, обезображенные тела. Первая шеренга святых магов до сих пор ещё держалась, хоть и не без потерь. Святые маги тоже гибли от рук противника с пламенной молитвой и именем Бога на устах. На замену им приходили другие бесстрашные солдаты и оборона держалась, позволяя магии неспешно врываться во вражеский строй и убивать всё больше и больше тех, кто поднял руку на слуг Бога.

Сталь скрещивалась, расходилась, вертелась как юла, высекала искры, скрежетала и, казалось, оборона нерушима, казалось, что предателям никогда не нанести существенный урон огромному многотысячному войску Бога. Но Либерт... Видимо он тоже отдал приказ сражаться в пол-силы. Магией они не пользовались вовсе, то ли в знак протеста, то ли от нехотения, то ли от запрета. А мечами проложить дорогу из трупов им было очень тяжело. Да и живой силы на всё это очень и очень недоставало.

Либерт молча взирал на всё происходящее. В окружении многочисленных солдат, обступающих его с обеих сторон, словно бы каменный, безразличный и как обычно бледный, в его взгляде всё же что-то отчётливо читалось. Может, то было осознание скорой смерти? А может этим взором он просил убить его как можно скорее? Может, он мечтал о скорой смерти?

Напор становился всё сильнее! Предатели не останавливались и с каждой секундой зверели всё сильнее и сильнее, их боевой дух словно бы начинал крепнуть. Их оружие свистело, порхало, опускалось на вражеское, зубы предателей были сомкнуты от злости, а тела стали двигаться быстрее и резче.

Поле усеивалось трупами. Кровь окропляла землю и траву, магические стрелы летали по воздуху всё чаще и чаще, ловко врываясь в колонны наступающего врага. Предатели хрипели, падали, кто-то продолжал безудержно махать сталью, даже чувствуя пробившую его грудь искрящуюся, жёлтую стрелу. И никто больше не боялся. Страх остался позади. Теперь начиналось настоящее сражение.

— Как ты ещё держишься? — изумился солдат Церкви Господа, боящийся пропустить хоть один стремительный взмах шатающегося хрипящего врага. Его глаза вот-вот должны были закатиться, а изо рта стекала тонкая кровавая струйка. Но он бился, несмотря на многочисленные разрезы в недавно ещё добротной броне.

— Не мы это начали... Мы не предатели... Вас всех подставили, — хрипел задыхающийся предатель-враг, с каждой секундой машущий оружием всё стремительнее и стремительнее. Выпад, отход, косой взмах вниз и святой маг закричал, хватаясь за раненую руку да нечаянно выпускающий из рук оружие. Следующий стремительный удар вверх рассёк воина, заставив его мешком рухнуть на землю. Атака продолжалась и кажущаяся непробиваемой и нерушимой оборона начала наконец рушиться. Святые маги падали, более не выдерживая натиск, либо же поспешно отступали, начиная обрушение первой шеренги.

— Они не останавливаются. Мрази, они прорываются всё дальше и дальше. Боевые порядки нарушены... Вот чёрт! — скрипел зубами Вальтер, не замечая расцветающей злорадной ухмылки на лице Дамира.

Предатели начинали врываться в строй святых магов. Кто-то из слуг Бога сразу сдавался, кто-то старался вытеснить просачивающихся к ним врагов и неизменно терпели поражение, окровавленные бросаясь на землю и чувствуя готовую понестись к их шеем горячую от боя сталь.

Бреши становились всё больше и множились в герметической прогрессии. Святые маги, не ожидающие стремительного вражеского прорыва, с испугом рубили и рубили, дрожащими руками пока ещё удерживающие своё оружие.

Пособники Сатаны, словно берсерки, находили брешь и вонзали в тела святых магов свои мечи, небольшим острым кинжалом тут же добивая поверженных врагов. Третья шеренга из слуг Господа стойко принимала атаку, но и её солдат наверняка ожидала участь тех сотен воинов, что мёртвым, кровавым ковром стлались за спинами обезумевших предателей.

— Держитесь, мои воины. С нами Бог! — Вальтер безуспешно пытался вернуть боевой настрой своим магам и продолжал смотреть, как шеренга за шеренгой раздавливалась под несущими потери, но во всю напирющими врагами. Оборона была отныне бесполезна. Противник не даст шанса ни перегруппироваться, ни хоть сколько-нибудь прийти в себя. Приходило время кульминации этой разгоревшейся и уже ставшей кровавой войны!

Солдат за солдатом больше не выдерживали — отступали, бросали оружия, сдавались и умирали — уже всё было не столь важно. Строй окончательно разобщился и начинал делиться на небольшие группы, рассекаемые безумными предателями, вторгшимися в дружные ряды святых магов. Несколько таких разобщённых группировок продолжали борьбу, хоть их сразу же начинали брать в окружение, не оставляя и шанса на побег. И

только мечи свистели в воздухе, только отборная сталь и бурная яркая магия. Солдаты смело сражались до момента, покуда запертво не падали на землю под продолжающимися запутанными и завихрёнными ударами врагов.

— Они не останятся, господин Верховный, — вовремя подметил Дамир, серьёзным взглядом смотря на падение и полное низвержение огромного-огромного войска Церкви Господа.

— Нужно немедленно предпринять меры. Ни на какую капитуляцию они не пойдут! Вы что, сами того не видите? Они не оценили нашей великодушно протянутой руки... Просто плюнули... Пора играть как надо, пора играть по-крупному. Они сами не захотели увидеть в нас хороших добрых людей, сами сделали из нас чудовищ! — вторил словам Дамира Адонис, смиренно опуская взгляд да продолжая читать молитву, веря в Божье чудо и его помощь всем в нём так сильно нуждающимся людям.

— Эх... С самого начала нужно было растоптать и этого Либерта, и его эту дурацкую армию. Но ничего, сейчас то мы покажем им настоящую Магическую Войну! — ухмыльнулся Вальтер где-то под белой маской и Акбек кивнул Верховному, принимаясь с ещё большим усердием следить за разворачивающимся перед ним грандиозным сражением.

Было уже поздно или же нет? Почему Бог допустил это? Когда на самом деле стоило менять тактику? Всё это было уже не важно, ибо в следующую минуту бледный, молящий о смерти Либерт всё же очнулся, окинув своим грустным, обречённым взглядом громадные неоспоримые успехи своей армии. Передние ряды Церкви Господа были поделены то на тонкие, отважно бьющиеся лоскуты, то окружены плотным неразрывным кольцом. Воины Либерта действовали преимущественно по принципу «разделяй и властвуй», уже в скором времени надеясь добраться до самого центра армии святых магов. Предатели рвались в бой как умалишённые, всё продолжая сражаться лишь сталью в руках, забывая о давно прилитой к ладоням тёплой мане.

Либерт посмотрел в один край, а потом перевёл взгляд на другой. Огромная вражья армия действительно несла потери: груды бесполезных тел под неестественными углами украшали эту землю, валяясь как набитые соломой плотные мешки, везде была лишь кровь да пыль, вздымающаяся из-под ног солдат, сражающихся насмерть и не готовых признавать поражение. Где-то вдалеке наверняка недоумевали эти глупые архимаги, только и знающие что надеятся на какую-то помощь свыше, хотя на деле им было необходимо принимать срочные меры.

Да, кинувшаяся с остервенением в бой армия предателей фактически не имела шанса на полный разгром врага, даже если бы каждый из солдат прибегнул к магии. Вальтер и Адонис всё же не допустят разгрома своих лучших боевых частей. И его, Либерта, архимага предателя и настоящего врага всего мира, ждала кара, ждала страшная участь и только смерть отныне могла его спасти. Да, только смерть. С поля боя Либерт не убежит. Отныне он будет стоять до конца.

Воздух внезапно завибрировал, задрожал от разом выпускаемой магии. Как по строгой команде, каждый маг предатель заставил книгу подле себя яростно засветиться, заискриться, засверкать, тут же заставляя святых магов широко распахивать глаза. Всё ещё сражаясь, по-прежнему выписывая свои лихие восьмёрки и крутые дуги, они внезапно почувствовали смерть, дышащую прямо им в затылок.

Их обречённые взгляды устремлялись к гордым архимагам и видели на их лицах только растерянность. Никакой приказ более не мог спасти святых магов от готовящейся для них

участи. Каждому из них, не сумевшему вырваться из лап стремительно атакующих врагов, предстояла мучительная смерть. Сердце застучало, но бои продолжались, будь то во вражеском окружении, будь то в обороне своих, пока ещё державшихся, боевых порядках. Кто-то сразу трусливо сдавался и тогда его практически безболезненно протыкали кинжалом, заставляя закрыть глаза на веки вечные.

Магическая атака вот-вот разорвёт этот приятный лёгкий воздух... Голубое небо стремительно заволакивала пыль да грязь, поднимавшаяся вверх после ожесточённых жестоких боёв. Вальтер скрестил с Либертом свой взволнованный взгляд. Бледный архимаг, судя по всему, наконец вступал в мировую игру.

Мана заискрилась вокруг его бледного мрачного тела в виде золотого яркого тайфуна. Архимаг выпустил магию, тут же начиная ювелирно перебирать её, воплощать в зримую и убийственную оболочку. Святые маги опоздали. Первый магический ход всё же будет за предателями!

Мана собиралась вокруг его распахнутых бледных ладоней, озаряя самого архимага и всех остальных солдат вокруг него неистовым, слепящим светом. Неописуемо огромная сфера всё увеличивалась и увеличивалась в размерах, угрожающе нависнув и над самим Либертом, и над его войском, поглощая краски неба и топя всё божественным рыже-белым светом на множество километров окрест.

— Вот тварь! — успел среагировать Дамир, выкидывая вперёд руки да выплёскивая вязкую чёрную жидкость, в ошеломительном полёте превращающуюся в прочный полукруглый мерцающий щит, мчащийся к огромной божественной сфере, сейчас затопившей в своём свете всё и вся — лица, очертания людей, фигуры гордых архимагов, жаркое пылающее солнце, даже огромных размеров прочную стену из тёмной материи. На миг это всё казалось судным днём, последней минутой человечества, финальной сценой в жизни каждого человека...

Плотная искрящаяся сфера, трещащая и пышущая неистовой внутренней магической энергией, взмыла ввысь, огромным жарким солнцем готовясь рухнуть на головы лучших святых магов, пока ещё не успевших пойти в атаку на подходящего врага. Свет затопил округу ещё больше, ещё сильнее, волна жаркого воздуха рухнула вдоль бесконечно тянувшихся воинских рядов, впиалась в них, как зубочистки в дёсна. И шар приближался, становясь всё жарче, страшнее и громаднее.

Ему навстречу, практически невидимая во всём этом ярком свечении, подлетела крепкая чёрная стена, громко бухнувшаяся о жаркую сферу, на краткий миг останавливая ход убийственного заклинания.

Чёрный барьер начал плавиться, стекая на задравших головы святых магов, плавя их шлема, а кого-то и убивая своим уничтожительным жаром. Казалось, чёрная стена Дамира не сдавала своих позиций, всё держалась и держалась, с достоинством принимая неистовый натиск... Трещины поползли по всей площади громадного тёмного барьера, осколки посыпались вниз, сфера продолжила прерванное движение, до конца сминая магию Дамира и стирая её в мелкие-мелкие обломки, которые громким салютом разлетелись на фоне диковинного божественного сияния.

Катастрофа героически неслась к центру армии Церкви Господа под безразличным потухающим взглядом Либерта. Огромная сфера свистела, вопила, кричала о своей победе, плавно садясь на землю да накрывая своим бело-рыжим светом сразу несколько тысяч обречённых на смерть солдат, лучших боевых ребят Церкви Господа, которые являлись

самым главным резервом, козырем Вальтера.

Ударная волна прокатилась по всему полю, вырвалась за его пределы и полетела много дальше, гром заложил уши, а яркая вспышка окончательно заменила собой все цвета, все объекты и фигуры, превратив всё на свете в сплошное божественное сияние, волнами расходящееся по всему Нижнему миру. Жар заживо уничтожал людей, расположенных ближе всего к эпицентру взрыва, заставляя их корчиться от ужасной боли. Войско Церкви Господа пострадало целиком, от первого и до последнего солдата...

— Либерт... Предательская бледная тварь, жалкая сука! — Верховный архимаг пытался перекричать громopodobный взрыв и разглядеть хоть что-то в этом вихрящемся божественном жарком свете, но в итоге просто ругался себе под нос, стараясь не рухнуть наземь от страшного стресса и бессилия. — Теперь то я точно покажу тебе настоящую войну, предательская падаль. Ты заплатишься за это представление, тощий гнилой уродец.

Либерт тем временем восхищался своей работой, уверенно глядя на расходящееся во все стороны божественное свечение, молниеносно убивавшее все цвета в этом обречённом мире. Бледный, робкий архимаг был готов ко всему. Он долго и от многого убегал, но отныне его место было здесь. Наступала пора платить по долгам! Наступало время расплаты за всё содеянное в этой долгой, ужасной, тяжёлой жизни! Пришёл час, последний час, когда он мог ещё изменить себя самого и наконец покончить со всем своим бранным существованием! Раз он стал врагом — значит им и останется! Отступления больше не будет, будет только финал! Неотвратимый и близкий, по ходу которого Либерта наверняка будет поджидать смерть...

Божественное свечение наконец затухало, оставляя после себя лишь гарь, пожары, ужасный, прокатывающийся по равнинам гул от магического взрыва и громадную, дымящуюся воронку, похоронившую внутри себя множество тысяч остатков доблестных, верящих в Бога воинов.

Глаза еле разлипались после невиданного доселе яркого, праздничного шоу. Они болели, их нестерпимо резало, они зудели и чесались, как после комариного укуса. Перед собой Вальтер видел только огромное световое пятно, затмившее собой все краски и затопившее всю-всю округу, заставив Верховного неловко шатнуться.

Божественный свет в его глазах мерк, но то был долгий процесс. Война продолжалась и его ведь ждали, ждали его воины, солдаты, маги, а он всё никак не мог придти в себя. Да и этот грохот... Он отчаянно не хотел покидать его ушей и Верховный даже не мог представить, что же конкретно сейчас происходило на поле боя. Может, каждый-каждый находящийся здесь и сейчас тоже оглушён, тоже лишён зрения, также мучается, как и Вальтер?

Старик Адонис пал на пятую точку, закрывая уши старческими ладонями, в попытках заглушить навязчивый, преследующий грохот. Его глаза были тоже крепко-крепко зажмурены, не в силах смотреть на этот затухающий, божественный цветок. Дамир явно нервничал, громко топая ногами да рыча, вероятно боясь за все упущенные в этот важный момент события. Акбека было не слышно и тем более не видно. Он спокойно стоял подле архимагов, практически раскрывая покрасневшие от света глаза и наблюдая меркнувший, стремительно затухающий свет самого мощного заклинания, посланного Либертом.

Громадное пепельно-чёрное облако взмыло над бесконечно тянущейся воронкой, словно страшный гриб после ядерного взрыва. После себя эта страшная магия оставила только смерть, кровь, потерянную веру, а ещё и гнев. Праведный и ужасающий гнев Верховного архимага и его союзников!

Глаза Вальтера раскрылись, узрев эту картину-последствие Великой Магической Войны. Все эти люди погибли в ужасных муках, будучи уничтоженными жаркими, божественными лучами большущей магической сферы. И ведь Верховный никого не смог спасти, не успел послать на защиту даже самый лёгкий щит... И не было ему больше прощения. Оставалась только боль в душе и осознание того, что война совсем скоро станет воистину кровавой...

Дамир и Адонис стояли по обе руки от разъярённого и одновременно потерянного Вальтера. Грудь Верховного вздымалась как мачта, ноздри раздувались от досады, а мана скапливалась на кончиках пальцев, готовая сорваться и низринуться на ликующих и громко воинственно кричащих предателей, во главе которых злостно улыбался бледный Либерт.

Поля более не напоминало себя же в ещё недавно прошедшее, прекрасное утро. Пожары, копоть, гарь, горы трупов и огромная, глубокая воронка, вся воняющая и неистово дымящаяся — вот что эта война принесла восхитительной природе и её ясному голубому небу. И ведь всего бы этого не было, если б не единственный глупый приказ Верховного архимага. Приказ на начало похода...

Он винил себя. Винил только себя одного. Ведь кто ещё так сильно хотел похода, что изначально являлся идеально сработавшей ловушкой? Кто мечтал о победе над другими? Кто

спровоцировал эту масштабную, смертельную, мировую, военную интригу?

Но если Бог не помешал, значит всё идёт так как он задумал и одобрил, архимаги верили в это. И победа обязательно будет за добром и верностью, победа точно будет за Церковью Господа. В этом не было ни единого сомнения!

Солдаты-маги выстроились полумесяцем по окраине горящей, дымящейся воронки, сейчас больше напоминающей огромную страшную могилу. Там, буквально испепелённые страшным колдовством, лежали их братья по оружию, их друзья, с которыми они жили много-много лет. И теперь каждый святой маг нечаянно обронил по слезинке, с ненавистью смотря на подступающих к ним радостных предателей. Они улыбались, кричали, ликовали, воинственно размахивая оружием и не сомневаясь в своей скорой победе.

— Вот твари! Нелюди! Изверги! — процедил расплакавшийся и задрожавший маг, покрепче хватаясь за свой меч, но теперь уже истерично смотрящий на подступающие войска Либерта. Теперь предатели были воистину сильны. Их сердца пылали и верили в свою победу. И отныне враги будут сражаться ещё более отчаянно, чем прежде.

Главное сейчас было смело встать в оборону и не позволить врагу их всех сломить, какими бы боевыми, радующимися и напористыми они ни были. А потом святые маги ответят. И в первую очередь робкий дохляк Либерт, эта гадская жестокая рожа...

— Не сдавайтесь! Продержитесь ещё немного. Победа будет за нами! — громко выкрикнул молодой красивый Дамир, стараясь придать словам веру, надежду и воинственность, так сейчас недостающие защитникам Церкви Господа и всего Нижнего мира. — Ирод и еретик Либерт скоро получит страшный ответ, осталось совсем немного времени. Держитесь, наши боги войны.

Под эти победные, вселяющие надежду слова ряды предателей вновь начали таранить небольшой полумесяц из святых магов. Враги текли вдоль воронки и их натиск был страшен. Сталь снова запела, предчувствуя кровавую жатву, руки привычно выписывали мечами лихие дуги, а уверенность и бесбашенность противников только больше позволяли им вновь начинать сметать оборонные ряды, оставляя новую длинную просеку из солдатских тел. Предателей тоже пронзали голодным оружием, им точно так же сносили головы и отрубали руки, однако, несмотря на потери, они шли и шли, будто обезумевшие, неменяемые зомби из апокалиптических дешёвых фильмов.

Звон мечей вновь и вновь ранил уши архимагов, ведь каждый раз никто не знал, какой из размашистых ударов окажется последним для их солдат. Кинжалы, в незанятых мечом руках, неистово ярко сверкали на солнце, подключаясь к диковинному танцу. Короткая сталь с небольшой рукояткой отлично резала, вертелась и свирепствовала, нанося святым магам всё более и более тяжёлые ранения, заставляя некоторых сдаваться и в позорном бегстве убегать. Но убегать им долго не позволяли и сдавшиеся совсем скоро умирали от поющего торжественную мелодию длинного острого меча. Никто не сдавался в плен, никто не мог избежать боя и укрыться где-нибудь за пока ещё шевелящимися на ветру живыми кустиками. Был только бой. И ты либо выдерживал напор рука об руку со своими братьями, либо погибал. Героически иль нет зависело только от тебя. Но ты погибал, всё равно своим трудом приостанавливая невероятный вражеский натиск, их пышущие жаром мечи, их, казавшиеся неостановимыми, дружные, кричащие от эйфории боевые порядки.

Воздух внезапно задрожал, начиная плавиться от подготовленной высвобождаемой маны. Войска Либерта всё же начинали воевать по-настоящему, полагаясь не только лишь на тяжёлое, но верное стальное оружие в руках. Магическая Война только набирала обороты...

— Предатели собираются использовать магию. Обороняйтесь! Не отдавайте больше ни сантиметра нашего поля! — слова Верховного подействовали на магов и те воспряли духом, выпячивая груди и внимательно смотрящих на пытающихся пробиться вперёд бешеных врагов.

Воздух запылал, раскалился, словно ругаясь на вырвавшуюся убийственную магию. Тонкие-тонкие, ловкие огненные лианы петлями стлались, подхваченные небольшим ветерком. Мечи у святых магов уже были наготове. При желании можно было спокойно разрубить лианы на мелкие лоскуты, но для этого нужны были внимание и точность, чего сейчас им явно недоставало. Да и остальные заклинания, гурьбой следовавшие за вражескими лианами, пытались перегнать их, так и норовя ударить первее, жёстче да смертоноснее. Мечи святых магов дружно вспорхнули и ринулись на тонкие живые лианы, перерубая особо шаловливые кончики. Те падали на землю, а остальные внезапно совершили несколько отвлекающих манёвров, заставляя сталь бесполезно резать воздух. Достигнув цели, огненные прутья весело обвивали мечи, крепко держа их и ни в какую не отпуская, сразу же заставляя святых магов затрястись да вспотеть. Лианы обвивали всё быстрее и быстрее: мечи, запястья, талии, лианы сминали доспехи, срывали шлема, а некоторые заставляли гореть людей живьём, слыша их неистовые, уже предсмертные крики.

Молнии, песчаные тайфуны да ледяные иглы, оставляя в воздухе петлявшие неровные дорожки и мелкие частички маны, летели следом и с грохотом громили войска, мужественно державшие оборону несмотря на разбушевавшуюся, несущуюся на них магию. Фиолетовые молнии, белоснежные облака в образе мощного ударного кулака, свистящие, несущиеся на всей скорости стихийные сферы, не менее медленные, пылающие острые стрелы, водные фигуры и даже колкий снег — магия неслась вперёд как единый водный поток и теперь становилось ясно, что никакая сталь противодействием стать не сможет. Магия настигнет всех и каждого. Ломающий сам воздух, неопиcуемый по мощности тайфун был уже близко...

Мечи — перед лицом, уверенность — глубоко в сердце, страх поспешно отступил и оставался только сложный магический бой, без надежд на архимагов, Бога и прочие чудеса. Каждый воин чувствовал что победа только в их руках, и именно от них всех и зависит судьба Нижнего мира. И молитвы были лишними. Уж больно много времени отбирали зазря...

Плотный, огромный магический поток всё нёсся вперёд и нёсся, под смеющиеся взгляды предателей. Он летел, свистел, заклинания внутри него сплетались, расплетались, словно чудной узор, а сама сила его так и принуждала поскорее сдаться, но святые маги держались. Больше нельзя отступать! Ради отданных магами жизней, ради мира и процветания, ради святой идеи и ради Бога, войско архимагов, жалкий полумесяц, что остался от гордой несокрушимой армии, должен был держаться. А Либерт... А он ответит за всё и поплатится за свои преступления.

Первые заклятье, словно напористый ураган, ворвалось в строй защитников, ранее находившихся в глубоком тылу. Сферы пролетали сквозь меч как сквозь нож и двумя половинками отлетали к небу, громогласно взрываясь да разбрызгивая снопы разноцветных искр. Невиданный доселе салют озарял голубое небо. Яркие краски, бодрые звуки, вольное сопротивление святых магов, никак не желающих сдаваться и начинающих неистово махать своим оружием, уже толком и не замечая заклинания в этом ярком и непонятном мельтешении. Магический поток был стремителен, чудовищен, заклинания, словно саранча,

кружились в нём, летали вокруг солдат, чтобы потом вгрызться в них как пираньи и больше никогда не отцепляться, навеки оставаясь с солдатом и уничтожая его, ставшего беспомощной и несчастной жертвой якобы дара Божьего — магии.

— Парни, не бояться. Всем вместе стоять до самого конца, — крикнул один из магов, посильнее сжав оружие и стараясь выцелить взглядом приближающиеся магические атаки. Вот пролетела одна и ранее живого солдата насмерть вцепился стихийный шар. Вот вражеская сталь синхронно запела, опрокинулась на бойцов, магов Церкви Господа, но те стояли, не в силах признать скорое поражение.

Взрыв за взрывом сотрясали бессмертное, несчастное поле, смерть за смертью приближали Магическую Войну к своему неотвратимому завершению. Молния ловко ринулась в сторону, перекувырнулась на месте, поменяла траекторию и оплела тело гордого святого мага. Тот, корчившись и всюду крича, требуя поддержки от рядом стоящих воинов, дёргался и падал, а поток всё продолжал проноситься, оставляя после себя лишь множественную просеку из бранных тел, стеклянный взор которых был обращён к небу, словно бы прося помощи у Бога, у их Отца... Но он не слышал и Церковь Господа осталась наедине с самой собой. Вера в эту иномировую сущность оказалась бессильна в поединке, а сталь, напор и подготовленность солдат оказались гораздо ценнее и правильнее.

Пожар охватывал всё больше, до остатков сжигая тела поверженных святых воинов. Полумесяц обрушался под невиданным натиском. И живых почти не оставалось — солдаты с обеих сторон несли потери, навсегда соединяясь с чёрной, горелой землёй.

Мечи разрубали подлетающую магию на части, но не поспевали за другими заклятиями, без промедлений ранили отвлечённых от них врагов. Тайфун продолжал, как таран, пробивать оборону, и у него не осталось ни начала, ни конца, только напористый натиск, последняя мера, рушащая вооружённый ряд за таким же рядом, шеренгу за шеренгой, человека за человеком, словно нож, вырезающий из организма всё ненужное, бесполезное и даже вредное. Магический поток свирепствовал, а мечи пели свои диковинные песни, рисуя восьмёрки, петли, дуги, лихо рубящие налетающую магию.

— Долго они держаться не смогут. Напор силён, а предатели расчищают недобитых в этом шторме... Вон, буквально один взмах и наши падают. Нужна наша магическая контратака! — бушевал Дамир, беспокоясь за своих солдат, что сейчас отдавали долг и Богу, и этой грешной земле.

— Дамир, мой верный архимаг, — не поворачиваясь отвечал Верховный. — Моя атака сможет всё изменить. Я в неё вложу все эмоции, на которые только способен человек. Однако нужно подождать. Совсем немного подождать, хорошо? Я всё продумал, взвесил...

«Либерт, зачем же ты предал нас? Как тебе хватило на это сил, а, робкий, немощный человечек?» — Верховный продолжал следить за развитием событий и выжидать момент...

Старик Адонис целовал крест усерднее и с большим смыслом, всем сердцем надеясь на Вальтера, а Акбек просто молча стоял, не в силах отвести свои пылающие от возбуждения глаза. Он был свидетелем действительно легендарного, прекрасного, редкого явления, когда архимаги, мировые судьи и главные столпы, схватывались в крупном магическом сражении. Его глазам всё это было бесценно и лысый маг иной раз даже забывал моргать, смотря на невиданное светопреставление.

Яркие снопы искр зрелищно разлетались во все стороны от многочисленных взмахов вольного, как птица, оружия в руках. Магия разрывалась на мелкие щепки, испарялась в воздухе, погибала от быстрых росчерков стали. Но заклинаний было так много, что пара-

тройка лихих сфер всё же громко хлопались о тела солдат и далеко не каждый святой маг переживал мощный магический взрыв.

Фронт кипел, и всё же у предателей всё получалось. Святые маги отступали всё дальше и дальше. Враги намеревались взять абсолютно всех своих противников в клещи, заставить отступить в громадную многокилометровую воронку и там расправиться с ними до самого конца, плотно замыкая своё кольцо. Войска Либерта наступали сразу с двух сторон и везде святые маги беспомощно отступали, стараясь бороться изо всех сил. Приказа на использование магии всё не поступало и не поступало, потому оружие в руках по-прежнему оставалось добрым и верным другом.

Бой не утихал. Оружие ловко крутилось в зажатой руке, а магия всё не иссякала, сколько её не руби. Заклинания иной раз могли лавировать и увливать просто громаднейшее время, покуда маг не бросал оружие от злости, усталости и разочарования. Именно в такие моменты их тело пронзала молния, или обдавал своей магией ужасный напористый ветер, а может и пронзали толстые стебли растений, насквозь протыкающие жертву и с удовлетворением следившие за её печальной кончиной. Воплощённые заклятья были страшны и беспощадны, не давая святым магам ни единого шанса на победу.

— Отступаем! Отступаем! — кричали солдаты, пытаясь хоть как-нибудь выровнять свои боевые порядки. — Поток магии скоро должен иссякнуть. Наша задача сейчас отходить и соединяться в общий строй.

Отступая да изредка прочерчивая широкую дугу своим мечом, сразу делящую несколько стихийных сфер на мелкие части разобщённой маны, солдаты видели остатки того, что раньше звалось полем боя, фронтом, что раньше звалось их армией и верными друзьями. Слезы невольно срывались с их ресниц — когда же закончится эта мука, этот ад, эта война? Почему молчат архимаги? Почему воины света и добра вынуждены отступать как трусы, даже не пробуя достойно ответить врагам за всех ими убитых достойных людей?

— Когда же всё прекратится? Простите нас. Все простите. Мы обязательно отомстим за вас, я обещаю... Боже, это же не может длиться вечность? — ревел один из солдат, шлем которого давно канул под множественными, истерзанными сталью да магией телами. И разве Бог бы позволил всему этому случиться? Разве он бы не помог достойным детям одолеть великого и опасного врага?

Ряды смыкались. Жалкая оставшаяся кучка некогда сильной и гордой армии сейчас проводила ротацию и перегруппировку, смотря на жалкие заклятья, оставшиеся от мощного магического потока. Они кружили, злились, но выжидали момент.

Предатели стягивали силы, громко хохоча да кислотно смеясь, до сих пор бодрые, смелые и неистовые, готовые идти до конца. Победа фактически оказалась в их неверных жестоких руках.

Быстрая, ширококрылая, грациозная птица молнией пронеслась над изувеченным и полностью уничтоженным полем. Кроваво-красная земля пузырилась и превращалась в липкую жижу, пожары охватывали всё больше и больше территорий, своими языками пожирая горы трупов, целое большое море убитых, что отдали свои жизни за влияние архимагов на политической арене. Разменные монеты, обычные рабы тонули в длинных огненных языках не в силах сопротивляться, ведь их глаза были давно закрыты. Птица ворвалась в жирный, плотный, чёрный столб, тянущийся от поля к ясному, голубому небу. Спустя секунду она вылетела, едва не задохнувшись, и лицезрела множество чернющего дыма да серого клубящегося пара. Ловкими движениями лавируя между столбами да

стараясь не смотреть на красное море под собой, оставшееся после чудовищного сражения, птица оказалась прямо над полем битвы, на несколько минут ставшее тихим и спокойным. И только одна молния, до сих пор летающая над святыми магами в небольшой компании из других заклятий, всколыхнулась, резко подлетела и разрядилась о птицу. Её глаза закрылись, крылья опустились и та полетела вниз, прямо в то ужасное поле, что она мечтала пролететь, делаясь частью этого кровавого пира, становясь единой со смертью, ставшей здесь главной и неоспоримой хозяйкой. Стремясь спасти мир, сохранить его да приумножить архимаги разрушали его, убивая природу, умертвляя себе подобных да беззащитных пролетающих мимо птиц. Люди сейчас несли только разрушение, стремясь поддерживать только собственный мир, порядок и процветание. Птичка плюхнулась в кровавую баню, навсегда становясь единой с ней и со всем остальным, невольно ставшим единой, страшной картиной. И то что раньше было некогда прекрасным, чистым, солнечным и зелёным полем сейчас наполнилось смертью, смердящими разлагающимися телами, мухами, кровью, горящей травой, обильными пожарами, дымом и копотью. Прекрасный островок, так похожий на Эдемский сад, теперь оказался в руинах, полностью уничтоженный и продолжающий умирать, вслед за пришедшими сюда людьми. И ведь потомки Детей Бога так ничему и не научились. Ни любви, ни преданности, ни верности, ни состраданию. Они вновь воевали, как встарь, бунтовали, убивали и разрушали, ещё больше доказывая Отцу, что они глупы и наивны как Дети. Всё осталось как прежде. Жизнь их не учила, а лишь и дальше позволяла конфликтовать, сражаться, бунтовать и разлагаться в своих мыслях. Нижний мир, придуманный как наказание, сейчас давал им свободу продолжать жить такой жизнью, какой они и жили ранее, ещё в эдемском саду. Ничего не менялось, люди какими были, такими и остались. Непослушными, своевольными глупцами, считающими себе повелителями мира и его нисвергаемыми единственными королями...

— Вальтер, каков твой план? Чего ты ждёшь? — дрожащим голосом спрашивал Адонис, которого Дамир безуспешно пытался успокоить, утешить.

— Ждите. У меня точно всё получится. Больше не будет войн, я всё исправлю, я больше не допущу этого ужаса. Либерт... Робкий бледный червь, почему ты бунтуешь? Как ты это делаешь? Ты же ведь боишься, ты же ведь понимаешь что не прав, что глуп и труслив. Так как ты всё ещё держишься? Ведь ты знаешь что расплаты и смерти тебе не избежать. Тебя никто и никогда не простит! Неужели ты готов отвечать за свои поступки? Даже не станешь бежать от грядущего наказания?

Дамир поглаживал трясущуюся, горбатую спину несчастного старика, а Акбек восхищёнными глазами продолжал смотреть на великие события, стоя в одном строю со вторым своим хозяином.

Вальтер же был готов. Либерт ответит за всё — за всех погибших, за предательство, за свою ужасную магию, за всё это его совсем скоро ожидает наказание, непременно страшное и праведное. Трус, возомнивший себя самим Богом, будет повержен, как повергались всегда враги человечества. И тощий, внезапно набравшийся смелости архимаг получит сполна за все свои грехи!

— Они меня никогда не простят. Они меня никогда не отпустят... — Либерт впервые озвучил свои мысли вслух. Рядом с ним было пусто, тихо, спокойно. Конь тронулся, стремительно приближаясь к ликующему, довольному войску, сейчас уверенному в своей безоговорочной победе. — Расплата близко, я чувствую это.

Он не боялся. Сейчас он словно бы слился с этой глупенькой, наивной лошадкой, смело

идушей вперёд, не думая и не осознавая своей участи. И Либерт был на этом пути один-одинёшенек. С гордо вытянутой спиной, с прямым серьёзным взором он направлялся к собственным воинам, дабы добровольно и смело положить свою голову на плаху вместе с остальными людьми, которых давно считали за преступников и предателей.

Когда тощий бледный архимаг подскакал к глубокой взрывной воронке, его войска ликовали ещё сильнее, ещё смелее, ещё громче, чем прежде. Противник, их враг, бойцы Церкви Господа отступали прямо вниз, прямо ко дну дымящейся, горячей воронки, не в силах противостоять активным, безумным атакам. Сталь ярко сверкала в свете солнца, святые маги всё ещё отвечали на атаки, однако дух их был уже давно сломлен. Поражение порождало следующее поражение и так раз за разом. Архимаги не смогли помочь собственным солдатам. Они проиграли это сражение...

— Как печально. Мы празднуем победу над врагом перед суровой собственной кончиной... Как же смешно и грустно, как же радостно и одновременно безумно всё это выглядит... — тихим, печальным голосом молвил Либерт на фоне всеобщего, громогласного, победного крика. Да, враг наконец оказался в опасном для него окружении. Враг оказался на самом дне ямы, воронки, откуда выбраться было сложно даже ему. — Это наша полноценная победа, что сейчас и принесёт нам сокрушительное поражение. Всё кончено, я не сбегу...

— Э? — недоумённо повернулся один из магов, смерящий бледного архимага с землёй. Они никогда его не любили... Даже семья в своё время отвернулась, сделав гордого, тощего человека обычным рабом, лишив его права быть настоящим человеком, жить настоящей, свободной жизнью. А ведь всего что он хотел и о чём мечтал — быть нужным, любимым, значимым. Жить простой скучной жизнью в кругу семьи, ценящей и уважающей его заслуги, поддерживающей и говорящей искренне и чисто, как и подобает общаться близким родным людям. Он хотел любви, остальные любили только себя.

— Ты не боишься смерти? — тихо спросил архимаг, внезапно кротко улыбнувшись, будто бы в последний раз.

— Конечно не боюсь. Никакая смерть не заставит нас встать на колени и проиграть. Победа за правдой, — громко отрапортовал маг, тоже улыбнувшись и смотря на спокойного, умиротворённого архимага, уже давно казавшегося мёртвым, безучастным и смирившимся. Словно они и не побеждали врагов своих, словно и не гулял здесь победный грациозный крик, словно бы последние секунды были уже сочтены. — Мы уже победили. Враг на дне, он сломлен, он в ловушке, он близок к уничтожению!

Солдат так верил в то, что говорил. Такая уверенность, такие пламенные слова, такое несущееся вскачь дыхание, такая радость в голосе...

Все они сейчас были счастливы. Счастливы от скорой победы и низвержения врага. Были они счастливы и тогда, когда огромная электрическая яркая трескающаяся стрела полетела вперёд, срываясь с твёрдой руки Вальтера и пронзая воздух, летя всё быстрее, всё молниеноснее. Такая огромная, опасная и брызжущая миллионами ярких, жёлтых брызг.

Предатели один за другим растворялись в этом удивительном, мощном свете. Они становились частью этого прекрасного заклятья, не успевая ни увидеть стремительный объект, ни тем более почувствовать его своей тут же сжигающейся кожей.

Стрела влетела в толпу врагов своих и поглотила её своей неусытной утробой. Ликовавшие солдаты, всё ещё продолжая ликовать да победно кричать, просто исчезали в ослепительном сиянии, что за секунду превратило день — в ночь, жизнь — в смерть, победу

— в проигрыш.

— Сами себе и поставили шах и мат. Безумство и смелость — воистину удел глупцов, — судорожно молвил обессиленный Вальтер, падающий на колени да наблюдающий за убывающей вдаль божественной стрелой.

Она поглощала, принимала в себя, вбирала все тела, силуэты, фигуры, тела всех врагов своих. Святые маги запрокидывали головы и на их глазах стрела Верховного архимага пролетела аккуратно над воронкой, не задев ни единого мага Церкви Господа. Многие из них падали на колени, в начавшейся молитве, некоторые зарыдали от истинного счастья. Великая Война была выиграна добром и светом, как и подобало испокон веков. Правое дело на то и было правым, верным и справедливым, что всегда несло в себе правду, крупицу истины.

Предатели один за другим исчезали в несущейся стреле и оставался только прах, только лишь след, только лишь смерть.

— Что происходит? Господин архимаг, почему вы так спокойны? Сделайте же что-нибудь, мы же все погибнем в этом свете! Господин архимаг! Либерт! Что вы творите? — кричал последний оставшийся в живых маг, тут же обронивший меч и убегающий куда подальше, смахивающий рукавом свои горькие слёзы, чувствующий несущееся вскачь сердце. Его последние удары...

— Конец всегда был так близок... Страх нет, нет и паники. Я заслужил всё это. Воистину, я предатель для всего человечества, я предал даже самого себя, — Либерт прыгнул с коня, спокойным рассудительным взглядом, ожидая нацеленной ему прямо в сердце большущей, гордой, божественной стрелы, расплёскивающей во все стороны ману и ветвящиеся молнии. — Ничего у меня не получилось. Вся моя жизнь — сплошной грех. Не ведь я не хотел всего этого. Бегство, ужас, рабство, владычество, унижения, ненависть и вот я здесь, стою посреди разваленного, уничтоженного поля, вокруг моря из холодных трупов. Я — убийца! Я — трус! Я заслуживаю такого конца!

Либерт смотрел на свои бледные трясущиеся руки и понимал, что он хочет жить. Мечты, стремления, его истинная сущность — архимаг так и не успел раскрыть именно самого себя, не успел выйти из рабства, в котором находился всю свою недолгую жизнь.

— Боже мой, храни этот мир от таких жалких рабов, что вопреки здравому смыслу могут погубить столько жизней. И будь проклят Демиург со своим Планом, и этот Авиад, и Мартен... Вы также жалки как и я и вас тоже ожидает расплата. Даже страшней моей, я клянусь!

Свет затопил всё вокруг архимага и своим острым концом стрела впиалась бледному, робкому, несчастному магу в грудь, расплёскивая кровь да погружаясь вовнутрь сдавшегося бедного тела.

Он стал тем, кем мечтал быть всегда. Смело стоять на своём и делать работу до конца — он смог измениться, смог стать другой версией себя. Его тело разлетелось на куски, на фрагменты рук, ног, на части от взорвавшейся головы, и всё его бывшее тело тут же тонуло в беснующейся яркой энергии.

Когда-то этот робкий слабый человек сбежал из дома, не вытерпев ни ответственности, ни давления, ни рабства. Он убил всех, убил по очереди, ножом протыкая каждое тело родных ему людей. Но теперь то он возвращался к ним и те всё равно встречали его своими крепкими объятиями — он всё ещё был для них сыночком, любимым, задорным, счастливым, он всё ещё был мужем, отцом.

Да, он уничтожил свою семью. Да, он проткнул их невинные тела ножом. Но он так хотел любви и уважения, он так хотел стать для кого-то по-настоящему родным. Они же сами довели его, или виной тому был сам Либерт, не справившийся с ответственностью, с тяжёлой взрослой жизнью, не справившийся со своими чувствами, со штормом внутри себя?

Румянец на его лице развеял бледность, любовь заставила тело прекратить эту постыдную дрожь, домашняя еда наполняла его изголодавшийся живот и Либерт осознал, что потерял в этой жизни:

— Мама, отец, жена, сынок — больше я не убегу. Больше я не сделаю зла... Простите меня, родные, теперь то мы вместе, всё закончилось, я вновь с вами. Я не позволю вам больше страдать, я даю своё слово!

Вся семья потонула в едином счастливом объятии, а тело самого архимага навсегда пропало в растворяющейся в воздухе гигантской стреле. Пропало в реальности, потонуло в этом божественном свете.

— Я вновь дома, я во времени без грехов. Я больше не оставлю никого. Лишившись вас я лишился своей жизни, теперь то я понял... Спасибо всем вам! И простите за всё. Тогда я убежал от самого себя, убил себя, собственными руками погубил каждого из вас... Я запутался, я не смог справиться, я был труслив и эгоистичен... Мы же будем семьёй, как прежде?

Робкий человек наконец почувствовал дом, уют, родное тепло. А всё остальное было уже неважно, всё было позади. Больше не было ни боли, ни мучений, ни страха, ни терзаний. Осталась только любовь да настоящая жизнь, делающая бледного, трясущегося, немощного паренька бодрым, взрослым и румяным мужчиной. Ад закончился, впереди была только настоящая верная любовь...

Магические возмущения становились только сильнее. Великая Магическая Война набирала всё новые и новые обороты, волнами расходясь по всей земной тверди Нижнего мира. Волны невероятной, диковинной магии и громадного количества приготовленной к использованию маны просто пугали. И ведь каждый человек, находясь в любой части этого мира, наверняка почувствует схлестнувшиеся мировые силы.

Жалко, что встреча с Демиургом останется для простых людей обычным звуком, они никогда ничего не узнают, никогда ничего не почувствуют. Да даже архимагам сейчас было не до этого. Они творили историю, что им какой-то Саркис с братом, два Эдемских мага, двое Детей Божьих...

Живот невероятно крутило. Саркис специально использовал весь максимум для того, чтобы знать где конкретно и как близко находится Он, и всё работало прекрасно. Мана отлично улавливала ауру приближающегося Брата и живот был готов взорваться от жёсткой, страшной силы.

— Ты уже так близко... — сгибаясь от боли говорил богатырь, продолжая идти вперёд, хоть и неровно, больше хромающими урывками, чем шагами. — Братец, я не верю... Это и вправду ты? Моё чутьё не может подвести, я это точно знаю, — молвил он, корчась всё больше и больше.

Демиург стремительно сокращал расстояние. С каждой секундой он становился всё ближе, а Саркис наоборот замедлял свой ход.

Солнце благодарственно ласкало своими лучами жёлтые колосья, мерно покачивающиеся на ветру. Ясное, неомрачённое громоздкими тучами небо словно бы было символом надежды на мир, на порядок, на царствие добра и спокойствия. Голубое небо, бесконечно тянувшееся вдаль, умоляло, просило, намекало, словно бы выполняя высшую волю самого Бога. Но мир был позади. Этот страшный день тёмным пятном отразится на всей земле. Люди всегда стремились к конфликтам, люди всегда выходили на поле боя и никто не мог изменить их звериную натуру. Человек стал свободным и он чувствовал в себе творца, чувствовал в себе Бога даже в том мире, что считался миром для отбывания наказания...

Момент наступил так неожиданно, что сердце Саркиса более не оставалось таким холодным, начиная стучать с удвоенной силой, всё ускоряясь и ускоряясь, как ускорялись шаги Демиурга.

— Брат. Спустия столь огромное время, после всех трудностей, испытаний, смертей, мы наконец встретимся как в старые добрые времена. Ты же ведь помнишь Эдем, златовласых братьев, плоды с Древа Жизни — ты же помнишь всё? И нашу дружбу, наши тёплые приятные вечера — ты наверняка осознал, какую идиллию посмел разрушить, наверняка понял, что Нижний мир создан лишь для пыток, мук и бесконечных страданий. Ты был не прав с самого начала... Брат мой, настало время нам воссоединиться!

Природа будто бы замолчала, притаилась, затихла, начиная ожидать той самой заветной секунды, после которой мир прежним быть уже не сможет. Два брата были близко, они почти встретились, их встреча была предрешена самой судьбой и что либо изменить было не под силу даже могущественному Богу...

Живот скрутило в последний раз. Сильно, мощно, беспощадно, люто. Живот скрутило, и

внезапно боль отошла куда-то на второй план, подальше да поглубже. Сейчас было уже не до бьющей в животе дерущейся, неистойвой маны...

Магия забурлила в теле Саркиса. Возбуждение, полная готовность, предчувствие — маг никак не мог отделаться от всего этого. Он понимал, что самый родной человек в его жизни, самый любимый и давно потерянный, практически единственный друг и самый мечтательный из всех мечтательных людей, был уже рядом. Позади гордой вытянутой в струнку спины шла фигура, на голову которой был вздёрнут обычный капюшон, старый, холщовый, нитки которого начинали расходиться и обнажать большие дырки, которых были достойны только нищие оборванцы. Тонкая фиолетовая молния перебегала с одного его пальца на другой. Тяжёлое дыхание вырывалось из его молчаливого рта, а таинственные глаза горели ярко-красным светом, неживым, но таким яростным, не предвещающим ничего хорошего.

Он был за спиной. Буквально в нескольких десятках метров. Чем-то родным и отчего-то добрым дунуло от остановившейся нелюдимою фигуры. Фигуры нелюдимою, дикою, хрипящей где-то под низким дырявым капюшоном.

— Ты... — только и смог произнести Саркис, чувствуя как его голос надламывается, изменяется, дрожит. — Брат... Деми...

— Э... Эрдин... Грх... Хрр... — ворчал родной брат, которого маг искал так долго, так мучительно, так тяжело.

— Что ты такое говоришь? Демиург, ты не узнаёшь меня? — эдемский маг буквально на одних пятках развернулся к застывшему златовласому родственнику, смотря на него с такой жалостью и такой любовью... — Это же я, Демиург. Брат, обними хоть меня, после столь долгой разлуки...

Фигура, абсолютно не шевелясь, смотрела вперёд, сверля эдемского мага своим неживым и ни разу неморгающим взором. Лёгкий ветер трепал надетый поверх лёгких доспехов плащ, а из-под капюшона, никак не меняясь, раздавалось утробное рычание да ворчание, словно бы перед Саркисом предстал не живой знакомый человек, а зверь, робот, твёрдый камень...

— Грр... Хрр... Ты... — не шевелясь Демиург пытался сказать что-то вразумительное, и по мере увеличивающегося звериного, глубокого рыка, молния, шустро перекидывающаяся с пальца на палец, становилась всё краснее да быстрее. — С-с-саркис... — зашипела фигура, как тот самый эдемский чёрный змей, как тот предатель, как тот самый единственный понимающий эдемского мага друг и брат, прекрасный, златовласый и молодой Демиург. — Саркис... Готовься, ты обречён на смерть...

Эдемский маг кивнул, в попытках вернуть себе душевное равновесие:

— Демиург... Неужто мы обречены воевать? Всегда, всё время, вечно? Давай хоть помянем нашу жизнь в Эдеме, посидим, хоть вспомним те славные времена! — Демиург молчал и только молния суетилась всё быстрее и быстрее, разгораясь и дымясь, словно мощная дымовая шашка. — Ты стоишь передо мной, полоумный, тяжело дышащий, жалкий. Ты предал наш род, Отца, прекрасный сад, наших братьев. Ты всё отдал за Нижний мир, за свою поддельную свободу и поддельную жизнь, за всех этих людей, которых ты считал свободными и вольными. Ты думал что они чудесны, просты, душевны и свободны, но на деле все они — потомки преступников, предателей, хитрых наглых людишек. И ты стал точно таким же, Демиург. Ты стал похожим на всех этих предателей и пособников зла!

Фигура не слушала, Демиург был неуравновешен, страшен и непредсказуем. Был

молчаливым, опасным и готовым на всё.

— Ты не ответишь мне? Не подойдёшь? Не улыбнёшься? — спрашивал Саркис, с каждой секундой разочаровываясь всё сильнее и сильнее. — Мы же столько времени провели вместе, столько лет... Ты учил меня, а я предостерегал тебя. Ты меня поддерживал, а я старался не сломаться... Что же сделал с тобой Нижний мир? Что такое этот твой План? Чего ты хочешь добиться своим больным, воспалённым мозгом? Или же ты так и будешь молчать, будто бы в этом и есть спасение?

Демиург был безмоционален и молчалив. Решителен и безумен. Молния, так долго ждущая своего часа, красным росчерком сократила расстояние и разрядилось о содрогнувшееся тело эдемского мага. Тот опустил голову, почувствовав невероятную боль, пронзившую всё его тело.

— Язык боли. Да, мой дорогой братец? — эдемский маг резко поднял голову, безумно улыбаясь да смотря на брата дикими, возбуждёнными глазами. Кроме боя у Саркиса ничего и не оставалось. Отец будет отомщён, а предатели получают своё наказание. Высокомерные и глупые Дети, что возомнили себя много мудрее, величавее и лучше собственного создателя. Те люди, что повелись на собственные идеи, эмоции и чувства. Им придётся платить, повернуть события вспять не мог даже Бог.

Эдемский маг вспыхнул, как яркая спичка в тёмной, тихой комнате. Его магия обернулась неистовым жаром, большими и ловкими язычками, взметнувшимися в голубые, девственно чистые небеса. Фигура же перестала молчаливо стоять, вновь утробно зарывав да выпустив вокруг своего тела парочку быстрых зигзагообразных молний.

Под прекрасным солнцем и небом, в этакую прохладно-тёплую погоду, под лёгкие порывы ветра — люди начинали свою борьбу, войну, сражение. Они были готовы рвать и метать за свои идеалы, они были готовы убивать и кромсать, не считаясь ни с кем и ни с чем. Люди были неисправимы. Они считались только с собственным гласом рассудка и оттого...

— Демиург, ты сам выбрал эту войну. Здесь и сейчас я покончу с тобой, братец! — Саркис старался перекрыть беснующееся вокруг его тело диковинное пламя, а фигура, стоявшая напротив в фиолетовом, ярком ореоле из то исчезающих, то появляющихся фиолетовых молний, по-прежнему сохранял бесстрастность и молчание. У каждого из них была своя картина мира, своя правда, и что либо поменять было уже невозможно. — Полоумный безумный пёс, это же ты виноват в судьбе этого мира! Это ты развязывал все войны, это же ты ответственен за рождение сатанизма и даже Церкви Господа! Всё здесь оказалось подчинено только тебе одному, безумному магу, мозг которого захватила идея! Идея о божественности и всевластии!

Однако Демиург не шевелился и до сих пор низко рычал, словно не признавая адресованных ему слов и искренне не понимая их значения:

— Ррр... Эээ... Грх... Эрдин... — мямлила своё таинственная фигура.

— Довольно притворств. Брат, давай покончим со всем этим кошмаром, прямо сейчас и навсегда закроем книгу именно на этой ужасной чудовищной главе. Когда брат идёт на брата, мир обречён на уничтожение, а люди своевольно делают что захотят, наступает конец. Конец войне, конец истории, конец книге, конец всему.

— Конец? — спросил Демиург, неожиданно подняв взгляд и впери в звериные жёлтые очи эдемского мага, распахнувшиеся одновременно и от удивления, и от жалости. Саркис помнил те времена и помнил то тепло, что всегда царило между ними, сейчас

ставшими друг для друга самыми злейшими врагами. — Говори что хочешь. Давай посмотрим конец... Хррр... Бррр... Давай завершим историю...

Они смотрели друг на друга, словно никогда и не были родными людьми. Их магические ауры с треском соприкоснулись, заискрили, зарычали, в такт начинавшейся Великой Войне Архимагов. Их ауры соприкоснулись, с треском разбивая сердца друг друга, дружбу, воспоминания, встречу, и рождая только битву, войну да яркий конфликт двух друзей, выбравших каждый свой личный путь. Разные идеалы, взгляды, мысли, эмоции... Сама судьба свела их, чтобы потом столкнуть, схлестнуть, покончить с разногласиями. Сама судьба заставляла их страдать, кидая друзей друг на друга и разрушая всё то, что их скрепляло, объединяло, их участь была в этой борьбе и встреча эта с самого начала была предрешена самой судьбой!

— Прости меня, братишка. Чёрный змей должен поплатиться за свои страшные грехи. Я правда не хочу всего этого... — эдемский маг почувствовал горечь в горле, а Демиург даже не моргнул. Его магия, совершенно безразличная и чуждая всему живому, первая молниеносно вырвалась из Демиурга, заставив пламя чёрного богатыря изящно изогнуться в виде прочного щита.

Электрическая фиолетовая буря с грохотом врезалась в щит, расточаясь в огне, растворяясь, развеиваясь, но продолжая держать напор. Демиург был готов сражаться до самого конца и с каждой секундой доказывал это всё больше.

Саркис предпочёл поддерживать щит маной, пока противник кружился, словно фея, пробуя атаковать с разных сторон и с разной интенсивностью. Молнии нещадно били в ярко-оранжевую подвижную преграду, с треском разбиваясь и рассыпаясь мелкими, фиолетовыми, разозлёнными осколками, заливавшими всю округу своим магическим, искусственным, пугающим светом.

Магия этого нелюдимого, молчаливого и рычащего существа, так непохожего на златовласого, умного Демиурга, была бесспорно воинственна и мощна для простых магов Нижнего мира. Молнии хлестали несчастный щит, а тот дрожал. Выдерживал, но дрожал, от самого верха до самого низу.

— Плохо дело. Придётся выйти из обороны... Ну держись, братик! — Саркис даже смог улыбнуться. По-доброму, ласково, даже с некой любовью, хотя какой любви был достоин зачинщик конца света, действующий лишь в своих интересах и плюющий на устои и законы остального мира, на чувства людей, на их города, на их дома.

Щит шумно распался, сумев отразить и развеять по воздуху последнюю, до отказа наполненную магией фиолетовую молнию. Пламя изогнулось крутой дугой и плавно полетела к Демиургу. Тот мимолётно вскинул руку и навстречу огню с треском полетел пухлый электрический шар, сокративший расстояние, с грохотом врезавшийся в дугу, полностью остановив её, долго сопротивляясь и охлаждая огонь, покуда обе атаки не расточились на мелкие частички.

Несколько черепов взлетели к небу, огромными кругами вертясь вокруг Саркиса и изредка идя в атаку, гневно клацая зубами и хватаясь за любую часть одеяния эдемского мага. Богатырь вертел головой, будучи полностью отвлечённый от своего хитрого брата, что продолжал рычать, сопеть, греметь доспехами под своим плащом да ещё и пугать своими красными глазами, единственно видными под громадным, холщовым капюшоном.

Несколько тугих, безумных молний разогнались, встали на позиции и по очереди разрядились о Саркиса, заставив того испустить лёгкий дымок да пошатываться после

каждого разряда. Ток не щадил богатыря, а вся округа тонула в глубоком, фиолетовом свете.

Череп заклацали и ринулись в атаку, безумные и готовые убивать, разрывать на части, исполнять волю бывшего жителя Эдема. Они с остервенением отрывали от эдемского мага кусок плоти за куском, и кровь узорами летала по холодному воздуху. На его куртке множились дыры, его руки безрезультатно выплёскивали огонь, но шустрые молнии совершали виражи, прицеливались и снова били, нещадно терзая уставшую от тока плоть богатыря. Мышцы нервно дёргались от каждой мощной атаки, руки устали впустую придавать мане зримое, правильное воплощение в виде огня, а лёд остался где-то в прошлом, ведь посох был давно погребён под обломками обители Церкви Сатаны. И спасение Саркис видел лишь в бездумной силе, что могла бы помочь одолеть озверевшего, нелюдимого брата и бывшего друга из Эдема...

— Твои молнии... Я не могу им успешно противостоять, ты это почувствовал... Но и моя магия будет тебе неподвластна! — крикнул чёрный богатырь холодной твари, плотно укрытой от лишних глаз и давно погибшей как настоящий человек. Саркис был готов крушить и уничтожать ради блага Отца и всего мира. Демиург обречён на кончину, а его планы будут стёрты, словно письма на песке, смываемые потоком воды. Эдемский маг долго искал Его и вот наконец...

Тот час настал. Пробил, словно колокол. Затрубил, будто трубач в медную трубу. Повелитель огня, грозный чернявый Саркис, сдвинув кустистые брови, нахмурившись и обречённо окинув взглядом молчащую фигуру бывшего друга, любимого брата, хорошего собеседника и простого наивного мечтателя, был готов на отчаянную меру. Огонь обратился в страшную, чудовищную фигуру и бросился в бой, рыча и внезапно заставляя землю задрожать под этими ярко-рыжими магическими лапами.

Молнии, целая их пачка, низринувшаяся откуда-то с ясного голубого неба, торжественно разбились о набирающего скорость пламенного Саркиса, мелкие и незначительные на фоне гигантского всепожирающего тела. Демиург молчал и продолжал стоять на месте, хоть и видел бегущую к нему на бешеной скорости настоящую смерть.

Череп всё ещё клацали, изрыгали мелкие, прочные, зажжённые камушки, однако ловкие плети, вытянувшиеся из спины, словно длинные хлёткие щупальца, прошлись по рядам черепов, завершая их короткую, бесполезную жизнь. И только брызги мелкой крошки салютом осыпались за ревушим и бегущим вперёд громадным жарким чудовищем, что напоминало доисторического, вымершего ящера. Саркис должен был покончить с Демиургом быстро и без помех. Эдемский маг не желал длинного сложного боя. Да и сам брат... Его магия стала казаться скорее небольшой ноющей помехой. Демиург оказался не настолько сильным, невероятным соперником, перекачанным маной. Может, и для Нижнего мира бывший златовласый братец не был такой уж проблемой...

Ящер продолжал свой стремительный разбег. Огненные дорожки петляли за могущественным эдемским магом. Неровные, горячие, угрожающие. Демиург не останавливался, пуская вперёд молнию за молнией, и попытки эти напоминали признание собственного бессилия. Росчерки могущественно ударялись о горячее тело, но остановить зверя было уже невозможно. Саркис наконец всё привёл к этому судному дню...

За огненной спиной яркая вспышка озарила все поля, города, деревни, божественным, ярким светом разлетевшись по всему миру. То гроыхала Война Архимагов. Судный день наступал не только для Демиурга, но и для его приспешников. Конец был уже не за горами, златовласому мечтателю, чёрному шипящему змею наступал такой же финал, как и всему

его Плану, сокрушительно разбивавшемся на громадном поле боя, в Великой Магической Войне.

Зверь был уже в десяти крупных шагах от Демиурга. Огромные фиолетовые сферы со свистом преодолевали расстояние и сталкивались с животным, рассыпаясь мелкими разрядами, небольшими частями, исчезающими в чистом воздухе. Сферы заполнили собой всё расстояние между бывшими жителями Эдема. Одна рухнула в шею и огненное животное поморщилось, две другие одновременно достигли громадных ног и шлёпнулись с ужасным треском, заставив чудовище замедлиться и нелепо захромать. Саркис продолжал идти вперёд сквозь всю боль, сквозь этот дождь из колющих и взрывающихся фиолетовых болидов. Эдемский маг был готов на всё. Этой встречи и этого исхода было не избежать...

Магический дождь продолжался. Сферы сталкивались, летали, кружились. Удары были больны, их было много, и от каждого прикосновения туго завёрнутой в шар чистой маны, эдемскому магу приходилось морщиться, замедляться, потом начинать ускорение, несмотря на интенсивный, непрерывный обстрел. Пламенные ноги втапывали и поджигали жёлтую свежую рожь. Пламенные ноги наконец достигли цели и мелкий-мелкий Демиург, родной брат, сейчас казался незначительным маленьким человечком, что посмел пойти против неистовой, непобедимой стихии.

Последняя сфера со скрежетом коснулась всепожирающего огня, утонув в нём, как символ поражения этого рычащего и сопящего мага. Пути назад больше не было, всё было предрешено судьбой...

Лапы яркого пылающего зверя схватили Демиурга и подняли его как невесомую, смешную пылинку. Саркис ловко подкинул это таинственное обёрнутое в плащ тело, которому уже не сможет помочь даже самый прочный дорогой доспех. Демиурга пару раз нелепо подкинули и сразу же стрелой бросили вниз, будто стремительный снаряд. Земля взорвалась фонтаном брызг, а фигура буквально утонула в земле.

— Прости меня. Нас объединяют воспоминания, общение, узы... Но другого выхода нет, — виновато пробасило громадное чудовище, скопище магии, сплошной всеобъемлющий огонь.

Лапы устремились к рычащему Демиургу, подняли, сжали его маленькое тело. Одна лапа отлетела в сторону, а после на гигантской скорости, рассекая воздух, рухнула в маленькую точку, в друга с эдемских времён, в любимого человека. Тот ярко вспыхнул, будто спичка, раздавленный и униженный, практически убитый, хрипящий от боли и от лапы, что до сих пор касалась его тела, давила, прижимала, поджигая всё тело беспомощного человека.

— Демиург... Скажи хоть что-то. Ответь мне, молю! — но фигура молчала, пока её своими острыми зубами пожирала бурная, яркая магия.

Саркис размахнулся и со всей силы швырнул друга наземь, наверняка переломав ему все кости и не давая ни шанса на дальнейшую борьбу. Битва была окончена моментально, хоть эдемский маг и потратил чересчур много маны.

Демиург лежал, почти неживой и слабо хрипящий. Его тело практически полностью охватил огонь, и вырваться из этого горячего плена Демиург уже был не в состоянии.

— Друг, — продолжало басить жаркое чудовище, приготовившись нанести последний удар по поверженному телу врага. — Скажи, остался ли ты доволен? Стал ли свободен? Ведь ты убежал с Эдема, с этой стальной клетки, дабы раскрепоститься, вздохнуть полной грудью, забыть о правилах, ограничениях, законах, строить свою жизнь только так, как

лично тебе того захочется... Ну так нашёл ли ты здесь то, о чём мечтал? Увидел ли ты добро, справедливость и честность в обществе потомков лгунов, предателей, преступников, предков которых выгнали с прекрасного божественного сада?

Фигура только кряхтела и грудная клетка еле-еле, но пока вздымалась, напоминая уставший парус:

— Грх... Эррр... Эрдин... — предсмертно говорила фигура, когда огонь начинал лизать этот надвинутый на голову капюшон.

— Эрдин? Кто это? Это единственное, что ты мне готов сказать после столь долгой томительной разлуки? Ведь что бы ты не делал, я всё равно остаюсь твоим другом и соратником... Правда, можешь говорить...

— Это я... Эрдин — это я, — бредил Демиург, затухающим взором смотря на подлетающий к его лицу алый, подвижный, горящий кулак. Саркис понял, что Демиурга, златовласого красавца, больше не было. Может он свихнулся? Может всё напрочь забыл? А может делал всё это специально?

Кулак летел, а где-то далеко позади воюющих братьев дрожал сам воздух. Там шла своя война. Там шла Магическая Война. Человек на человека, недавний близкий брат на своего брата, одна идея против другой идеи — эмоции и мысли воистину самое страшное оружие в руках человечества!

Воздух содрогался, ревел от неостановимого магического шторма в Нижнем мире, от страшной, развернувшейся где-то неподалёку серьёзной войны, а пляшущий миллионами весёлых алых язычков кулак всё летел и летел, стремясь попасть прямо в голову обезумевшему да бредящему Демиургу.

«Пора покончить со всем этим. Настал час закрыть эту страницу в жизни. Настал час предстать перед Отцом за все наши проступки и грехи, ответить за всё и, мой дорогой брат, признать ошибки да покаяться... Это единственное спасение для тебя, дружище!»

Кулак изничтожал расстояние, за собой оставляя только жирный, чёрный дым да багровые дорожки из чистого, игривого пламени.

Он сможет убить его, своего брата, товарища, родного человека? А может, несмотря на его проступки и грехи, отпустит его? Вот Бог точно мечтал о смерти златовласого Демиурга, но что же сам Саркис? Убийство или воспоминания? Добро или зло? Что говорило сердце эдемского мага, если оно что-то и говорило?

Лапа достигла цели, остановившись в сантиметре от лица и без того умирающего мага. Огонь пожирал его тело. Ему и без последнего удара конец, история закончилась, злейший враг смотрел на голубое, чудесное небо в свой последний раз!

— Брат, скажи же мне хоть что-то, — прорычал огненный гигант с нотками жалости к павшему врагу. Враг он или друг? Кто он для него, для Саркиса?

— Меня зовут... Эрдин, — полушёпотом ответил маг и огненное чудовище неловко шатнулось, начиная растворяться и обнажать поджарое, богатырское тело эдемского мага. — Я посланник... Эдемский посланник.

Земля под ногами Саркиса зашаталась, ноги задрожали, дыхание прерывалось.

— Кто ты такой, отвечай! — с яростью крикнул богатырь, видя предсмертное умиротворение в горящих, красных, вражеских глазах.

— Я посланник с Эдема...

— Ты от моего Отца? — задумчиво предположил Саркис, внезапно чувствуя некое новое чувство. Сердце его горело, горело таким же огнём, как и разлагающееся тело

эдемского посланника.

— Ты... Ты прав. Я его слово, я его воля. Я вестник твоего Отца, Саркис! — продолжал павший маг, предсмертно хрипя и не моргая смотря на голубое небо.

Эдемский маг больше не мог держаться на дёргающихся ногах, но он старался. Земля стремительно уходила из-под ног, однако Саркис всё ещё стоял, хоть неловко и не твёрдо.

— Ты достойно сражался, маг. Ты показал, что готов к бою с тем человеком, что ответственен за самые страшные преступления. Отец, после этого жаркого боя, позволяет тебе раздавить змею, пригретую под прекрасными, солнечными лучами цветущего райского сада... Он верит в тебя! Ты самый достойный сын и тебе даже простят все твои грехи. Отец любит тебя, ты доказал, что достоин быть его ребёнком!

Эдемский маг прекратил шататься и теперь внимательно смотрел на посланника Эрдина, глаза которого понемногу затухали. Смерть приближалась для вестника, его сердце было уже на грани...

— Ты прав... Твоё дело правое! — маг продолжал передавать слова Бога. — Этот мир изначально был гнилым, не стоит из-за этого переживать или удивляться всему что здесь происходит... Люди приобрели свою волю, они изменили судьбу, подчинили себе мир... Все они вышли из-под контроля и теперь мы слышим грохот, видим войны, чувствуем чёрствость и равнодушие людей к другим людям! Они уничтожают друг друга и уничтожают, каждый из них жаждет королевской жизни. Но ведь они сами покинули свой дворец, свой Эдем... Покончи с Демииургом! Отец верит в тебя!.. Гррр... Хррр... — грудная клетка посланника из божественного сада окончательно остановилась, а огонь всё ещё пожирал погибшую, изуродованную плоть.

— Покойся с миром, посланник. Бог, Отец, ты видел мою решимость! — сказал небу статный, чёрный богатырь, длинные прекрасные волосы которого подхватывал нахлынувший ветер. — Я завершу то, что начал. Я обещаю. Я клянусь! Мой брат будет повержен, как и остальные люди, что поддерживали его. Нижний мир несправедлив, ужасен и своеволен. Люди чересчур много себе позволили. Каждый из них мнит себя ещё выше тебя, Отец. Я положу всему конец! Твоё величайшее родительское слово будет законом для всех тех, кто наплевал в твою душу! Невинных здесь нет и я дойду до самого конца, — эдемский маг смотрел в ясный, безоблачный простор под ужаснейший грохот, вспышки, дрожь земли и отвратительный гул. Люди убивали друг друга. Люди ненавидели друг друга. Люди решали судьбу мира, возомнив себя хозяевами всего сущего! И каждого ждёт кара за это. Наказание и низвержение было не за горами. И встреча — та самая волнующая встреча — была близко, ведь с самого начала она была предрешена самой судьбой!

Свет затухал. Стрела распадалась на мгновенно гаснувшие искорки, полностью справившись со своей тяжёлой задачей. Либерт и его армия были повержены! Буквально одной атакой, мощной, жёсткой, но единственной атакой Верховного архимага.

Вальтер тёр заболевшие руки и неистово шатался, дрожал, мучился. Откат оказался чересчур жестоким, страшным, но магия смогла сделать действительно важное дело. Война казалась проигранной и позорной, война казалась последней секундой в жизни Церкви Господа, однако...

— Надо же! Божественная стрела пронеслась по полю битвы как коса по урожаю. Господин Верховный архимаг — то была отчаянная, но верная мера. Враг полностью разбит! Я горжусь и преклоняюсь перед Вашей силой! — Дамир с искренней и пламенной благодарностью обратился к Вальтеру, сейчас закатившему глаза и нелепо держащемуся за живот в полусогнутом состоянии. Его гордый и величественный вид, дополненный великолепно сидящими, вольными, белоснежно-золотистыми одеждами, сейчас казался образом какого-то другого человека, другого правителя, иного властелина. Гордый архимаг в маске то и дело хватался за горло, раздираемое откуда ни возмись диким жёстким кашлем.

Несмотря на терзаемого изнутри Вальтера, тело которого согнуло невероятной магической жестокой отдачей, Дамир улыбнулся ему и по-рабски опустился на одно колено, преклоняя голову и самого себя перед могущественным Верховным архимагом.

Вальтеру становилось всё лучше, однако ранее такая девственно чистая и ухоженная маска сейчас была в липкой крови.

— Ты доказал нам свою преданность, Дамир. Наш верный и умный молодой архимаг. Ты сделал всё во славу Церкви Господа и всех нас, наконец бросивших вызов страшному злу. Ты — наш друг, соратник и единомышленник. Именно с такими волевыми, решительными людьми победа всегда будет за нами, за правдой и за верой! — кричал восторженный Адонис, наивный старик, вновь продолживший целовать крест, сжатый в одной из рук, да читать очередную молитву, надеясь на божью помощь и благодать...

— Спасибо старик за доверие, я никогда больше не подведу вас, — встал на ноги Дамир и обнял тощего старичка так сильно и так крепко, что драгоценная молитвенная книга смешно рухнула на землю.

А Вальтера корёжило, корчило, мучило. Он пытался разогнуться, но боль во всём теле приказывала страдать. Мана, почти без остатка, враз покинула тело Верховного архимага, заставляя жилы зануть да загудеть.

— Вот чёрт... Победа всё-таки оказалась чересчур дорогой! — мямлил страдающий гордый архимаг. — Сколько полегло... Сколько убито... Сколько трупов... Либерт, эта мразь... Я так и не узнал, что сподвигло его встать на другой путь... И я из-за него использовал сокрушительную магию массового поражения, уподобляясь этому бледному херу... Не продумал ничего более действенного и менее убийственного, вот дурень, — корил он себя, начиная разгибаться, но всё ещё крепко держась за живот. Из-под белоснежной плотно сидящей маски потекли небольшие капли пота. Но скоро всё будет хорошо, ведь победа была в их руках.

Война окончена! Хоть и сокрушительными потерями, но всё было позади. И предатель теперь покоится на изуродованном, горящем поле в окружении воняющих трупов

собственных безумных предательских вояк... Вот тут этому бледному и место. Вот здесь и есть его настоящий дом. — Чтоб вы все гнили, отступники чёртовы. Мир никогда не забудет ваши грехи, я обещаю это, я вам клянусь.

Вальтер сделал рывок и полностью разогнулся, до сих пор чувствуя лёгкое покалывание и щипание во всём теле, но скоро всё пройдёт. Настал час праздника, победы, молитвы, настал час торжества, добра и искренней веры в оберегающего всё живое великого Бога!

— Мы победили, господин Верховный, — отпрянул от Адониса архимаг, так похожий на вольного ковбоя с пустошей, с этой лихой, удалой, широкополой шляпой, с белоснежным пушистым пером, в этих разноцветных выделяющихся одеждах, с этой улыбкой и чёрной козлиной бородкой, с этим острым, умным, орлиным взором. Дамир свободно подошёл к Вальтеру, заглядывая всё ещё хромающему Верховному магу аккурат в страдальческие уставшие глаза. — Мы всех одолели. Все предатели у наших ног. И спасибо за это я могу сказать только Вам, самый главный защитник добра и справедливости! — Дамир поблагодарил Вальтера с нотами искренности, дружелюбия и реальной благодарности. И ковбой вновь поклонился Верховному в ноги, заставив того улыбнуться и погладить радующегося победе преданного архимага.

— Ну-ну, хватит, вставай. Всё уже позади. Враг разбит и теперь можно как следует отдохнуть, — приговаривал Вальтер, поднимая на ноги упавшего ниц Дамира. — Мы пережили этот страшный ад, смогли побороть пособников Сатаны, пособников зла, страшных предателей и нелюдей! С нами Бог, он на нашей светлой стороне.

Дамир кивал после каждого слова, искренне и словно бы со слезами на глазах благодаря спасителя всего Нижнего мира:

— Спасибо вам и за этот святой праведный день, и за эту великую победу. Сегодня вы нам подарили надежду на мир, надежду на торжество правды, справедливости и закона! Вы избавили нас и нашу честную Церковь от злых червей и прытких чёрных змей, годами пожирающих нашу верность Богу, нашу веру, наши кресты и молитвы. Вы избавили наш дом от вредителей. Спасибо вам за работу, — Дамир был готов вновь упасть на землю, но Вальтер не дал этому случиться в третий раз. Он придержал своего друга, внезапно обняв его, крепко-крепко, чувствуя искреннюю благодарность того архимага, что Вальтер ещё совсем недавно считал вредителем, предателем, пособником зла...

Этот день перевернул всё с ног на голову. Этот день изменил судьбу всего мира. Этот день раскрыл врагов и показал настоящих друзей.

— Бог и вправду на нашей стороне, Дамир, мой преданный друг, — отстранился от ковбоя Вальтер, пряча широкую улыбку под своей белоснежной маской. — Теперь всё будет хорошо. Мы отстроим этот мир заново и больше никогда не допустим еретиков до нашей святой власти. Я обещаю это тебе, Дамир, мой друг!

Ковбой кивнул и Верховный архимаг покинул его общество, направляясь к старику, судорожно целующему крест своими сухими губами.

— Адонис, дружище, мы справились, — неверящим голосом Вальтер произнёс эту истину и обнял старого архимага, утыкаясь маской ему в твёрдое, старое плечо.

— Верховный маг, вы — наш герой. Вы — наш спаситель. Вы — самый мудрый человек на свете. Эта грандиозная победа — ваших рук дел! Бог поддержал вашу инициативу с походом и теперь все обманщики получили своё наказание. Слава всем магам, борющимся за всё самое светлое и праведное в этом мире!

То был триумф Вальтера, то была его победа! Воронка, страшная громадная рана на

теле мира, сейчас трепещала от громких возгласов и криков остатков войска, в эту минуту гордо марширующих вверх, прочь из огромной дыры, обратно к своим архимагам, что смогли принести победу в этой непростой, страшной Магической Войне:

— Слава Церкви Господа! Слава Вальтеру! Слава нашему Верховному архимагу! Победа! Победа! — кричали в один голос выжившие солдаты, продержавшиеся, не сдавшиеся мечу врага, стоявшие за свою правду до самого конца и верящие в этот громкий победный финал.

Каждый архимаг слышал эти кличи, слышал эти крики своих людей, сумевших спасти жизни, сумевших доказать преданность и верность своему делу. Они возвращались со славной победой на устах и никто не мог отобрать их триумфа.

В начале показались головы, на которых покоились до блеска чищенные шлемы. После Дамир лицезрел доспехи поднимающихся кричащих воинов. А спустя ещё минуту пред ним предстали воины в полный рост. Они тянулись и тянулись из этой глубокой воронки, словно черви из-под толщи земли. На тот момент всё было выиграно, всё казалось закончившимся и таким ясным, как солнце в голубом небе...

Верховный шёл к своим солдатам уже восстановившийся. Шёл, гордо воздев голову к небу, смотря на своих солдат как на победителей. Он шёл им навстречу под солнечными лучами, такими яркими и ослепляющими, шёл к своим людям, сейчас благословляющим его и твердящим о сокрушительной победе над злом.

Акбек, счастливыми глазами младенца, замороженно смотрел на послевоенную картину и искренне восторгался. Лысина его ярко сверкала, как и глаза, широко распахнутые и восхищающиеся радостью после страшной Войны. Он так мечтал стать свидетелем чего-то прекрасного, триумфального, великого. Участь зрителя была начертана на его судьбе и маг с гордостью наблюдал, как подросток, первый раз посетивший кинотеатр.

Адонис же встал около Дамира, не выпуская из сухих длинных пальцев ни креста, ни раскрытой книги. Его бороду трепал ветер, а из правого глаза катилась небольшая слезинка. Он чувствовал, он до сих пор не верил в победу, читая молитву за молитвой своим старым скрипучим голосом.

Армия полностью вышла из воронки и теперь стройными рядами шла прямо к Верховному архимагу. Каждый из воинов был готов рухнуть на колени перед своим спасителем, перед человеком, сегодня спасшим само сущее.

Дамир глядел. Глядел на воинов, на Вальтера, на это поле, купающееся в солнечных жарких лучах. Видел он трупы, пожары, дым, гордую фигуру неспешно идущего Вальтера, слышал крики, морщился от готового испепелить яркого света. Того света, что всегда предвещал конец мира. Того света, что никто больше кроме Дамира и не заметил. Того света, что стал сигналом...

Рука Дамира поднялась быстро и молниеносно, буквально растворяясь в ярком последнем свете. Руку эту видели все без исключения ряды, шеренги, солдаты, каждый глаз, смотрящий вперёд. Направленная в небо, рука была сигналом. Сигналом страшным и бесповоротным, сигналом к концу света.

Вальтер бодро шёл, не сомневаясь ни в собственном уме, ни в собственной величии, ни в собственной значимости. Он шёл, весь белый, сверкающий и великий, радуясь концу Войны, радуясь победе, что оказалась преждевременной и неокончательной...

Руку видели все. Каждый-каждый солдат. Но не Вальтер, спиной повернувшийся к архимагам. Адонис в последний раз поцеловал крест, уповая только на Бога, в надежде на то,

что всё позади, что больше не нужно убивать, воевать и бояться. Он верил в Бога, он надеялся на его милость и помощь...

Дамир хищно улыбнулся, будто лесной зверь. Рука рухнула вниз так быстро, будто то был мимолётный росчерк, разряд, короткая молния. Рука опустилась под торжественные победные шаги не знающего и не верящего в поражение самовлюблённого Вальтера...

Рука рухнула, и пред глазами Верховного мир поплыл, словно от жары в пустыне. Хаос завладел войском, к которому он так победно шёл... Кинжалы и ножи блеснули в солнечных лучах и вгрызлись в солдат. В его солдат. В его святых магов.

Брат снова убивал брата, кто-то принимал бой, уверенно держась и отбивая все атаки. Многие падали на землю, лишаясь своей головы и обнимая горячую кровавую землю. Войско потонуло в хаосе, сумятице и крови, что широкими дугами летала по воздуху и красивыми фигурами ложилась на землю. И на миг та самая ослепительная стрела, пронзающая вражье предательское сердце, показалась смешной и незначительной атакой, ведь в конечном итоге всё оказалось зазря:

— Дамир, мой верный друг, мой архимаг, помоги! Наша победа преждевременна, что-то не то происходит! Дамир, мой друг!.. — Верховный повернулся к тому архимагу, которого уже посчитал преданным сторонником Церкви Господа. Он повернулся, смотря на своего друга и верного соратника безумными круглыми глазами. — Нет... Я не верю... Не может быть... Дамир... Изменщик... — не верил Вальтер, смотря на этот хищный оскал, позади слыша звуки Войны, что, казалось бы, уже окончилась сокрушительной победой сил света...

Кинжал блеснул у дрожащего старческого горла. Пот бисеринками стекал с аккуратной, мелкой головы, стекал с длинной и неухоженной бороды. Адонис нервно сглатывал и молчал, чувствуя холодную сталь, готовую убивать!

Молитвенная книга бесполезным грузом рухнула на землю, навсегда закрывая от глаз старика праведные молитвы. На землю, громко стучаясь, упал и тяжёлый блестящий крест, что так и не смог помочь старенькому дрожащему Адонису. А уже следом за божьей помощью на землю рухнуло бесчувственное тело погибшего архимага. Старика, так неистово верящего в помощь Господа, старика, что так и не смог защитить себя от страшной участи.

Кровь разлилась лужей под погибшим телом. Не шевелящимся, не дышащим, не молящимся. А над преданным слугой божьим горой высился ловкий, молодой, умный Дамир, белоснежным платком стирающий густую кровь с кинжала. Его оскал украшал хитрое лицо. Лицо истинного предателя! Лицо того человека, что обманул самого Верховного повелителя магов. Лицо, что продолжало служить Плану до самого конца.

— Адонис... Друг, самый настоящий, верующий, преданный... Дамир, я никогда тебе этого не прощу! Никогда, слышишь? Никогда...

Хитрый соколиный взгляд сверлил шатающегося Вальтера. То был взгляд того, кто смог перевернуть исход всей Войны. То был взгляд человека, до конца верящего в свои идеи. Дамир подбросил теперь уже чистый от крови кинжал и продолжал наблюдать за Вальтером. Конец света только начинался!

Работа была завершена. Новый красно-черепичный гордый шпиль пронзал это голубое небо и не было красивее постройки на много миль окрест. Башня удалась на славу — прямая, высоченная, крепко сложенная, красивая, лишённая огрехов и шероховатостей. Флотлер стал ещё лучше себя прежнего, и радостный, удовлетворённый Авиад, как заведённый, бродил вокруг да около, всё никак не прекращая восхищаться раскинувшимся

посреди жаркой пустыни настоящим сокровищем, драгоценностью, величавой магической башней, с которой и начиналось исполнение его собственного Плана. Демиург более не мог помешать старику, и Авиад это знал. Всё было под контролем. Всё двигалось туда, куда ему, старичку, было необходимо.

— Наконец всё готово. Я так долго ждал этого часа, я волновался за эту башню, волновался за собственный План. Теперь то уж точно дороги назад нет. Слишком много сделано! Слишком много готово! — восклицал восхищённый старик, смотря на тянущуюся к ясному небу грандиозную постройку.

Позади старческой спины уставшие, потные и тяжело дышащие, сидели маги. Те, кто выжил, работая на этой жаре. Те, кто смог дойти до самого финала, сейчас присевшие, почувствовавшие усталость и понявшие, что всё уже было позади. Нет страданий, теперь только благостный умиротворяющий отдых!

Старик до сих пор нервно бродил, всё никак не на радуюсь Флотлеру, успевшему вознестись к небу строго в установленный срок.

— Я не верю... Она гораздо лучше, выше, стройнее и прекраснее себя прежней. Я не верю... — бормотал Авиад, суетясь, ползая и не останавливаясь ни на секунду.

Двое крепко сложенных стража сурово нависли над радующимся стариком:

— Вас ждут, господин уважаемый архимаг. Все приготовления закончены. Слуги ждут только вашего окончательного приказа, — отрапортовали стражи, сурово сдвинув кустистые брови и молчаливо-терпеливо ожидающие внимание и ответа счастливого старика.

— Какая же красота, какое величие... Такая стройная и прекрасная. Такая грациозная и ровная... Да-да, сейчас подойду, пусть перепроверят материал! — нервно приказал стражам Авиад, отправляя их к раскинувшимся рядом небольшим палаткам.

Несмотря на завершение строительства, вокруг кипела работа. Кто-то внимательно осматривал палатки, кто-то кормил и поил несчастных, уставших магов, кто-то перебирал нечто гранённое, сверкающее и лёгкое.

Работа кипела, а старик архимаг уже подходил к ближайшим палаткам, бодрой походкой настоящего победителя.

— Вы всё проверили? Всё готово? — радостным голосом стал уточнять Авиад. Ответом ему послужили быстрые кивки дрожащих, бегущих прочь отсюда слуг, что расступались, расчищали дорогу своему покровителю и архимагу.

Старик подошёл к раскинутым на жарких песках многочисленным простым палаткам, в каждой из которых был ключ к победе. К Великой победе!

— Тот час наконец настал. Плану Демиурга теперь точно конец... Сейчас начнётся моя эра! Я приведу этот мир к процветанию, я исправлю всех этих прогнивших чёрствых людей. Я разрушу этот неисправимый и построю новый прекрасный мир. Мир морали, добра, справедливости. Мир без Демиурга, его интриг и Планов, — возбуждённо покрикивал Авиад, наконец заходя в одну из палаток и своим цепким взором осматривая всё это великолепие:

— Чистая мана. Великолепная, бесподобная. И её так много... — старик вылетел из палатки чтобы заглянуть в следующую, также до отказа набитую раскрытыми банками, в которых плавала так необходимая старику магия. Жидкая, желтоватая, такая манящая, такая дивно пахнущая. Ёмкостями с нею был заполнен каждый божий квадратный метр, каждый угол, каждая палатка.

— Сколько принесено жертв. Сколько людей так и не осознали, за что отдавали

собственные прогнившие душонки. Вся эта магия — это билет в будущее! Наконец всё готово... — Авиад был так взбудоражен, что от счастья он нервно качался на одних пятках, диким взглядом осматривая всё-всё подряд, покуда не закрыл последний вход в самую крайнюю тонкую палатку. Его голубая накидка развевалась, словно флаг на ветру, а руки дёргано тискали так и не умытую, длинную бородёнку. — Столько силы, столько энергии, столько топлива... Флотлер с аппетитом сожрёт эту силу, в этом у меня нет ни малейших сомнений. Пора приступать!

Щуплый, худой старик похлопал в ладоши, заставив слуг начать поспешно и трясась от страха брать банку за банкой, склянку за склянкой, пластиковую коробку за коробкой, направляясь с магией погибших людей аккуратно к основанию башни. К глубокому прочному фундаменту, к огромному подземному этажу, что станет резервуаром и хранилищем для желтоватой, неистойвой по силе маны.

— Для заполнения резервуара всего этого хватит... Жалко что погибшие так и не узнали, какую благородную, праведную и верную идею мы преследовали. Мы спасём человечество, обязательно спасём! — Авиад искренне восхищался своим Планом. Планом, в котором больше не было места Демиургу, великому магу, основателю их сообщества. Правила игры отныне поменялись, поменялась и сама игра.

Немного в отдалении стояли ещё несколько раздувающихся ветром простых тканевых тонких шатров, что буквально светились ярким, прекрасным светом. То была вторая часть Плана. В шатрах теснились кристаллы, гранённые фигуры светло-синего, мерцающего, мягкого цвета. То было то, что так долго ждало своего часа!

Подле шатров стояли босые, тихие, робкие слуги, ноги которых буквально тонули в зыбучем всепоглощающем жарком песке и его иссушающих волнах, раскинувшихся на много миль окрест.

— Приступить к раздаче всех этих бесценных кристаллов, ещё одних билетов в новое будущее. Время пришло, — слуги забежали вовнутрь шатра, вооружившись большими удобными чёрными сумками. Рабы стали складывать в них кристаллы своими цепкими, ловкими пальцами, собирая их один за другим, такие блестящие и прекрасные. — Раздадите их людям по заранее оговорённому плану. Не смейте подвести меня! Для мира ваш труд сейчас — это спасение целого всего и вся! Мы уйдём с тонущего корабля, мы покинем его — чтобы создать новый, светлый, другой мир. С нами Бог — за работу!

Слуги пахали как звездённые и день, и ночь, не останавливаясь ни на секунду. А сам старик, традиционно вольной, свободной походкой, подходил прямо к большим вычурным воротам, знаменующим вход в одну из самых великолепных магических башен.

Маги, уставшие как собаки и совершенно потные, как если бы бежали несколько километров, сопровождали Авиада своими взглядами, полными молчаливой ненависти и даже смеха. Старик пытался показать миру что он не стар, что его ум — остр, а движения — уверенные и смелые. Однако он давно отжил своё время и сейчас то была лишь тень того архимага... Авиад надел эту неснимаемую маску самого умного, мудрого, молодого. Он собирался обмануть весь мир, всех людей, даже самого себя. Может потому он и стал частью Плана? Стремясь избавиться от своей дряхлой телесной оболочки, он встал в один ряд с Демиургом, этим молодым, вольным зверем, умным как орёл, великим как Бог! Демиург был солнцем, Авиад был закатом, что отчаянно цеплялся за свою жизнь, за свою правду, за своё право на власть. Но Авиад катился всё дальше и дальше, к краю небосвода, и никто более не мог остановить этот стремительный закат. Время Авиада и впрямь прошло...

Ворота шумно открылись, со скрипом расходясь в стороны. Старческому усталому взору открылась просторная церковная зала, потолок которой был ярко-ярко расписан героями из преданий, легенд и многочисленных святых историй. Были тут ангелы с широкими грациозными крыльями, был тут и мудрый лик Бога, были простые картины тех людей, что в будущем окажут большое влияние на святую историю этого мира — приверженцев идеи Демиурга...

— Прекрасная роспись! Мои маги постарались на славу, как я погляжу, — благодарность была вложена в слова дряхлого старика, что шёл себе вперёд, цепким взглядом замечая и эти красочные витражные окна, и блестящий, гладкий, словно бы музейный пол, и высокие стены, тянущиеся к этому далёкому куполу.

— Крис, моя дорогая подруга. Надеюсь тебе лучше? — с заботой обратился архимаг, подошедший к удобной, миленькой женской кровати, на которой, попивая тёплый бодрящий чай и молчаливо хлопая глазками, отдыхала приходящая в себя после стольких непростых потрясений черноволосая красавица.

— Не волнуйтесь так за меня. Всё уже неплохо, я стабилизируюсь в скором времени. Спасибо вам за заботу... — поблагодарила молодая некромагичка, продолжая пить вкусный чай и смотреть на старика, пред которым поспешно расступились снующие туда-сюда слуги, разбежались, дали ему дорогу.

Авиад мягко присел на воздушную кровать, ласково смотря на красивую и сильную по магической ауре девушку:

— Ты — наш третий и самый главный билет, Крис. Восстанавливайся, моя дорогая. С твоими способностями и знаниями, унаследованными от твоего великого деда, совсем скоро наш общий План будет приведён в действие. И только твоя некромантия сможет спасти всех нас!

Крис, улыбаясь, уверенно кивала. Она действительно уже была готова и потому сейчас копила так необходимые её женскому телу громадные силы. Её дед хотел бы победы! Её дед хотел бы помочь! Её дед верил в лучших людей, в новое общество, и именно поэтому единственный некромант в мире, по чудовищной случайности бывшей прекрасной возбуждающей девушкой с большой грудью, милыми глазками и аппетитными губками, уверенно кивнула, отвечая мягким преданным голосом:

— Я никогда вас не подведу, Авиад! Мы доберёмся до самого конца и исполним задуманное!

Старческое сердце ускорило, словно скоростной поезд по рельсам. И никто не мог более остановить бывшего Верховного архимага.

Деревня отныне стала тихой, неприметной и будто бы полностью вымершей. Редкие люди выныривали из своих деревянных, уютных домов, однако даже жизнь в пределах этих улиц не могла оживить одну из многих-многих разорённых убитых деревень.

Эдемский маг Саркис, вечно рычащий Божий посланник, убийцы из отрядов Авиада — для этой любимой многими людьми деревни наступила смерть, жители надеялись, что никто из врагов никогда больше не пройдёт по великолепному центру, где стоит тот самый прочный, толстый дуб. Все беды были позади для выживших жителей, по крайней мере так должно было быть...

Внезапно целая колонна всадников, словно стрела, пролетала мимо домов, мимо улиц, мимо испугавшихся несчастных людей. Всадники, те самые, которые в муках погибли от лап

беспощадного магического огня. Те самые солдаты на конях, вся дружная весёлая сотня сейчас скакала к Чёрному городу.

Их тела были составлены из праха, земли и пыли, а у некоторых составлены из остатков мышц, органов, фрагментов конечностей, искривлённых, окровавленных, подгоревших и сейчас противно пахнущих гарью. Всадники скакали, возрождённые своим архимагом, своим Дамиром, что смог всё же постичь азы некромантии. Крис не была одна в своём умении...

Дамир наверняка радовался. Эксперимент полностью удался! Сила Дамира и впрямь работала. Да и степень оживления мёртвых тел ясно говорила о совершенстве в базовых некромагических навыках.

Они неслись, изуродованные, не способные на мышление, угольно-чёрные. Они неслись, а в спину им дышала сама смерть.

Их руки, положенные одна на другую, стали символом нового начала, нового объединения, нового союза. Все они собрались здесь ради свободы, ради будущего, ради идеи, что захватила их разум. Они положили руки в знак согласия идти до самого конца.

Тогда на всех них светило то же солнце, что и сейчас над кровавым, смертным полем. Такое яркое, закатное, будто бы последнее в жизни этого мира. Сигнал к концу дня и началу чего-то нового, что вспыхнет сверхновой звездой после глубокой, тихой ночи.

Люди смотрели друг другу в глаза и видели общность, видели понимание, видели единство. Они сплотились вокруг идеи, вокруг общего будущего, вокруг надежды на прозрение и обновление страшного мира, погрязшего в грехах, чернухе, унижениях и боли. Мир того требовал, и закатное солнце, стремительно несущееся к далёкой линии горизонта, наверняка тоже мечтало о чём-то большем и лучшем. Мир был готов к смерти, и потому палачи нынешнего и боги нового наконец сплотились, сошлись, скрепили союз этим теплом и силой, что передавались от одной руки к другой, от сердца к сердцу, от взгляда к взгляду.

Отныне они будут едины. В их глазах читался восторг и трепет, их руки, не разрываясь, скрепляли вместе, их энергия бушевала, словно неистовый пожар. Авиад. Акбек. Мартен. Дамир. Либерт. Старый некромант. Крис. Все они видели друг друга, ощущали, чувствовали. Теперь они трудились во благо одной идеи, во благо одной громадной цели. Теперь они были нерушимы.

— То что нам предстоит сделать продиктовано самим Богом! — раздался яростный, властный голос, раскинувшийся над светлой поляной, покрытой жгучим закатным солнцем. То был златовласый маг. То был тот человек, что стал их вдохновителем, звездой, указателем, примером и учителем. — Умиравший мир будет отчаянно бороться с нами. Он не захочет умирать в агонии и муках. Однако наше дело правое, потому мир сейчас стоит на грани — всё вокруг требует скорейшей безболезненной смерти старого и прекрасного рождения нового, который нам с вами и суждено открыть! — кричал Демиург молодым, энергичным голосом. И все уши были сейчас обращены только к нему. — Мы — это путь в будущее! Наше единство да поможет нам в этом сложном деле. Мы сражаемся за правду, наша цель — исправление людей, общества и выстраивание совершенно другой модели мира. Да будет идея властвовать над нами, да будем же мы преданы общему союзу!

Энергия лилась сквозь их положенные одна на другую ладони. Участники Плана смотрели на себя, смотрели и на божественного Демиурга, полностью золотого, яркого, гордого. На него будто бы разлилось само золото, полостью покрыв улыбающегося мага, что высоко поднял руку в знак начала их содружества, объединения, союза. Они же тогда и предположить не могли, что практически никто так и не доживёт до завершения Плана. Тогда о средствах никто и не думал.

Златовласый Демиург был их солнцем. Новым солнцем, что обязательно приходило после ночи. И все члены нового союза видели в нём будущее, видели процветание и новую жизнь. Они же всегда старались ради людей, ради них прошли этот страшный, преступный и греховный путь. Идя за своим ярким солнцем, следуя за тем человеком, что их всех использовал в собственной шахматной партии... Он светился куда ярче этого закатного солнца, был таким ярким и недосыгаемым, словно восход, а может он тонул в последних закатных лучах, являя собой символ конца света?

Фигуры были расставлены на доске этого восторженно-радостного Демиурга. И теперь только ему предстоит их расставить на места, а потом и двигать по гигантскому чёрно-белому игровому полю. Отныне всё было в его молодых руках. Отныне его разумом управляла лишь бездушная идея.

— Новый мир будущего... Мы продолжаем войну ради него! Обмануло всех наше солнце, Демиург, не обмануло — всё это не имеет никакого значения. Значение имеет лишь мой порыв, лишь моя верность выбранному кровавому пути. Мы обмажемся в крови, мы все по пояс утонем в этой красной луже, если того потребует реальность, люди, весь мир. Мы всё изменим, даже сейчас я верю в это! Хоть и продумал свой план действий на случай настоящего конца света... — Дамир не верил в то, что Демиург, их путеводная звезда, их объединяющая фигура и такой уверенный, статный маг может ошибаться, может проигрывать, может даже уничтожить всё, вся и всех. Этот златовласый, умный, хитрый маг совершенно точно предусмотрел всё, перепроверил, убедился что все фигуры стоят на своих местах и играют данные им партии. Демиург точно всё знал наперёд, и всё же отчего-то архимаг-ковбой освоил запретные некромантические техники и был готов в любую секунду использовать их для отхода с игрового поля. Хоть и по наставлению Авиада, но Дамир давно подумывал заняться настоящей некромантией.

Дамир размышлял, думал, гадал, а солнце опускалось всё ниже и ниже, своими лучами поглаживая уже ставшее холодным и ничего не значащим телом обречённого на смерть Адониса. Конец света заиграл своими предсмертными хмарными красками. Мир начал своё движение к закату...

— Дамир... Ты преступник! Обманщик! Я покараю тебя... Я только тебе поверил, я только понадеялся на тебя. Ты всё разрушил, дешёвый интриган, — кричал Вальтер, смотрящий на улыбающегося предателя, на того человека, что обманул Верховного архимага, на того человека, амбиции и мысли которого оказались слишком огромными для обычного человека.

Ковбой молчал, натягивая на лицо широкую маниакальную улыбку. Акбек, стоявший рядом, следил за двумя архимагами. Он был зрителем. Не пригодным для участия в чём-либо, ничего не умеющим и ни о чём больше не мечтающим. Просто пожирающим своим пристальным взором разразившуюся страшную междоусобную бойню...

— Ты нарочно вклинил своих предателей в ряды моих святых магов. Ты нарочно устроил эту битву, эту войну. Ты нарочно заставил моё войско так долго, трудно и изматываяще биться с Либертом. Всё это была игра, так ведь? Ни грамма искренности? Всё подстроил... Всё продумал... Дамир, отвечай же мне, крыса! — Верховный скорчился в ужасном крике, что взлетел к закатным небесам и потонул там, среди набежавших небольших, пушистых облачков. Архимаг вопил, он мучился, он чуть было не сорвал маску со своего вечно скрытого ото всех лица. Он рвал свои белоснежные одежды, он проклинал Бога за его бездействие... Весь мир могущественного мага разрушался с каждым взмахом лихого предательского меча, с каждым падающим на землю телом, с каждой минутой молчания Дамира, ловко поправляющего вечно съезжающее перо на шляпе и сейчас нагло смотрящего на конец главы Церкви Господа, на конец Вальтера, что сейчас лишь беспомощно кричал. — Я же всю жизнь отдал молитве, Богу, церкви... Почему же меня бросили одного? Бог, я твой верующий раб, так зачем и отчего отвернулся ты от меня? За какие такие пригрешения и ошибки? — Вальтер рухнул на колени, заставив Дамира

язвительно рассмеяться.

Никакая молитва, никакое слово не сможет помочь утопающим. Вера в себя, в свои силы, мысли и ум — вот истинное лекарство от бед. Ни молитва, ни икона, ни тяжёлый добрый верный крест никогда не станут тебе друзьями. То лишь вещи, звуки, надежды, которых достойны только низкие по духу люди, готовые только падать на колени перед сильнейшими да умолять их о прощении, о силе, о победе, о будущем. Сами они...

— Слабаки! — Дамир внезапно до скрипа сжал зубы, начиная ими гневно скрежетать. — Адонис, Вальтер, все эти святые маги — их ждёт только смерть. Рабы, а не лидеры, уповающие и верящие, но не сильные и властвующие! Вы — не наше будущее. Вы не стоите и мизинца любого человека, примкнувшего к Плану, — предатель выговорился и на душе его стало гораздо легче. Дамир даже позволил себе кривую усмешку.

Вальтер же убивался, лёжа на земле. Позади шла битва, страшная и кровавая, бесчестная и несправедливая. Одни из солдат мечтали сохранить всё подаренное им от самого Бога, а вот их противники мечтали схлопнуть, уничтожить весь этот греховный мир, убить всех подлых, мерзких людей, попробовать создать новую жизнь, которая бы была даже лучше Божественного Эдемского сада. Предатели верили в способность Дамира, в силу Демиурга, верили в лучший мир без несправедливостей и других страшных тягот, лишений, злобы, ненависти, даже смерти — идея стала частью их самих, стала их мечом, их криком, их словом!

— Вперёд! Смерть всем слепцам, потерявшим свет, — кричал усатый святой солдат, покрепче хватая сталь, что всё это время покоилась в его ножнах.

Мечи снова порхали в воздухе, как бабочки в прекрасную погоду. Звон заполнял собой всё пространство в округе, чудесный колокольчиковый перезвон летал по воздуху, мечи сталкивались, скрежетали, высекали искры, озарявшие как сторонников нового мира, так и тех, кто воевал за эту уже потухающую реальность...

— Я не буду трогать тебя, Акбек. Ты же выбрал верную сторону, не так ли? — Дамир элегантно повернулся к лысому магу, возбуждённо смотрящему на развернувшуюся перед его глазами бойню, освещённую яростным, всеобъемлющим закатным солнцем, что огромной, неистово пышущей точкой по-прежнему светило у самого горизонта.

Солнце не хотело покидать этот мир. Оно стремилось остаться. А святые маги, вышедшие из недавней диковинной боевой неразберихи, сейчас отстаивали своё солнце, не давая ему окончательно закатиться, потухнуть, исчезнуть... Снова маг шёл на мага, снова были слышно кличи, приказы, звон стали и треск воздуха, по которому летала чистая оформленная мана.

Акбек наблюдал, и его грудь тяжело вздымалась, как парус, практически переставший чувствовать вольный ветер:

— Прости, Дамир... Но я не могу решиться. Я же ведь... кхм... всегда был простым наблюдателем, зрителем... Я ничего не сделал для Плана, я ничего не сделал и для Вальтера, — Акбек ломался. Он мечтал выбрать сторону мира, святости, добра и справедливости, но боялся Дамира, Авиада и Демиурга. Боялся их реакции, их слов, их действий. С другой стороны он всё ещё мечтал об крахе этого мира. Трущобы, нищета и грязь окраин столицы, заброшенные деревни, мелкие города, процветающий в них бандитизм, смерть... Он ненавидел всё, что нависало над старым миром — Акбек мечтал перестроить всё это, начать заново, забыть об этом кошмаре, и потому...

— Решайся. Я смогу тебе сделать ещё одно предложение, но немного позже. Думай,

Акбек, думай!

И лысый маг думал, всё смотря и смотря на кипевшее посреди поля чудовищное сражение.

Лихие дуги, неописуемо-быстрые восьмёрки, диковинные обманные взмахи, манёвры, отступления — каждый дрался так искусно, как только мог. Сталь скрещивалась, сталкивалась, чертила узоры, оберегала того, в чьих руках покоилась и была самой главной его защитницей. Магия чертила дорожки, со свистом и грохотом врезаясь в тела врагов, разрывая их на части, на кусочки, убивая всё больше и больше ошалевших, радующихся предателей. Многие начинённые маной сферы летели аккуратно на меч, делясь на две половины и мягко ложась на землю, взрываясь снопами искр и вздымая салют из пыли и грязи. А через него, через это огромное дымовое облако уже неслись остальные солдаты Дамира, в одной руке которых покоился меч, сверкающее в солнечных лучах смертоносное оружие, а в другой покоилась принявшая форму магия, около которой мерно и спокойно летала магическая книга, артефакт, который никогда не подводил и всегда старался во благо своего хозяина.

И с одной, и с другой стороны магия шелохнулась и ринулась вверх, дугой пролетая над полем боя, и изящно обрушивалась вниз, будто тяжёлые, опасные снаряды. Они сталкивались изящно, грациозно, как в сказке, распадаясь на маленькие магические камушки, после сокрушительного столкновения осыпавшие и без того изуродованную, кровавую землю.

Грохот и яростные озаряющие всё небо вспышки затмили собой даже затухающее последнее солнце. А внизу, под страшными чудовищными хлопками, под на части разрывающимися магическими разноцветными атаками, под градом из жарких губительных осколков войны разбегались и сталкивались, во все стороны высекая множественные крохотные искорки. Сражение не на жизнь, а на смерть продолжалось, разрушая последнюю надежду на мир. Отныне говорить будут только их кинжалы, мечи, их мана и их артефакты, мерцающие под этим ярким, радужным небом, что сейчас гремело, шумело, плескалось всеми цветами радуги и предвещало только смерть!

— Решайся, Акбек. Этот мир — мир войн, жестоких людей, самовольных вырожденков, обманщиков и злодеев, или же надежду на Демиурга — человека, который даст всем второй шанс, совершит попытку исправления, станет настоящим Богом для всех, помощником и разрешителем всех проблем? Давай, у всех остался только один шанс! — вкрадчиво напоминал Дамир, приготавливая всю свою магию в теле для мощного броска. Вальтер шёл к нему, больше не помогая своему войску и намереваясь раздавить голову той рыбы, что позволила себе бросить вызов его Церкви Господа, его миропорядку, его людям, его городам и жизням всех людей! Верховный архимаг шёл давить тех тварей, что мечтали о смерти всего и вся, так долго и с любовью оберегаемого его заботливыми сильными руками!

— Я не позволю тебе... Вы — не Боги. Вы — настоящие разрушители. Вы — настоящие предатели в глазах всех жителей Нижнего мира, нашего общего любимого дома. Вас никто и никогда не простит, вы меня слышите?...

Вальтер явно был опасен, хоть он и израсходовал значительное количество магии. Драться против него было откровенным безумием.

— Думай быстрее, прошу тебя. Для нас не осталось иного выбора, мой добрый друг... — пытался вразумить лысого мага Дамир, тем временем ощущая ману на кончиках своих пальцев. Она щекотала и была готова вырваться в любую секунду. А Акбек молчал,

всматривался, размышлял, видя цветастое громоподобное шоу, раскинувшееся писанной картинкой пред его уставшими от всего этого шоу глазами...

Вальтер хищно приближался, вечно прихрамывая и будто бы готовясь рухнуть на землю в любую секунду. Однако он приближался, раскачиваясь, будто корабль на крутых волнах. Подол его белых святых одежд волочился по земле, теряя всю стать и красоту.

Мир дрожал, земля тряслась, как при землетрясении, грохот закладывал уши — последний бой служителей магических башен гремел по всему миру! Никто более не мог скрываться от грохота разноцветной взрывающейся магии, от лязга оружия, треска искр падающих на землю несчастных тел, медленно испускающих дух под топтавшими их ногами ни то друзей, ни то врагов. Всё смешалось в одну нелепую невозможную картину — предсмертное свечение солнца, блистательные хлопки в воздухе, сыпящийся на землю каменный дождь из магических осколков, рушащийся на головы дерущимся, взмахи множества оружия, смерть, хрипы и неистовые крики на пару с боевыми кличами, полными надежд на победу, на возрождение, на продолжение их жизни. И всё это за спиной еле идущей вперёд фигуры, окончательно опустившей руки, но всё ещё мечтающей прихлопнуть всех предателей. Фигура плелась, не смея смотреть назад, а может и просто боясь. Фигура плелась, безжизненным, звериным взором сверля этого хитрого, уверенного в себе Дамира, еле работая руками и ногами, постоянно открывая и закрывая рот, словно желая хлебнуть как можно больше воздуха. Воздуха, в котором давно плавала истраченная сейчас сила, расточившаяся и распавшаяся прямо над головами солдат, ринувшихся в последний бой за свою собственную правду...

— Ну что там, мой друг, участник Плана. Ты решился наконец? — ускорял Акбека довольный, но с каждой секундой всё более и более напрягавшийся Дамир. Его перо трепетало в воздухе, а простые ковбойские лёгкие одежды изгибались в разные стороны под напором этого ветра. Ветра перемен, что нёс в себе дух надежд на новое время, новый мир и новых людей, что воспитаются в нём. Дамир и остальные верили в это ещё сильнее, чем в самих себя...

— Хорошо, Дамир. Другого пути у меня и правда нет. Я не хочу умирать, а ведь меня непременно убьют, — подал голос Акбек, насуплено смотря на подходящую шатающуюся фигуру ещё недавно великого и самого сильного Верховного архимага, сейчас теряющего всё и всех буквально с каждой пролетающей минутой. — Прости меня, Вальтер. Я обещал служить Плану до конца и я отслужу. Дамир — я выбираю путь Демтурга, — гордо провозгласил лысый маг, почесав немного свою сверкающую макушку да поправив развевающиеся широкие штаны.

Дамир, услышав оглашённое решение, только тихо ухмыльнулся и улыбка его растянулась от уха и до уха:

— Правильно, молодец, я смотрю ты верный человек. Держи тогда и не спрашивай для чего это нужно, не спрашивай, — зашипел архимаг, внезапно ставший серьёзным. Он достал из глубокого кармана гранённый синий камень, на котором тут же заиграли прорывающиеся сквозь мощный магический шторм ярко-синеватые лучи, сейчас играющие реквием по всему, чего они касались. — Забирай. Это теперь твоё. Как настанет время, мы используем наши камни. Некромантия поможет... Да, она работает, я точно это знаю. Всё получится.

Акбек молча принял камень, крепко сжимая его в своём крепком, мужском кулаке. В нём ничего не чувствовалось, ни грамма магии. В его кулаке был самый обычный камень, но это не смутило Акбека. Он чувствовал что выбрал верный путь. Зритель наблюдал дальше,

ощущая последнее биение Нижнего мира...

— Я обещал им всем. Обещал людям, магам, Богу. Я обещал быть с ними до самого конца. Я выбрал их сторону, выбрал сторону людей. наших людей. Я выбрал путь процветания, уважения и старания. Я выбрал путь, нужный окружающим и доверявшимся мне людям. И я не подведу их... — кричал Верховный, уже осознающий собственное неумолимое падение. Всё когда-то заканчивается. Пришло время и этого загадочного могущественного человека в маске — настал и его час!

— Вальтер, ты выбрал затухающую эпоху, что осталась за твоими плечами. Я же выбрал восход и рождение. Примкни к нам! Ну, давай же. На нашей стороне правда. На нашей стороне и сам мир. Подумай, Вальтер... — старался вразумить Верховного Дамир, хоть и знал, что тот словно бы защищён непробиваемой бетонной стеной.

— Не за добро ты, Дамир. Не за добро... Предал ты людей, гнида! Отправил на убой за свои сказки... Помог предателям и змеям — этому Авиаду и пропавшей скотине Демиургу... Ты предал свою должность, продажная мразь... Ты позволил втянуть мир в Мировую Войну, ты помог организовать гнойник во главе с Эриком Мартеным, ты убивал невиновных людей, ты дал миру возможность погибнуть в страшной битве, где ты предал собственных братьев, друзей, соратников... Ты мразь, Дамир! Ради сказок, которыми тебя так давно пичкали, ты действительно готов убить всех и всё, весь этот мир! Ты ненавидишь простых людей, подонок! — кричал обессиленный владыка мира, глава архимагов, несчастный человек, теряющий всё что было когда-то вверено ему в попечение. — Одно меня волнует, бывший друг и брат — сам то ты готов умереть за собственные мысли и выдумки? Или задумал сбежать с грохочущего, горящего и тонущего корабля? А, Дамир? Скажи же мне!

— Заткнись, Вальтер! Просто молчи. Мы поможем всем этим людям. Мы очистим этот мир от грязи, высушим здесь затопленные места, мы потушим костры... Так будет лучше для всех! Стоит только доверится Демиургу, стоит лишь поверить... — надрывался Дамир, уже щупая в кармане свою заветную гранённую драгоценность, уже приливая к пальцам всё больше и больше маны...

— Ты не понимаешь... — продолжал шатающийся Вальтер. — Демиург — это смерть! Этот змей погубит всех нас. Одумайся! Он жесток, кровожаден и хладнокровен. Он пришёл сюда сеять вражду, врать, питать своим змеиным ядом... Одумайся и останови бойню за моей спиной! Искуп и ты свои грехи, вслед за несчастной жертвой, вслед за мучеником Либертом, — умолял он, наконец дойдя до лежащего холодного тела старика.

Дамир сглотнул, этот ковбой вздрогнул всем телом. Всё зашло слишком далеко. Вероятно, пришло время...

Вальтер взял на руки Адониса, взглянул ему в недвижимое лицо, погладил бороду, оглядел пустые руки — рядом лежал тяжёлый золотой крест, что так и не смог помочь усопшему, рядом лежала и раскрытая молитвенная книга. Глаза старика умоляли, надеялись, верили... Верховный архимаг провёл ладонью по лицу, навсегда прикрывая умоляющие о помощи глаза погибшего старика:

— Прости меня, Адонис. Да попадёт твоя душа в рай. Да благословит тебя Господь, — Вальтер в последний раз посмотрел на уставшее старческое лицо, положил труп на землю и вскочил, внезапно бодро зашагав к застывшему Дамиру, горло которого сейчас так сильно болело от горечи и боли. Столько ошибок, столько грехов... Нет, он не должен был вестись на слова Вальтера, не должен был...

— Ты заплатишь за это, предатель! Он был нашим другом, мудрым другом... Тебя

ничего не тревожит, Дамир? Ничего не трогает, не волнует? Тебе не жаль несчастного старика?

Ковбой, ещё недавно растерянный и ошарашенный, сейчас бодро подошёл к Акбеку и свободной рукой толкнул его вперёд, толкнул простого зрителя прямо на сцену, прямо на разъярённого Вальтера, прямо в объятия врага.

— Дамир, что ты делаешь? Спаси меня... Спаси же... Я зритель, я не умек пользоваться магией! Ты... — осознал лысый маг и слеза скатилась по его покрасневшей щеке. — Предатель, ты хочешь бежать отсюда... Спаси меня, спаси!.. Предатель!

Дамир хищно улыбнулся и нервно захохотал, запрокидывая голову и вытаскивая из кармана заветный голубой камень:

— Я спасусь. Камень в моей руке телепортирует меня в безопасное место благодаря некромантии. А вы тут сдохните, доверчивые слепцы. Вы сгинете в этой Магической Войне, — он хохотал, хохотал как безумный, трясясь да счастливо выдыхая. Всё получилось, теперь то всё точно было позади!

Верховный архимаг врезался в Акбека, прочно хватая его своими руками да тряся как тряпичную куклу:

— Тоже предал меня... Акбек, за что ты меня так... — сквозь зубы шипел могущественный глава магов. Вальтер до сих пор так ничего и не понял.

Акбек покрылся испариной, завертел головой, попробовал вырваться и тут же истошно завопил, видя озлобленные, звериные глаза Вальтера.

— Прощай Акбек и спасибо, — улыбался хитрый Дамир. — Твой камень — это всего лишь бомба, магическая ловушка. Победа будет за мной, у вас нет и шанса пережить эту Войну, — признался Дамир, продолжая смеяться да танцевать, сжимая в кулаке свой камень — надежду на счастливый побег от сильных мира сего. Крысы всегда убегали первыми, едва завидев лучи закатного, последнего солнца...

— Дамир, не смей! Ты не сделаешь этого, не сделаешь... — убитым голосом сказал Вальтер, пытаясь отойти подальше от Акбека, подальше от бомбы в его руке, но уже было поздно. Время истекло...

— Не сделаю? Конечно не сделаю... Конечно... Вы сами выбрали свой путь! Теперь прощайте!

Акбек плотно зажмурился, чувствуя стекающие по щекам горькие, горячие слёзы, Вальтер старался отбежать, продолжая двигаться грациозно и важно, как глава магов, как повелитель мира:

— Дамир, ты ответишь за свои преступления. Ответишь и за наши смерти. Будь ты проклят, последователь обманщика и змея Демиурга!

И ковбой ответил перед Богом сразу же. Ответил за все свои преступления пред этим миром и пред людьми, которых он обещал защищать:

— Нет!.. Вот чёрт!

Камень в его руке раскололся, всполыхнул голубым пламенем, прочно схватил тело Дамира, схватил плотно-плотно острыми, голубыми зубами. Ужасный грохот прокатился по всему кровавому, страшному полю, разбрызгивая море голубых, опасных пламенных брызг. Сам предатель потонул в голубом огне, потонул в удушливой едкой дымке. А уже в следующую секунду чёрное обугленное тело встретилось с горячей землёй. Горячей от множества смертей, крови и предательств.

Преступник был наказан. Дамир больше не дышал и не задышал бы больше никогда. Его

тело так и осталось лежать дымящейся чёрной разлагающейся золой и никто не собирался оплакивать его труп.

Камень в его руке давно стал тёплым, а грани начинали ранить кожу. Акбек размахнулся и выбросил его куда подальше, окончательно разочаровавшись и в Планае, и в новом мире:

— Прости меня, Вальтер. Я и правда был с ними в союзе. Но одновременно с этим я уважал тебя. Я просто боялся говорить об этом, пойми меня... — пытался оправдаться лысый маг, понуриив голову и в миг погрузнев.

Верховный же гневным взглядом прошёлся по магу, вероятно больше не собираясь прощать его:

— Чудак перепутал собственные творения... Какая нелепая кончина, достойная лишь врага, лгуна, предателя и крысы! — прошипел глава магов, подходя к остывающим останкам бывшего архимага и сплёвывая густую слюну прямо в обожжённое, чёрное, мёртвое лицо. — Бог тебе судьба, тварь! Наш мир будет жить и дальше, вопреки всему.

Вальтер поплёлся прочь от погибшего тела, по-прежнему немного прихрамывая и корчась от боли во всём теле. Акбек даже и не подошёл к павшему бывшему союзнику. Дамир умер в грустном одиночестве, дымящийся, смешной и нелепый в своей участи. И более никто не трогал его тело, которое так и оставалось лежать под оранжевыми лучами, будто бы провожающими архимага в его последний путь. Путь к Богу, путь к настоящему судье, что ведал о всех преступлениях нелепо сожжённого тела. Дамира ждал ад. Дамира ждали лишь страдания и вечные пытки...

— Подождите меня, Вальтер! — крикнул Акбек, всё-таки заставив Верховного архимага остановиться и тяжело вдохнуть нахлынувшего свежего воздуха.

— Я тебя жду, Акбек. Настал и твой черёд платить за грехи. За молчание, за ложь, за двойную игру — ты не станешь исключением и ответишь за свои поступки, — провозгласил Вальтер, подзывая к себе отпустившего голову и всем телом задрожавшего лысого мага.

Солнце всё никак не могло уползти за горизонт и, судя по всему, до конца закатится ещё не скоро. Оно отчаянно цеплялось за жизнь, скребло небосвод, кричало о том, что боится помереть, придумывая ещё миллионы причин для продления своей жизни. Но всё было напрасно, змеи предатели уже сделали свои ходы и подчинили эту игру полностью себе, взяли всё под свой жёсткий контроль. Вальтер это чувствовал. И скрип этих заработавших шестерёнок было уже не остановить...

Его воины дрались, его воины умирали. Они умело махали своими мечами, рубя наотмашь, косо, лихо заворачивая немислимые петли, однако всё было бесполезно. Врага было много и враг был умел в фехтовании.

— Может попытаемся их окружить, а потом начать огонь по этим тварям? Воспользуемся старой проверенной годами тактикой?... Я так... Я так больше не могу... — ныл один из солдат, успевая поправить сползающий побитый шлем, а затем аккуратным элегантным движением оружия остановить напористый удар безумного и бесконечно прущего со всех сторон врага.

— Мы не сможем окружить. Банально не хватит личного состава. Да и противник лезет прямо в лоб. Вероятно, так нам и придётся биться до самого конца, — провозгласил один из солдат, продолжая успешно отбивать любые вражьи атаки, оставляя дорожки из искрящихся, словно звёздочки, маленьких искорок.

Над головами свистел, гремел, грохотал, сверкал настоящий магический шторм, ни на шутку разбушевавшийся и норовивший завершиться где-то высоко над головой принявших бой магов. Магов, принявших, возможно, свой последний великий бой!

Акбек видел редкие магические сферы — водяные, песчаные, а то и огненные — что врывались в плотный строй хохочущих, ликующих врагов и выжигали, давили, таранили всех живых, что только видели на своём пути, оставляя лишь густую просеку из кровавых трупов. Мечи опускались вниз, с хрустом и чавканьем разрывая своих жертв, проходя сквозь их тела как нож сквозь масло. Кинжалы резали воздух на тонкие лоскуты, касались вражеской стали, потом проделывали шустрые танцы и, спустя долгий трудный бой, вгрызались в тела предателей, предводитель которых, Дамир, уже давно покоился на земле. Но бой продолжался, продолжалась и магическая атака. Сталь сопротивлялась, и сопротивлялась неистово, препятствуя вражескому натиску. Бой не затихал ни на секунду!

— Акбек, ты же не надеешься на пощаду? Ты выстраивал План вместе с врагами, ты молчал о всём происходящем, ты не предупредил меня и не раскрыл всех членов этой шайки. Я не прощу тебя, маг, — грустно сказал Вальтер, стремительно поворачиваясь к Акбеку и встречая его опечаленную, грустную фигуру.

— Я ни на что больше не надеюсь, мой бывший повелитель. Каждый рано или поздно заплатит за всё... За все свои пригрешения. Вы сами это знаете. А заплатить придётся огромную цену, я понимаю это, — Акбек, не хотя всего этого говорить вслух, всё же, по неволе, закапывал себя всё сильнее и сильнее, ведь знал, что Вальтер, теряя всё и всех, смотря, как трескается, рушится и уничтожается так дорого сохраняемый его руками мир, сейчас был беспощаден, зол, а отчаяние и ненависть до конца сдавили его тонкое горло. — Приказывайте, король нашего умирающего мира. Отдавайте свой последний для меня приказ!

Слёзы текли по его лицу. Текли, не в силах остановить свой горестный путь. Они падали на землю, у его застывших, дрожавших ног, однако Акбек делал всё, чтобы Верховный не увидел его слабости. Казался таким взрослым, смелым, крутым, а как смерть подступила ближе и задышала своим могильным голосом, так сразу не совладал с собой. Именно за это он тоже мечтал ответить пред этим миром, сейчас делающим свои последние вздохи:

— Приказывайте, прошу, ну же...

— Ты возьмёшься за оружие, пособник убийц, безумцев и лгунов, — Акбек знал это с самого начала.

— Ты возьмёшься за оружие и встанешь в один ряд с остальными моими воинами, что сейчас льют густую кровь и отдают бесценные жизни за мир на нашей земле, — продолжал Верховный архимаг. — И ты не смеешь отсюда возвращаться живым! Ты выкладываешься, ты рубишь, ты убиваешь, но за правое дело, за спасение, за добро. И да будет земля тебе пухом, Акбек. Давай, иди в последний путь! — провозгласил Вальтер, протягивая несчастному магу, простому зрителю и свидетелю всех событий этого мира, своё собственное оружие. Покрытый сапфирами, камнями и ярчайшими драгоценностями длинный острый меч. Личное и несокрушимое оружие самого Великого мага.

— Я отдам свою жизнь, я расплачусь. Только запомните меня именно таким — с мечом наперевес сражающегося за вас, за добро, сражающегося за саму жизнь на земле! Запомните меня таким и поведайте всем историю о том, как один свидетель, наблюдатель и простой человек стал частью большой победы, — Акбек сдержал слёзы. Сдержит и свою дрожь. Не

дожидаясь ответа Вальтера, он отвернулся и уверенно направился к бойне, к битве, к сражению, над которым страшным облаком раскинулось радужно-мерцающее, жутко громыхающее сияние. Акбек ушёл, дабы не вернуться больше никогда.

— Удачи тебе, маг. Мой меч будет служить тебе так, словно ты его хозяин, — и Верховный проводил Акбека своим тяжёлым, измученным, но в тоже время злым и беспощадным взглядом.

Солнце клонилось к закату, битва кипела, земля дрожала — всё было так как должно. Однако, совершенно внезапно, Вальтер ощутил боль в животе. Его скрутило, сжало — это мана внутри отзывалась на ещё одного сильного обладателя магии. Этот кто-то ещё только присоединился к финальной опере этого мира...

— Тот самый маг из письма Авиада. Тот, кто освободил этого гнусного, гнилого изнутри старика. Тот, кто уничтожил Церковь Сатаны, тот кто уничтожил Эрика Мартена... Это идёт разрушитель! Помогающий то нашим врагам, то нам. Словно наёмник, непонятно откуда явившийся и неизвестно что преследующий... Я не могу упустить этого мага! — живот скручивало всё больше, всё сильнее, всё мучительнее. Мана реагировала даже чересчур сильно на приближающееся неизвестное тело.

Топот его сапог — пугал, взгляд — по-звериному буравил, походка — говорила о неизмеримой внутренней силе. Эдемский маг шёл на зов боя! Саркис всегда всё делал ради одной единственной долгожданной встречи и на этот раз он ощущал, что был близок к ней как никогда ранее.

Верховный архимаг же выпрямил спину, сурово посмотрел на подходящую фигуру с этими длинными, чёрными волосами, оценил её и прилил побольше магии к пальцам, приведя всё тело в полную боевую готовность. Такой неисследованный и уникальный экземпляр нельзя было отпускать ни в коем случае. Но и хорошего боя Вальтер дать пока не мог — силы, в большом своём количестве, сейчас были на исходе.

Сапоги Саркиса стучали в такт с небесными яркими взрывами, глаза не моргали, уверенно смотря лишь на разодетую в белоснежные, роскошные одежды гордую, королевскую фигуру, половину лица которой прикрывала пугающая, таинственная маска. Саркис чувствовал силу этого человека, лицезрел и эту королевскую статью.

— Битва почти закончена. Их осталось так мало, буквально горстка всё ещё кидającychся в бой рабов. А это поле — оно пропахло болью, кровью и смрадом, — эдемский маг повернул голову, осматривая далёкие-далёкие просторы, сплошь усеянные трупами. Птицы, громко вопя, поедали павших бойцов, а пожары, горящая огромная воронка и столбы дыма говорили о значимости и масштабности всего здесь произошедшего. — Это поле повидало столько страшных потрясений, что мне даже сложно представить какая жестокость и злоба сподвигли людей на эту чудовищную войну... Для Нижнего мира это однозначно катастрофа!

Саркис всё больше приближался к Вальтеру, гордо вытянувшему спину в тугую струну. Верховный архимаг был готов как к диалогу, так и к битве. Действия уверенного в себе и безразличного ко всему вокруг чёрного мага богатырского телосложения было не предугадать. Мага нельзя было прочитать, понять, либо подготовиться к его действиям. Теперь всё было отдано воле случая...

— Я знаю кто вы такой. Был наслышан о ваших достижениях, — аккуратно начал Вальтер свой диалог, пристально смотря на прочно застывшую статуей фигуру эдемского мага. — Пришли сюда по зову войны? Или по какой другой причине?

Саркис широко улыбнулся, обнажая свои белые, аккуратные зубы:

— Ты прав, мужик. Я пришёл туда, где смогу получить хоть какие-то ответы. Можешь не волноваться — вопросов у меня достаточно, — властным, грубым голосом заявил эдемский маг, получив непонимающий, но готовый ко всему взор Вальтера.

— Прости, но раз уж вы обращаетесь на «ты», то и я буду обращаться к вам также.

— Обращайтесь как хотите, маг.

— Прекрасно... Я бы был счастлив удовлетворить твоё любопытство, мой любезный сильный маг. Однако на чьей стороне ты находишься? Кому служишь? И откуда ты?

Вопросы заставили эдемского мага схватиться за голову своими грубыми ладонями и истерично захохотать, не теряя ни в своей важности, ни в стати, ни в устрашении:

— На какой стороне, маг. Я ни кому не прислуживаю. Никогда! Запомни это и прекрати свои расспросы. Вопросы задавать тут буду я, — Саркис смеялся, заставляя гордого Вальтера вздеть голову к небу и начать нервно сопеть.

— Нет, маг. Я должен знать кто ты мне — друг, совершивший для меня настоящий подарок разгромом Церкви Сатаны и убийством преступника и тирана Эрика Мартена, или же ты для меня враг, что нарочно освободил Авиада из его продолжительного заключения. Кто ты? Что преследуешь? — Вальтер старался говорить спокойно, пытаясь подавить в своей душе очаги злобы и ненависти по отношению к Саркису, что как безумный и самоуверенный настаивал на своём да смеялся над королём этого мира.

— Я для тебя всего лишь маг, с которым нужно считаться и которого тебе придётся уважать. Другом тебе или врагов я быть не желаю. Кто ты для меня такой, выскочка?

Вальтер раздул ноздри, его мана неожиданно вскипела, как волны в океане. Король магов был на грани. Его не уважали, над ним смеялись, его считали пылью у ног. Верховный архимаг не мог терпеть всего этого. Битва началась бы прямо здесь и сейчас, если бы не...

— За победу! — на много миль окрест звучали боевые кличи солдат, сейчас активно теснящих, давящих и массово уничтожающих воинов павшего предателя. — Слава Вальтеру! Смерть преступникам!

Верховному пришлось выдавить лёгкую улыбку, а на сердце его стало куда лучше, и прежняя боль вместе с яростью бесследно исчезла.

Его воины, его маги сейчас напирали на ослабевающих противников, многим из которых приходилось бросать оружие и бежать прочь, лишь бы не стать очередным холодным, бездушным телом, воссоединившимся с землёй. Его маги сейчас теснили предателей и теснили, не оставляя им и шанса на окончательную и безоговорочную победу.

Сражался и Акбек, крепко держась за меч и ловко прорубая им плотный строй противников. Крики, запах крови и яркие искры вокруг заставляли лысого мага забыть о своей роли, слиться с оружием в одно целое и стать единым с солдатами, в миг ставшими боевыми братьями, что помогали, спасали, поддерживали. Одним плотным рядом святые маги напирали на тех людей, которых они считали нечестью, предателями, иродами, отступниками. Маги напирали, теряя своих боевых, верных товарищей, но продолжая идти к победе. Ведь победа могла быть только за правдой!

— Не останавливаемся. Не сомневаемся. Идём вперёд. Осталось совсем немного, мы справимся! — Акбек кричал громко, пафосно, твёрдо, не колеблясь. Он поднимал боевой дух, ведь каждому в строю было тяжело смотреть на умирающих братьев, с тяжёлым грохотом падающих ниц.

— Вперёд! — святые маги пробирались всё дальше и дальше, оставляя предателей

захлёбываться собственной кровью, заставляя их страдать и платить по счетам, как сейчас платил лысый маг, старающийся чуть ли не больше остальных смелых, ловких и быстрых магов. Меч самого Верховного архимага шустро входил в тела врагов своих, до самого дна выпивая их тёплую, алую кровь. Предатели один за другим пробовали эту королевскую сталь на вкус, встречаясь с ней торсом, руками, ногами, иногда и шеей. Царский, величественный меч порхал в воздухе, птицей взлетал и опадал гордым коршуном, крутился, как самая настоящая, изящная юла. Драгоценности на удобном эфесе ярко сверкали, словно мозаика на солнце, и только это диковинное светопреставление видел враг перед тем, как очередной выпад тонкого меча становился для него последним в жизни.

— Мы дойдём до конца. Обязательно дойдём. И нас наверняка запомнят такими смелыми, бодрыми духом, верными и сильными, какими мы и были в этой последней бойне, — просека увеличивалась, меч скрещивался с вражьей сталью, коротко пел свою песню и рушился на тела врагов, не давая им ни единого шанса.

Выпад. Круговой взмах. Неожиданный удар наискось вниз, рубящий очередного врага где-то около плеча. Меч с лёгкостью вылетал из тела, тут же встречая следующий меч весёлыми, танцующими искорками. Оружия расходились, вновь скрещивались, прокручивали в воздухе лихие восьмёрки и снова со звоном сходились вместе. Следующая маневрированная и быстрая атака заставила солдата Дамира истошно завопить и рухнуть наземь, позволяя по-королевски прекрасному оружию продолжать свой танец.

И так было вновь и вновь. Тонкий царский меч крутился, летал, останавливал, изящно пританцовывал до самого конца. Акбек, даже перед своей смертью, уже захлёбываясь кровью и чувствуя в своём теле несколько по эфес плотно воткнутых мечей, ранил и ранил врагов своих, чувствуя победу, чувствуя расплату за всё своё враньё, безразличие и выбор.

Он хрипел, струйка крови вытекала из его рта, однако ни одна слезинка не слетала с его уставших, закрывающихся ресниц. А оружие так и рубило, отбивало, танцевало, нанося каждому противнику сокрушительное поражение:

— Своими глазами я видел то, что не видели глаза никого более в этом мире. В чём же может быть ещё счастье? Оказывается, я во многом ошибался... Участвовать и вносить вклад в общее дело — это оказалось довольно интересным и забавным делом... Спасибо этому миру за эмоции, мысли и воспоминания. Спасибо за эти чувства... Спасибо за этот путь! Я был рад биться рука об руку с этими боевыми братьями... Победы вам, друзья! Да не оставит вас Бог! Да наградит он вас тем же, чем наградил меня — счастливым чувством истинной радости и удовлетворения, которые я смог испытать в этом брэнном умирающем мире... — перед своей кончиной Акбек почувствовал очередное лезвие, довольно быстро вошедшее в его правый бок. Однако всё уже было позади! Простой свидетель, зритель, вдохновляющийся лицезрением событий, сейчас погиб героем в страшном, кровавом бою. И королевский, величественный меч ещё долгие минуты не выползал из цепкой хватки погибшего мага. Акбек был готов сражаться и дальше, до самого конца, до последнего вражеского трупа. И лицо его сияло счастьем и радостью, как сияло всю его интересную, насыщенную жизнь. Вальтер смог подарить магу самое ценное — геройскую кончину во славу всего Нижнего мира! И это прекрасное голубое небо стало последним, что видели его сухие счастливые глаза.

Авиад был готов. Готова была и трепетная милая Крис. Позади них стояли гигантские, возвышающиеся, мощные слуги, что вот уже множество недель охраняли покой старика-

архимага. Все были наготове, каждый в последний раз кидал свой взор на элегантную башню, своим шпилем пронзающую голубые небеса, такие ясные, несмотря на гремящую по всему миру Магическую Войну:

— Прощай, Флотлер. Мои слуги до конца допитали тебя всей собранной маной. Отныне ты станешь прибежищем для всех моих магов. Мне было приятно наблюдать за тем, как ты растёшь кирпичик за кирпичиком. Прощай, моя башенка, мой напитанный магией билет в будущее, одна из пяти величайших и важнейших построек в Нижнем мире.

Все молчали: слуги смотрели вперёд на несущиеся по ветру пустынные волны, Крис понурила голову, в любую секунду готовая начать телепортационное сплетение заклятий, а Авиад в последний раз наблюдал за магами, за башней, за пустыней, за опустевшими палатками.

— Прощайте мои слуги, мне придётся ненадолго отлучиться... — с некой несвойственной ему горечью говорил Авиад.

Маги покидали пустыню каждый с большущей сумкой наперевес, до самого отказа забитой голубыми гранёнными камнями, предназначавшимся самым хорошим и добрым людям, что встречались старику-архимагу. — Разносите эти камни и пусть они ждут. Скоро нас всех будут встречать врата в новый мир. Скоро всё изменится...

Авиад наконец отвернулся от башни и бросил взгляд на Крис, одними глазами приказывая ей начать заклинание:

— Всё идёт строго по Плану. Осталось совсем чуть-чуть, совсем немного...

Крис вскинула руки к небу, начиная своё хитросплетение. Вся округа вспыхнула ярким, голубым светом. Земля задрожала, борода старика завертелась, как и волосы Крис:

— Отправляемся на координаты местонахождения Акбека, этого уroda и предателя. Я знал что он не верен мне и именно потому на нём всё это время был магический маячок... Маг из него был как таковые из слуг позади моей спины. Он никогда бы не узнал о слежке, а вот я о его предательстве с лёгкостью прознал... Акбек ещё ответит, ответит, я не прощу его...

Ладонки девушки стягивали бодрое пламя в одну нерушимую дорожку. Её груди всколыхнулись, чуть ли не вылетая из большого, возбуждающего разреза, глаза её закрылись, а вокруг был только огонь, неистовый ветер да множество высвобожденной на свободу маны.

Старик скрипел зубами, не в силах преодолеть бег молниеносного ветра, смуглые важные слуги по-прежнему безразлично глядели вперёд, не шевеля и бровью, а Крис наконец стянула огонь в линию и позволила мощному толчку отправить компанию в невозможный по своей скорости полёт. Они полетели и их сознания перестали воспринимать чудовищно-яркую, голубую, огненную действительность. Секунды смешались для них в бесконечность и очнулись они только на поле. На том самом поле, где догорали пожары завершившейся Великой Магической Войны Архимагов.

Эдемский маг резко повернулся, перестав смотреть на малочисленных ликующих магов Вальтера, что наконец одержали великую победу. Его внимание привлекло кое-что неожиданное, резкое, непонятное и подозрительное.

Верховный архимаг, улыбнувшись своим храбрым, дошедшим до самого конца солдатам, также перевёл свой серьёзный лидерский взгляд на внезапно произошедшее, тут же ощутив мощный магический толчок и минимум две новые ауры. Хотя новые ли?

— Авиад... — нехотя произнёс Вальтер, сжав кулаки и заскрипев зубами. Его глаза налились яростью, налились ненавистью.

— Старик? Тот самый дед? — поинтересовался чёрный богатырь, широко улыбаясь и сверля приземистого, небольшого старичка. — У меня есть к нему немножечко вопросов. Надеюсь хоть ответит? Иначе придётся выбивать информацию силой, а я этого очень бы не хотел делать.

Вальтер слушал внимательно. Ему казалось будто бы он ошибся, ослышался, однако уши не подводили, всё было именно так:

«Он не специально спасал этого старика. Судя по всему, мы ещё можем объединиться с этим неизвестным магом», — думал Верховный архимаг.

Посреди кровавого поля, до отказа заполненного трупами, действительно появилась небольшая группа людей. То ли телепортиртировались, то ли добрались своими ногами, уже всё это было неважно. Эдемский маг хищно улыбнулся, его глаза заиграли радостью и богатырь двинулся к старику-архимагу, что пытался встать на ноги, но каждый раз падал на кровавую землю, иногда пытаясь заставить девчущку, валяющуюся рядом, взять себя в руки и подняться на ноги вместе с ним.

Вальтер не спешил. Он смотрел на удаляющуюся, гордую фигуру мага, смотрел ему в спину и всё думал, что будет лучше предпринять в этой ситуации. Множество мыслей калейдоскопом крутились в его голове, но Верховный никак не мог ни на что решиться. Он думал, думал, он старался что-то сказать, остановить уходящую, богатырскую фигуру, но ничего не получалось. Вальтер впервые был в смятении и не знал как же поступить. Он не мог решиться, он метался, он искал верный путь, он взвешивал все возможные исходы...

Саркис же улыбался, его глаза весело играли бурным огнём. Он шёл к Авиаду, которого совсем недавно освободил, выпустил, позволил стать архимагом. Старик в то время притворялся невинным, добрым, слабым, на деле оказавшимся совершенно не таким человеком.

— Авиад, дедушка, ты очень вовремя. Вопросов у меня целая сумка. Нас ждёт очень увлекательная беседа, — словно ребёнок радовался эдемский маг, с озорным блеском в глазах смотря на попытки Авиада встать на негнущиеся ноги.

— Маг... Маг, подожди. Давай может... Может договоримся? — Вальтер пытался остановить гордо шагающего, таинственного мага, однако уже было поздно. Пришелец из Эдема никого и ничего не слушал. Он шёл только вперёд, вперёд к Авиаду, вперёд к тому человеку, что точно не упустит свой шанс, в отличие от Верховного... Авиад был далеко не так глуп, у него наверняка был свой План... — Маг... Чёрт, да остановись же ты... Маг! — но Саркис уже давно не слышал Верховного архимага, начинавшего истошно и отчаянно звать его имя. Теперь в поле зрения гостя из Эдема был только Авиад, прекрасная девушка

да два плотных стража, уже поднявшихся и гордо возвышающихся над архимагом и милой, белоснежной, но грозной девицей.

— Не зря же вы столько лет за мой счёт жили, не зря. Помогите хоть подняться, стоят, ворон ловят, — заворчал Авиад, хватаясь за крепкую, смуглую протянутую руку молчаливого слуги. — Ну вот так бы сразу. И Крис помогите, не заставляйте её от бессилия лежать. Она ваша госпожа, не забывайте этого. Её здоровье — моё здоровье, её приказы — мои приказы.

Старика подняли на всё ещё болящие и обессиленные ноги, а следом поднялась и Крис, груди которой весело прыгали под одеждой, а голова неистово кружилась, болела и ныла. Заклинание далось ей ой как непросто, она могла собой гордиться!

Авиад только сейчас серьёзным взором окинул окружающее их место. Настоящее гнилое кладбище, столбы дыма, горы прожжённых и истерзанных мечами тел, реки крови, погребённое под телами оружие, запах, гарь и неистово пышущее жаром рыжее, последнее солнце — вот что было итогом кровопролитной магической бойни!

— Столько людей полегло, всё поле ими как горохом усеяно, а маленькая победившая группка резвится так, будто их победа что-нибудь да значит... Какие же чудачки, — удивлялся Авиад, тогда как Крис начинала приходить в себя. Её зор фокусировался всё лучше, голова крутилась меньше, мутило некромантку реже, а мана пропитывала её тело, как салат пропитывался жирным, вкусным майонезом.

Эдемский маг был ещё ближе и, не останавливаясь, приближался к своей цели. Он шёл, и Авиад наконец увидел его, обрадовавшись как маленький ребёнок, что под ёлкой нашёл долгожданный подарок:

— А он молодец, этот Саркис. До сих пор от одного его вида в дрожь бросает, а аура буквально с ног сносит... А позади и Вальтер. Что-то кричит, пытается достучаться до уходящего от него богатырского тела. Саркис и ухом не водит. Не слышит. Всё как всегда... Настало время, Крис. Время последнего решающего хода. У меня есть одна идея, — радостно, восторженно и даже с лёгкими нотками ужаса вещал старик-архимаг, бросая ласковый взгляд на милую девушку, что наконец пришла в себя и смогла улыбнуться. Их цель была близка... Их цель заставляла сердца двигаться в едином, мощном ритме, что предвещал открытие врат в другой, в новый мир. Мир более справедливый, более благодостный и стабильный. Надежда на него всё ещё теплилась в их возбуждённых сердцах!

— Саркис, наконец мы встретились с тобой. Спусти столько времени...

— Авиад, друг, я тоже рад видеть тебя. Ведь ты меня ни в коем случае не обманул, дед, ты был со мной самым честным из честных, так ведь? Я, по твоему великому наставлению, посетил нашего дорогого Мартена. Я даже прихлопнул его, но Демиурга, увы, я так и не сыскал. Спасибо тебе, старик, не обманул ты меня, не обманул, — мило и по-доброму, с нотками сарказма, говорил Саркис, смотря на виноватую полуулыбку самого Авиада.

— Прости меня, маг. На тот момент я не мог сказать тебе правду, однако сейчас я готов. И это действительно будет правда. Без лжи, увиливаний и всего остального. Я наконец-то укажу тебе на человека, что точно носит в себе информацию о твоём дорогом брате, — Авиад говорил уверенно, чётко, неспеша, смотря за недоверяющим, но всё ещё весёлым, безумным эдемским лицом.

— Я должен тебе верить Авиад? Зачем мне всё это? Один раз ты меня уже предал да и о тебе, со временем, я услышал много плохого...

— Пусть они шепчутся, — перебил его старик. — Пусть они разводят свои грязные сплетни. Ты поверишь каким-то дурацким жителям, ничего незнающим и ничего не

добившимся, или ты ступишь на правильную сторону и всё же слушаешь меня, бывшего главу магов? То что я скажу будет правдой. Не сомневайся в этом, — старик вертел руками как только мог, говоря всё также смело, уверенно, как по бумажке.

Саркис же сморщился, окончательно остановился, сверля своими звериными глазами разом вспотевшего старика-архимага:

— А с чего мне доверять твоим словам? — настороженно и внезапно строго заговорил голос эдемского мага, заставив Авиада громко сглотнуть.

— Не верь ему! Этот человек преступник, убийца, его место только за решёткой. Не слушай, брось, лучше давай объединимся со мной. От этого будет гораздо больше пользы. Подумай, — поистине истошно завопил Вальтер, дёргаясь словно занервничавший параноик. А Саркис только закрыл глаза. Кому нужно было поверить. Кого из них нужно было послушать...

Слуги, крепкие и громадные, мерно стояли за спиной Авиада, готовясь защищать и убивать ради него. Крис ждала приказа. Совсем скоро, осталось совсем немного...

— На этот раз не будет обмана. Человек позади тебя, Верховный архимаг — это он знает где Демиург, а ещё и прячет его у себя. Слушай меня и верь. Я говорю тебе правду.

— Докажи! — стиснул зубы Саркис, не желая больше вестись на слова этого непонятого, таинственного преступника, на слова этого обманщика и умелого манипулятора.

— Я попробую... Попробую... — быстро думал старик, покуда Вальтер истошно твердил своё. Его белоснежные одежды колыхались на ветру, его маску озаряли яркие оранжево-красноватые лучи закатного солнца, его голос отчаянно надрывался, ломался, вопил:

— Не слушай... Это же Авиад! Поганая крыса, подлая тварь, наш общий враг, враг всего человечества. Он пытается натравить нас друг на друга, рассорить, разъединить, он стремится уничтожить нас. Пойми же это!..

Эдемский маг плотно-плотно зажмурил глаза. Его лицо искривилось, обозлилось, зубы закрипели. Кому же из них подать руку, кому же...

— Я тебе докажу, Саркис, великий маг эдемский. Спроси у человека за спиной о Демиурге. Скажи, что он твой друг, соратник, брат... Расскажи всё это Вальтеру и тогда правда сама выползет наружу, как долго прятая змея под раскидистой кроной дерева... Ты поверишь, ты осознаешь, ты увидишь...

Богатырь молчал. Он не знал что будет правильным, он больше не думал о лжи или истине, он вдруг почувствовал каким жаром запыхало его по-настоящему живое сердце. Он почувствовал, как что-то пробуждалось внутри. Чувства ли, зверь ли — уже всё стало неважным, а перед глазами застыло златовласое, аристократичное лицо того человека, что всегда был рядом, слушал, делился мыслями, что был для него единственным настоящим другом...

— Братишка... Мой Демиург... — Саркис раскрыл глаза, хрустнул шеей, захрустел всеми пальцами рук и на одних пятках повернулся к Вальтеру, что по-прежнему твердил и твердил своё, вероятно ощущая, как время его правления стремительно прекращалось. — Знаешь кто мой брат? А, Верховный?

Вальтер опустил руки и умолк, гордо воздев голову к небу и внимательно слушая эдемского мага, уже сжавшего кулаки и почувствовавшего тонкие язычки пламени, что пытались ураганом вырваться из его тела, неистово вскипающего от простых человеческих

эмоций — каких-то слабостей и глупостей, удела обычных людей.

— Мой брат — это Демиург. Он — мой друг, соратник, собеседник. Он — часть моей души, — выпалил Саркис под лёгкие, почти неслышимые хлопки Авиада, сейчас восхищающегося одним из своих самых последних ходов в этой, до невозможности, долгой партии.

— Ну вот и всё, Крис. Управлять людьми так легко. Причём простыми словами, звуками, обычной речью... Саркис на крючке. Будь готова! — торжественно и не без самолюбования произнёс старик, заметив аккуратный кивок прекрасной головой.

Между тем Вальтер прилил всю ману к кончикам своих конечностей, воздевая голову всё выше и выше:

— Что ты сейчас сказал?... Так ты тоже один из них. Ты же наверняка один из главарей, как и твой брат. Один из людей, пришедших, как я полагаю, с совершенно другого мира... Выродок, а я ещё понадеялся на тебя. Также сплотился с этой гадкой змеёй. Со своим братом, да?... Но ничего, я спасу мир от вашего вредного яда. Вы все ответите перед простыми жителями Нижнего мира! Тебе подобные столько крови выпили у несчастных людей, у всего нашего мира... Я не прощу вас, тварей. Никогда не прощу! — шатался Вальтер в неопикуемой ярости, а эдемский маг и не слушал речь Верховного. Для него всё было понятно. Авиад не врал. Этот король в белоснежных одеяниях и пугающей маске — он знает Демиурга. Он точно знает где его найти.

Их кулаки, кулаки двух сильнейших магов этого мира, громко столкнулись перед тем, как всё в округе потонуло в диком, голубом пламени. Они смотрели друг на друга, они были готовы разmozжить друг другу лица, их сомкнутые ладони заставляли сам воздух дрожать, рассеиваться на части, позорно прятаться. Голубой бурный огонь, выписывая свой танец, забрал всю компанию, схватил, перенёс, а злоба внутри столкнувшихся только продолжала разгораться. За брата Саркис был готов принести в жертву и весь Нижний мир! За его освобождение он был готов убивать короля за королём, Вальтера за Вальтером, лишь бы добиться своей цели.

Авиад отлично отыграл масштабную партию, спровоцировав многие локальные конфликты, сотворив Великую Магическую Войну. Старик был гением, но он по-прежнему был частью старого мира. Он был уходящим солнцем, а Демиург был рассветом...

Закат мира был красноречивее любых слов и показательнее даже самых последних действий старика манипулятора, в сети которого попались абсолютно все фигуры на этой шахматной доске. По крайней мере, так казалось старику...

Столица погружалась в тёмную, страшную ночь. Она затихала, огни в белоснежных домах медленно гасли, накрывая яркий, белый город увесистым ночным покрывалом.

Великая Магическая Башня светилась как громадный факел и жители абсолютного любого дома величественной столицы Нижнего мира могли увидеть этот божественный свет. Гигантская королевская башня, самое стройное и самое грациозное, что когда-либо видели глаза простого человека, возвышалась над всей столицей, венчая её, словно корона венчающая голову повелителя мира.

Внутри башни было тихо, темно, глухо. Купол высился над головами магов, витражные стёкла светились оранжевым закатным светом, стены, высокие и белёдые, уходили кверху, к небу, куда-то ввысь, к большому куполу.

Люди лежали на холодном, гладком полу совершенно без чувств. Сопели, иногда ворочались, но особо не нарушали тишину величественного храма Церкви Господа.

Маги и слуги лежали аккуратно по центру гигантского церковного зала. Они лежали, потихонечку начиная пробуждаться, двигаться, открывать глаза. Они лежали, чувствуя, как наступал судьбоносный момент для каждого из них!

Первыми на ноги поднялись смуглые, крепкие стражи, по-прежнему тяжело дышащие, но уже двумя горами возвышающиеся над остальными магами. В руках они приготовили острые сверкающие серпы. Как обычно, в случае непредвиденной ситуации, они с радостью пустили бы оружие в ход, защищая своего архимага.

Авиад тем временем раскрыл глаза, мощно выбросив метаться по залу несколько сносящих волн из чистой жёлтой маны. Его План выполнялся, выполнялся успешно, и старик блаженно улыбнулся, хоть его зрение и плавало да шаталось, никак не хотя придти в себя:

— Победа... Она у меня в руках... Я чувствую их злобу и ненависть, я её ощущаю... Саркис и Вальтер на пределе, я уверен...

Крис, шатаясь, поднялась на ноги, тяжело вздыхая да постанывая от сильной, страшной боли. Слишком много сил было отдано, а совсем скоро предстояло отдать ещё больше, отдать всю себя без остатка:

— Ради своего деда я сделаю это. Это его мечта, это его последнее желание. Он будет гордиться мной, гордиться своим наследием... Вставайте, господин Авиад! Пришло время понаблюдать за концом прогнившего и началом нового, чистого, прекрасного, — девушка протянула старику свою белоснежную, нежную ручку, и Авиад, восхищённо и торжественно улыбаясь, ухватился своей иссохшей грубой ладонью за свой билет в будущее. Билет в его мечты, желания, самые сокровенные надежды...

— Спасибо тебе, Крис. Скоро всё закончится, нас ещё будут ждать отдых и умиротворение. Ещё только немного подождать и потерпеть... Моя принцесса и мои стражи — мы на пороге будущего. А ворота почти раскрылись. Победа уже в наших руках, — они обнялись. Все вчетвером. Обнялись, празднуя долгожданный день, ради которого каждый из них так долго и глубоко дышал. План действовал, План работал, План был близок к своему завершению...

Эдемский маг захрипел, опираясь на руки и пытаясь встать на свои болящие ноги. Всё вокруг кружилось, пускалось в пляс, тело болело, руки еле сгибались, мана лениво текла по всем жилам Саркиса. Пол вертелся или то было головокружение — эдемский маг не знал.

Он только чувствовал злость, ненависть, и его ладони то и дело превращались в ожесточённые кулаки. Он был готов сражаться. Сражаться до конца. За Отца, за Демиурга, за остальных братьев, за весь потерянный им Эдем, за ту потерянную жизнь, о которой маг так сильно мечтал:

— Архимаг... Верховный... Ты мне всё расскажешь. Я не отпущу тебя, Вальтер, каким бы ты не был королём этого мира. Я знаю что ты таишь в себе знание... Боже, как всё болит. Чёртов голубой огонь... — эдемский маг поднялся на ноги, даже не посмотрев в сторону Авиада и остальных счастливых людей, что слились вместе и радовались как дети, в едином порыве несущиеся к рассвету, к их новому солнцу.

Саркис же мечтал увидеть своего брата. И неужто его остановит какой-то Вальтер?

— Демиург, мой братец. Подожди ещё немного. Мы встретимся, обязательно встретимся. Я дойду до конца... — еле работающими губами бормотал эдемский маг, что шёл вперёд сквозь боль, сквозь страдания, переступал через самого себя, отдавая при этом части своего живого сердца...

Верховный архимаг, господин Вальтер, схватился за стену, прижимаясь к ней и дрожа от неистовой боли, сотрясающей до основания всё его тело. Маска вздымалась и опадала, белоснежные одежды стлались за накрённой спиной и подгибающимися ногами, дыхание несло вскачь, и даже живот болел, заставляя статного короля хрипеть, мучиться и сжимать уставшие от такой жизни глаза:

— Как же я устал... Я подвёл всех людей, что верили в меня! Я подвёл свою почти полностью павшую армию! А ведь ещё мне верил Адонис. Верил в меня и весь мир... Я оказался слабаком, на которого все зря положились, в которого зря верили... Мне позволили возглавить это общество, но я оказался недостойным его... Как жаль. Я не хотел такого громкого падения и такой гигантской катастрофы. Я заслужил только ненависть и смерть! Я сам положил начало этому кошмару, — корил себя Вальтер, корчась и ужасаясь от боли да потрагивая громадную магическую книжку, главный источник его сил, самое главное оружие Верховного. — Но я могу ещё попытаться сделать последние шаги. Наверняка ещё не всё потеряно, я не верю в быструю победу истинного зла. У меня ещё осталась смелость, решимость, остались и козыри. Я могу ещё постараться ради доверившихся мне людей. Бог всегда стоит за правдой, он наверняка поможет мне.

Вальтер верил, он ещё хотел попытаться повернуть всё вспять, обратить зло в добро, вернуть жизнь в этот умирающий мир. Это и была сложная работа Верховного архимага! Работа, на кону которой всегда стояла его жизнь, работа, что требовала от человека любви к каждому и каждому жителю Нижнего мира, будь он аристократом или преступником! И Верховный с самого начала и по сей час зарекался работать до самого конца, изо всех сил. Вальтер не имел права бросать этот мир и обрекать его на смерть. Он не имел права прекращать бороться, он обязан был всем и каждому, кто поверил в него!

Книга в его руке наполнилась жирной, тягучей магией. А на обложке хитро смеялся большущий живой глаз. Глаз, что смиренно ждал своего часа. Глаз, что ожидал завершения своего Плана. Глаз того существа, что сумело перехитрить всех и каждого. Он смеялся, чувствуя судороги старого мира. Предсмертные судороги старого и биение сердца чего-то молодого, нового, где он был бы хозяином, королём и даже Богом! Глаз радовался, ведь совсем скоро настанет его эпоха и тогда всё вновь зацветёт, задышит, замерцает яркими красками. А пока глаз ожидал, ожидал и ожидал, смеясь над безуспешными и нелепыми попытками обречённого на смерть Вальтера, ведь другой судьбы королю этого мира было

уже не видать...

Больше книг на сайте - Knigoed.net